

Г. ЗИНОВЬЕВ

ПУТЬ ОКТЯБРЯ

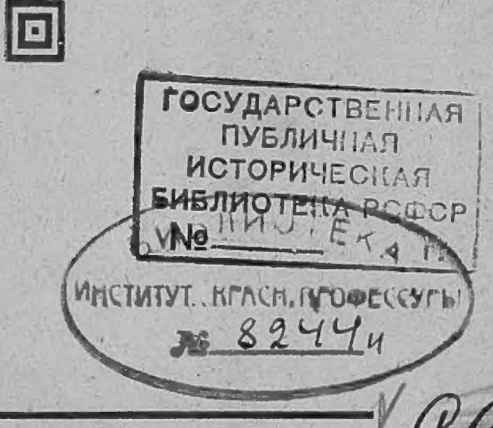
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Г. ЗИНОВЬЕВ

ПУТЬ ОКТЯБРЯ

СБОРНИК ОКТЯБРЬСКИХ РЕЧЕЙ И СТАТЕЙ

1917—1924 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Ленгиз № 11620.
Ленинградский Гублит № 18837.
$10^1/_2$ л. Отп. 10.000 экз.

1917

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ![1]

Товарищи, мы находимся в настоящий момент в периоде восстания. Я считаю, однако, что никаких сомнений относительно его результатов быть не может, — мы победим.

Я убежден, что громадная часть крестьянства станет на нашу сторону после того, как крестьяне ознакомятся с нашими положениями по земельному вопросу.

Да здравствует начинающаяся отныне социальная революция!

Да здравствует питерский рабочий класс, который доведет победу до конца!

Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму.

Долой войну, да здравствует международный мир!

---

[1] Краткий отчет о речи на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 года. «Рабочий путь» № 46.

ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ. [1]

Всякий солдат, всякий рабочий, всякий истинный социалист, всякий честный демократ не могут не видеть, что созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение.

Или — или.

Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, и тогда это означает восстановление буржуазного всевластья, воскрешение дворянских преимуществ и кровавую всероссийскую карательную экспедицию, которая обозначит виселицами, как вехами, свой путь по деревням и городам и кровью солдат и матросов, крестьян и рабочих зальет всю страну. Тогда это — продолжение опостылевшей войны, тогда это неизбежные смерть и голод.

Или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, и тогда это означает полное уничтожение помещичьей кабалы, немедленное обуздание капиталистов, немедленное предложение справедливого мира. Тогда земля — обеспечена крестьянам, тогда контроль обеспечен над фабриками, тогда хлеб обеспечен голодающим, тогда конец бессмысленной бойне.

Решение в ту или иную сторону неизбежно, и среднего пути нет.

Врем. правительство разваливается. Оно обманно уверяло армию, что согласно добиваться и может добиться от «союзников» — полного «отказа от захватов». Но «союзные» заправилы разбойного капитала (в полном согласии с российской буржуазией) решительно отказываются в какой бы то ни было мере считаться с требованиями российской революции (ничего другого и нельзя было ожидать от них), американские, английские и французские банкиры постановляют:. «войну продолжать». Пусть гибнут миллионы крестьян и рабочих, пусть гибнет русская революция — «союзные» буржуа заранее рукоплещут ее гибели и, изде-

---

[1] «Рабочий путь» 25 октября (7 ноября н. с) 1917 г. Передовая, без подписи.

ваясь над ней, запрещают даже Скобелеву появление на «союзной» конференции и снимают окончательно с ее обсуждения вопрос «о целях войны».

Военный министр Верховский (отнюдь не большевик, что ни кричала бы желтая пресса) понимает, что в таких условиях русская армия сражаться не сможет, что солдаты откажутся умирать ради завоевательных целей ненасытных буржуазных захватчиков. За это «понимание» военный министр Верховский в двадцать четыре часа «вылетает» из министерства. Ибо позади министерства скрыта подлинная власть — власть Родзянки-Каледина и Бьюкенена (английского посла). С уходом Верховского тайное становится явным. На посту военного министра его сменяет ген. Маниковский, тот самый ген. Маниковский, которого в феврале месяце Родзянко предлагал председателю монархического министерства, ответственного перед Гос. Думой.

Развал Временного правительства прямо приводит к власти ставленника дворянско-банкирской контр-революции. Программа Родзянки-Каледина торжествует. Это открытое торжество корниловской программы.

И корниловско - родзянковская программа уже проводится в жизнь: Калужский Совет разгромлен, — в Москву вытребован из Орла карательный отряд для борьбы с Московским Советом, в Петрограде Временное правительство объявило войну военно-революционному комитету и партии рабочих, солдат и крестьян. Наши газеты закрыты (утром были опечатаны типографии «Рабочего Пути» и «Солдата»), и если они выходят, то лишь потому, что контр-революционные насильники уже бессильны против сознательных и верных защитников революции.

Но на ряду с властью «республиканца» Керенского, играющего роль «заслона» для подлинного правительства монархистов Маниковского-Родзянки, другая вырастает власть — власть Советов, власть рабочих, солдат, деревенской и городской бедноты.

Кому из них быть властью в Петрограде, кому из них быть властью в России? Быть ли всей стране в руках дворянских держиморд, в кандалах буржуазного насилия, или миллионам и миллионам угнетаемого трудящегося люда отныне свободно располагать своей жизнью и своей судьбой?

Бесконечная война или конец войне? Уничтожение всех помещичьих прав на землю или уничтожение всех крестьянских надежд на землю? Бесконтрольное хозяйничанье капиталистов или контроль рабочих над буржуазными живоглотами? Торжество контр-революции или победа революции? Вопросы поставлены. Они поставлены историей во весь рост. Кто же даст на них ответ, кто может дать их решение?

Никто, кроме нас самих, — никто, кроме рабочих и крестьян, солдат и матросов. В великий час — великая ложится на нас ответственность.

Против палачей-корниловцев, против буржуазных заговорщиков, против врагов народа и революции — станем все как один человек за свободу, мир, хлеб и землю!

1918

ИТОГИ ПЕРВОГО ГОДА РЕВОЛЮЦИИ. [1]

Товарищи!.. Братья!.. Мы вспомнили сегодня наших близких друзей и товарищей, потерянных нами в течение года. Нет среди нас горячо любимого тов. Володарского, нет тов. Урицкого, нет десятков и сотен товарищей, которые принадлежали к составу самого славного в Советской Республике Петроградского Совета.

Товарищи, мы собрались в стенах родного и близкого нам — Смольного. Теперь нет во всем мире ни одного честного пролетария, который не знал бы о Смольном.

Впервые петроградский пролетариат овладел этим зданием в сентябре 1917 года, в тот момент, когда правительство Керенского предложило нам очистить Таврический дворец для «истинного хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Керенский рассчитывал похоронить в Смольном Советы, которые, по мнению буржуазии, надо было сдать в архив.

Но Смольный вскоре вышел на авансцену истории. Петроградский пролетариат сумел отвоевать у буржуазии и Таврический дворец, и Смольный, и стать действительным хозяином всей русской земли.

Многие видели эти стены за год революции. В половине сентября 1917 года, еще в то время, когда тов. Ленину и мне пришлось скрываться на конспиративной квартире на Выборгской стороне, петроградские рабочие впервые провозгласили: «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!» (Бурные аплодисменты.) Я не забуду того момента, когда тов. Каменев пришел и сообщил нам об этом событии. Вы помните, товарищи, как в решающие дни октября здесь открылся второй съезд Советов. Предатели меньшевики и эс-эры в то время хныкали о насилиях над министрами-«социалистами», а тов. Ленин спокойным голосом, не обращая на них внимания, читал первый декрет о переходе земли к крестьянам. Я помню, как старый

---

[1] Речь на заседании Петроградского Совета Р. и С. Д. 7 ноября 1918 г. Речь напечатана в газете «Год Пролетарской Революции» (25 октября 1917 г. — 25 октября (7 ноября) 1918 г.) № 2, 8 ноября 1918 г.

крестьянин вышел на трибуну и в ответ на хныканье этих старых баб заявил: «На мой взгляд нужно не только Авксентьева, но и всех других предателей рабочего класса посадить в тюрьму». Вы помните историческое братание крестьян и рабочих, когда съезд крестьян слился со съездом Советов. Вы помните и тот момент, когда на этот стол были положены ключи от банков.

Много счастливых моментов пережил этот зал за год. Но не мало и горьких минут довелось пережить ему. Вспомните жуткую пору брестских переговоров, когда ко Пскову подходили немецкие войска и раздавались тревожные гудки в Петрограде; вспомните удручающе-мрачные продовольственные доклады, вызывавшие злорадство у врагов, предвкушавших нашу скорую гибель. Много тяжелого пережили мы, но и один сегодняшний радостный вечер окупает эти трудные минуты.

Достижения минувшего года еще невелики. Мы даже не сумели еще одеть рабочих: они оборваны, на их лицах печать голода, их жены и дети влачат еще тяжелую жизнь. Но все же мы кое-что и сделали: мы начали уже организовывать производство. Совет Народного Хозяйства мог бы порассказать многое о сделанном нами в этой области. А пред нами, ведь, большие трудности, многочисленные фронты. Мало, но кой-что сделано и в области социального обеспечения. В области народного просвещения мы сделали так много, что наши враги нарушили обет молчания, и вынуждены отдавать дань изумления этой работе Советской власти. Но самая большая наша победа: мы разбудили братьев-пролетариев всего мира. В Берлине сегодня, в день нашей годовщины, рабочие объявили однодневную политическую забастовку. (Бурные аплодисменты, овация.) Наши враги из меньшевистского лагеря твердили, что наша ориентация на международную революцию неверна, что нам не удастся разбудить европейский пролетариат. Но прошел год, и мы воочию убедились, что национальные интересы революционной страны совпадают с интересами международного рабочего класса. Мы видим, что союзники навязали Австрии такой мир, перед которым наш Брест кажется раем, и спасти теперь порабощенную Австрию должен и может только рабочий класс.

Мучительно и долго ждали мы момента, когда западный рабочий класс осознает свои цели. В течение года мы удержали власть в своих руках, и сегодня у стен Смольного открыли памятник Карлу Марксу. Мы разбудили международный пролетариат, мы дожили до того момента, когда Карл Либкнехт, освобожденный из каменного мешка, где он был заточен, шлет свой привет нам, первому правительству мозолистой руки. Он с радостью сообщает, что желает обнять каждого русского рабочего и крестьянина, как своего брата. Товарищи, если нам доведется пережить еще более тяжелые минуты, пережить нашествие

иностранных завоевателей, голод, пусть каждый из нас вспомнит о сегодняшнем счастливом моменте, пришедшем после столь больших трудностей. История как бы ждала этого праздника.

Товарищи, перед Германией сейчас встали две возможности: уступить Либкнехту или Вильсону. Конечно, германская буржуазия пойдет на все, лишь бы не уступить ни пяди земли собственным рабочим и крестьянам. Возможно, что за спиной своих народов мировая буржуазия уже сговорилась и готовит совместный поход на Советскую Россию. К этому неизбежно ведет все. Мы этой опасности не должны от себя скрывать. Возможно, что нам скоро снова придется дать тревожные гудки и объявить всеобщую мобилизацию. Но картина уже будет не та, что год тому назад. Весь мир теперь не тот, не такова германская армия. Мы теперь имеем мощную рабоче-крестьянскую армию. Только что закончившийся съезд крестьянской бедноты в Петрограде убедил нас в том, что за нами теперь все многомиллионное крестьянство.

Если кто-нибудь из международных разбойников подумает посягнуть на нас, то пусть он знает, что теперь больше, чем когда-либо, мы будем защищаться до последнего человека. Пусть знают они, что крестьяне земли не отдадут.

Мы посмотрим еще, насколько удачен будет их поход, что скажут их народы, что скажет славный парижский пролетариат. События, разворачивающиеся сейчас в Австрии и Венгрии, многим казались сначала несерьезными, но после того, как там подняли графа Тиссу на штыки, всем стало ясно, что Австрия и Венгрия идут по нашему пути. И недалек тот момент, когда министров прочих стран постигнет та же участь.

Вчера в Москве открылся 6-й Съезд Советов. Этот съезд в сухом, коротком, деловитом послании обратился ко всем правительствам с предложением о мирных переговорах. Мы не знаем, как откликнутся на наше предложение все правительства. Возможно, что они наше послание замолчат, но несомненно то, что в сердце каждого рабочего, крестьянина и солдата наш призыв встретит самый горячий привет.

Социализм стучится в дверь, мы находимся у преддверия его — теперь это ясно каждому. А год тому назад на эту вот самую трибуну выходили люди и с ученым видом, с учеными выкладками и с марксистскими как будто обоснованиями доказывали нам, что социализм теперь невозможен, тем более в нашей отсталой стране. А между тем ведь так просто и ясно, что должен восстать угнетенный против угнетателя, эксплоатируемый против эксплоататора, дабы завоевать себе право на жизнь. Год революции доказал всем правильность нашего пути.

Товарищи, рабочие неизмеримо быстро шагают вперед. На пути своего победного шествия они отметают от себя всех своих

бывших руководителей, продававших и продающих рабочий класс своей политикой соглашения с капиталом. Все эти меньшевики, изолгавшиеся социал-демократы, как мрачные тени прошлого, исчезают перед светлым днем мировой рабоче-крестьянской победы.

Нам предстоят еще тяжелые дни, наш корабль еще не раз будет подвергаться натиску бурь. Но, несомненно, что мы доживем до такого момента, когда не только у нас, но и у французов, англичан и у американцев будет свой Смольный. Наши враги ненавидят одно имя Смольного, но тем более горячо любят его наши рабочие, наши бедняки-крестьяне. Пролетарии же всех стран, несомненно, в недалеком будущем будут чтить Смольный, как свою величайшую святыню. Пусть крепнет борьба мирового пролетариата! Да здравствует Смольный мирового пролетариата!

Да здравствует Петроградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов!

Да здравствует лучший из лучших петроградский пролетариат!

Да здравствует надвигающаяся и уже надвинувшаяся революция!

Да здравствует славный Смольный!

(Бурные аплодисменты. Овация).

1919

155942

КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД УЦЕЛЕЛ [1].

Товарищи, первое слово на сегодняшнем нашем собрании должно быть посвящено нашим товарищам и братьям, павшим в борьбе за наш родной красный Петроград. Сейчас нет не только ни одного района, но, пожалуй, ни одного крупного завода, который не понес бы жертв в дни революционной защиты Петрограда. Можно даже сказать, что в каждом рабочем доме в Петрограде теперь не досчитываются того или другого члена семьи. К именам наших погибших товарищей, к таким именам как Володарский и Урицкий в последние дни прибавились многие славные имена.

Достаточно вспомнить товарищей Мазина, Жука, Чекалова, Григорьева, Трубачева и многих, многих других. Я называю имена наиболее старых, наиболее известных товарищей, но, разумеется, не менее горестна потеря и тех, чьи имена, быть может, еще надолго останутся безвестными.

Товарищи, много жертв понес красный Петроград в последние дни и недели, много дорогих жизней погибло, но никогда еще люди не знали более великой, благородной борьбы, чем нынешняя защита первой столицы пролетарской революции, на которую покушался двуглавый орел международной реакции.

Последний месяц можно назвать м е с я ц е м о П е т р о г р а д е. Теперь можно уже подвести некоторые итоги пережитому. В вихре событий мы не сразу отдавали себе отчет в том, что происходит. Теперь английские, эстонские, русские белогвардейские газеты рисуют с полной ясностью картину того, что здесь готовилось.

В 10-х числах октября началось наступление генерала Юденича, вскоре пал Ямбург, а за несколько дней до этого

---

[1] Речь на торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября 1919 года.

лондонские буржуазные газеты аршинными буквами писали, что через неделю — две Юденич будет в Петрограде.

Теперь совершенно ясно, что план нападения на Петроград вырабатывался долгими неделями, а может быть, и месяцами, обсуждался в тиши кабинетов в Лондоне и Париже, и величайшие «светила» буржуазной военщины принимали участие в его выработке.

Все было обдумано до последней детали, все было взвешено, все было предусмотрено. На нас шел не генерал Юденич, а вся мировая реакция, весь европейский империализм, оставшийся в живых после тех громадных катастроф, которые переживал мир.

Юденич был только пешкой в руках английского министра Черчилля; Юденич и Родзянко были простыми агентами, исполнителями того, что задумали в Париже, в Лондоне, в Нью-Иорке представители империализма.

Вокруг Петрограда плетется сеть интриг в течение долгих и долгих месяцев. Петроград как нельзя более приспособлен и по своему местоположению и по своему историческому значению к тому, чтобы служить точкой притяжения для всех империалистов.

Петроград граничит с Финляндией и Эстонией, странами, в которых буржуазия все еще стоит у власти. К Петрограду англичане могут подойти и с моря, а вы знаете, что англичане теперь на море сильнее, чем когда бы то ни было.

Петроград пользуется заслуженной ненавистью со стороны буржуазии всех стран, потому что наш красный Петроград — первый город-бунтовщик, первый город, поднявший красное знамя революции, первый город, давший рабочему классу победу, первый город, который вызвал к себе любовь и внимание рабочих всего мира. Вот почему против этого города-бунтовщика интригуют все время палачи мирового империализма.

Они пытались нанести нам удар с наибольшим эффектом: они хотели именно ко дню 2-й годовщины взять Петроград. Не так давно в белогвардейских газетах, издающихся в Ревеле и в Гельсингфорсе, писали, что нам не праздновать 2-й годовщины в Петрограде.

Враг просчитался: мы празднуем 2-ю годовщину в Петрограде. (Аплодисменты.) Еще совсем недавно, когда Детское Село было захвачено бандой белогвардейцев, Родзянко отказался в бинокль смотреть на Петроград, ибо, — говорил он, — «мы через два дня будем гулять в Петрограде». Я не знаю, где гуляет сейчас Родзянко, во всяком случае, на почтительном расстоянии от Петрограда, и не далеко то время, когда международная контр-революционная шайка совершит свою последнюю «прогулку». (Аплодисменты.)

Вокруг Петрограда, повторяю, плетется густая сеть интриг. Нам с вами надо понять основу этой хитрой механики.

В Латвии орудует свой Юденич, нашумевший русско-немецкий полковник, белогвардеец Авалов-Бермонт. Под крылышком у белых латышей он собрал шайку белогвардейцев, как Юденич в Эстонии и Финляндии. В решающий момент он наплевал на самостоятельность Латвии и взял силою оружия Ригу.

Английское и французское правительства делают вид, что они недовольны Бермонтом, и требуют отзыва немецких войск, которые помогают ему. С самого начала нам казалось подозрительным, почему бы английской и французской буржуазии настаивать на уводе немецких белогвардейских войск из Курляндии. Теперь ясно: это — простое шулерство. Английские и французские империалисты втирают очки рабочим всего мира. На самом деле немецким белогвардейским войскам говорили: не уходите, готовьтесь к походу на Петроград.

Повторилась старая картина.

Английские империалисты посылали румынских белогвардейцев на столицу Венгрии: «Идите, душите Венгерскую советскую республику», и в то же время писали ноты румынам: не ходите на Венгрию, мы против этого... Обычное шарлатанство!

Но когда румыны подошли к Будапешту и задушили Венгерскую советскую республику, тогда только стало ясно, что англичане и французы подготовляли это наступление. Такая же картина происходила и происходит теперь в Курляндии, и там наши враги хотят свить веревку для красного Петрограда. Одной рукой они пишут ноты о «невмешательстве» и уводе немецких белогвардейских войск, а другой готовят вместе с немецкими войсками поход против нас.

Немецкие генералы участвовали в борьбе против нас. Об этом имеются достоверные свидетельские показания. В деревне Ропше погиб начальник Ливенского полка генерал фон-Раббе, и в Смольном вы можете видеть доску, которая была прибита на могиле этого царского пса, павшего от красноармейской пули.

Полковник Бермонт, который будто бы нарушает волю немецкого правительства, обращался с самыми любезными телеграммами к этому правительству. Игра шла тонкая. Немецкое правительство делало вид, что оно отзывает свои войска, посылало своим частям телеграммы с требованием возвращения в Германию... но все это шито белыми нитками.

Немецкое правительство, состоящее, как известно, не только из откровенных буржуев, но и из господ социал-демократов, во главе с Шейдеманом и Эбертом, убийцами Карла Либкнехта, помогало белогвардейской шайке.

Генерал Бермонт обратился 7-го октября со следующим радио к социал-демократическому меньшевистскому правительству

*

Германии. Я цитирую телеграмму по газете русских белогвардейцев, издающейся в Берлине. Он писал:

«Германскому правительству. По просьбе образовавшегося 7 октября Центрального Совета Западной России, я принял на себя задачу восстановления государственного порядка и спокойствия в освобожденных от большевиков частях западной России.

«Как представитель русской верховной власти, я не хочу упустить случая для выражения благодарности германскому правительству за несравненную помощь германских войск при защите от большевиков русских окраин. После ухода германских войск я принимаю на себя ответственность за порядок в занимаемых моими войсками областях. Особенное внимание обращаю на поспешную отправку германских войск. Я верю, что в борьбе с разрушающим весь мир большевизмом я встречу среди всех народов сочувствие, которое необходимо, чтобы устранить мировую опасность и обеспечить всем государствам мир, свободное развитие и спокойствие.

Полковник Авалов-Бермонт.

Председатель сенатор граф Пален».

Товарищи, этот документ большой важности показывает, кто шел против нас. Против нас шли не только черносотенные царские генералы и офицеры, но и немецкие белогвардейцы, засевшие со времени старой войны под Ригой и Митавой. Против нас шли не только лондонское и парижское правительства, но и белогвардейские «социал-демократические» банды, стоящие во главе германской, с позволения сказать, республики. Вот кто шел против нас!

Против нас двинулась не маленькая группа. Мы сначала не дооценивали сил своих врагов. Враги были вооружены до зубов. Они имели пять танков, большое количество пулеметов, достаточное количество артиллерии и командного состава, на каждых 5—6 солдат приходился один офицер.

Вот почему на долю противника в первые дни выпал успех. Надо отдать ему справедливость: все было задумано достаточно хитро и тонко, бдительность наша была усыплена,— эстонцы как будто готовы были подписать с нами мир, нам казалось на одну минуту, что немецкие белогвардейские войска и впрямь отзываются назад, в Германию. Удар должен был произойти внезапно, неожиданно для нас, и, действительно, вначале, как вы знаете, расчет врага оправдался. Он дошел не только до Гатчины, но и до Красного и до Детского Села. Противник опьянел от успеха и мечтал уж о вступлении в Петроград.

Финляндская и русская буржуазия в Финляндии укладывала чемоданы, собираясь сюда. Она, по ее собственному признанию,

переживала «петроградскую лихорадку». Был назначен петроградский градоначальник, генерал Владимиров; распределялись и другие должности. Я не знаю, какая лихорадка треплет этих господ теперь, когда Юденич улепетывает так, что его невозможно догнать, во всяком случае — не лихорадка радости, которая была у них две недели тому назад.

Противник, дойдя до Гатчины, обнаружил себя во всей наготе. Мы были в Гатчине и видели картину царящего там разорения. Белогвардейцы сожгли до тла здание Гатчинского Совета, дабы ничто им не напоминало о существовании советской власти.

Во время этой тяжелой борьбы выяснилась еще и следующая подробность: господ русских белогвардейцев сопровождала американская миссия, которая ставила себе задачей заботу о наших детях. И первым подвигом этих любвеобильных миссионеров явился... разгром наших детских приютов в Гатчине. Этот факт засвидетельствован точными протоколами. Когда белые заняли Гатчину, они устроили там еврейский погром. Граф Пален, глава бермонтовского правительства, выпустил в Гатчине листовку такого содержания: «Произошли еврейские погромы, очень жаль! Но это, вероятно, устроили большевики, оставшиеся в Гатчине».

Таким образом, Пален хотел одним ударом двух зайцев убить: и погромчик устроил, и ответственность на нас свалил. О белых булках и помину не было. Население Гатчины во время пребывания там белых получило... по две селедки. Ни фунта хлеба! Даже железнодорожники, от которых жизненно зависел Юденич, не получили ничего.

Вот как шло дело!

Удар, нанесенный нами врагу в Детском Селе и в Павловске, решил дело. Белые бандиты покатились обратно. Первый испуг в наших частях, вызванный появлением танков, прошел. Скоро красноармейцы разобрали, что танки против артиллерии не представляют непреодолимой опасности.

В белогвардейских газетах я с удовлетворением читал о «безумной храбрости» красных курсантов, в частности — финских товарищей, которые, по словам белогвардейцев, с ружьем на изготовку дрались против танков.

Товарищи, вы знаете, что враг попятился. В это время соседняя 15-я армия нанесла ему решающий удар. Я должен здесь перед петроградским пролетариатом принести горячую благодарность руководителям и красноармейцам 15-й армии, которые оказали Петрограду неоценимую услугу. Когда 15-я армия взяла Лугу и стала выходить на линию Мшинскую, белые поддались панике и стали поспешным образом отступать. С тех пор две армии — 7-я и 15-я — в течение трех—четырех дней преследуют по пятам белых, которые утекают так, что до сих пор мы не можем, как выражаются на военном языке, притти в сопри-

косновение с противником. Только самый дальнозоркий красноармеец видит, как сверкают пятки господ русских и немецких генералов, энергично марширующих от Петрограда. (Аплодисменты.)

Товарищи, непосредственная опасность для Петрограда прошла. Мы теперь знаем, кто были вдохновители и участники этого похода. Надо отдать себе отчет и в том, как, чем, благодаря чему мы отразили вражеский натиск.

Мы победили, прежде всего, потому, что среди наших красных войск оказались, несмотря на материальные лишения и нехватки, достаточно стойкие части. Но, товарищи, не только поэтому пришла победа. Победа зависела прежде всего от петроградских рабочих и работниц.

Когда белые приблизились на 15 верст к Петрограду, когда они подходили к ст. Лигово, тогда, товарищи, дело зависело не столько от войск, сколько от настроения петроградских рабочих и работниц. Один момент колебаний, одна минута шатаний, паники — и Петроград погиб бы, по крайней мере, на время.

Петроградские рабочие и работницы выдержали испытание.

Прав был товарищ, воюющий пять лет и проделавший всю империалистическую войну, который сказал мне: у вас, петроградских рабочих, не нервы, а канаты, у вас железные нервы. Да, это так. В самый опасный момент петроградский рабочий не дрогнул ни на одну секунду. Петроградский рабочий принялся тогда укреплять свой город.

Мы воздвигли баррикады и проволочные заграждения. Войска, уходившие из Питера, чувствовали, что мы будем защищать в революционном городе каждый дом, каждую пядь земли. Никто не думал об эвакуации, единственная страстная мысль овладела всем питерским пролетариатом — защитить свою красную столицу. И это обстоятельство решило дело.

Я должен здесь перед представителями петроградских рабочих принести особенную благодарность рабочим Путиловского и Ижорского заводов. Рабочие-путиловцы, главным образом, старики, ибо молодежь ушла на фронты, — путиловцы работали над броневыми поездами и над артиллерией день и ночь, в буквальном смысле слова. Был случай, когда броневой поезд, на ремонт которого в обычное время требовалось 10 дней, благодаря героизму рабочих путиловцев, чинился в 4 часа. Так же работали и рабочие колпинцы с Ижорского завода. Они не знали ни дня, ни ночи, они делали все человечески возможное, чтобы дать против танков броневые поезда и броневики. И в первую минуту эти поезда и машины решали судьбу Петрограда. Петроградские рабочие — вот кто одержал главную победу над Юденичем.

Я должен здесь отметить, как вели себя товарищи коммунисты. Я слышал от начальника дивизии, находившейся на

самом опасном участке, следующее замечание: «товарищи коммунисты идут на смерть так, как шли бы на завод выполнять важное и трудное дело; не волнуясь, не рисуясь героизмом, они умирали за советскую власть и рабоче-крестьянскую Россию».

Вот, товарищи, отзыв о наших коммунистах, о тех сотнях и тысячах рядовых рабочих, красноармейцев-коммунистов, которые, как всегда, где было опасное место, были впереди, которые закрывали каждую дыру своим телом, которые заражали энтузиазмом рабочих и крестьян, боровшихся против Юденича.

Я должен отметить героизм матросов Балтийского флота, которые, за немногими исключениями, в очень трудной обстановке держали фронт. Красная Горка, которая летом попала в руки противника, на этот раз не была потеряна, но она переживала очень трудные минуты, она пережила несколько жутких дней и ночей, когда в нее палили из 15-дюймовых орудий.

Мы не могли послать большой помощи гарнизону. Бывали многочисленные налеты аэропланов на крепость, но ни на одну минуту никто не дрогнул. В общем и целом Красная Горка и передовой форт («Серая Лошадь») вели себя геройски.

Вот, товарищи, кто спас Петроград.

Наш долг указать здесь, что, узнав об опасности, угрожавшей Петрограду, стали торопиться на помощь первому городу революции провинциальные города северной России, приславшие десятки и сотни лучших ответственных работников, которые шли на фронт в качестве рядовых. Москва прислала несколько тысяч курсантов и других отборных войск, сражавшихся здесь рука об руку с нами.

Губернии, более обеспеченные хлебом, посылали нам, отрывая последний кусок от себя, поезда с продовольствием. Общим напряжением сил мы добились победы.

Мы обеспечили Петроград от нападения Юденича, мы отбросили его далеко назад и надеемся, что в ближайшие дни от его армии останется только одно воспоминание.

Говоря о последних событиях, я должен остановиться на роли в них эстонцев и финнов. Установлено точно, документами, что под деревней Гостилицы против нас стоял 4-й эстонский полк. Нам сообщали, что три эстонских полка отказались итти против нас, но один полк все же был брошен в бой. Сейчас, когда я выступаю перед вами, эстонская белогвардейская армия делает попытку нажима на Псков, чтобы спасти положение под Гдовом. Эстонская буржуазия ведет опасную игру. Она отдавала отдельные полки как бы напрокат Юденичу. Она хотела застраховать себя на оба случая жизни — на случай нашей победы и на случай победы Юденича. Она хотела быть именинником и на Антона и на Онуфрия. Она играет на две стороны. Как бы ей не проиграть!

Ставка, которую она делала на Ллойд-Джорджа, Клемансо, Черчилля — птиц большего полета, чем карлики из Ревеля, — эта ставка проиграна. Если ревельские буржуа нам бросят вызов, мы его примем, и обезопасим себя от «добрых соседей», которые в любую минуту готовы спустить на нас стаю цепных псов — Юденича и Родзянко.

Питерские рабочие должны быть готовы к новой борьбе.

То же я должен сказать и о Финляндии. Маннергейм был в Париже. Теперь он, сломя голову, спешит в Гельсингфорс и с дороги шлет письмо президенту Финляндской республики:

«Долго ли Финляндия будет ждать? Почему она не идет против Питера? Меня (Маннергейма) в Европе все спрашивали, когда же Финляндия исполнит свой долг, когда пойдет она против Питера?»

«Вся Европа» для Маннергейма, это — кучка банкиров и Клемансо. Но вся Европа рабочая и солдатская — она в Стокгольме и в Париже встречала Маннергейма свистками. Маннергейм должен был пробираться закоулками, ибо рабочие встречали его враждебными демонстрациями.

Не исключена возможность и того, что генерал Юденич, прогнанный нами отсюда, посадит остатки своих банд на корабли, переберется через Копорский залив в Бьерке, в финляндскую гавань, и попытает счастья со стороны Финляндии, откуда до нас всего 25 верст. Такая возможность есть. К этому мы также должны быть готовы.

Товарищи, против нас ополчились серьезные буржуазные силы — английский и французский капитал. Они так легко не откажутся от своей задачи. Они после первой неудачи не склонят головы и попытаются напасть на нас с другой стороны.

Надо, чтобы питерский пролетариат был готов. Если завтра или через пять дней придется встретить незваных гостей со стороны Финляндии, будем стойки, бодры, уверены и спокойны, как тогда, когда враг прошел через Красное Село и стучался в ворота Лигова. И победа будет за нами. Ибо на нашей стороне — правда, на нашей стороне — рабочий класс, а на противной стороне — отребье, жалкая кучка буржуазии, по которой плачет веревка.

Мы должны помнить: сегодня мы победили Юденича, но борьба вокруг Петрограда еще не окончена. Эта стая псов рыщет вокруг ворот нашего города, она не хочет примириться, что красный бунтовщик остался цел.

Поэтому мобилизация продолжается, работа по внутренней обороне не прекращается, ни один работник с фронта не должен быть отозван, пока Ямбург и Гдов не взяты нами, пока мы не убедимся, что финские и эстонские буржуа не смеют ничего замышлять против нас. Петроград должен

помнить, что он город, на горе стоящий, и вокруг него слишком много бушует страстей. Будем на посту, будем стоять под ружьем, и не одну неделю или месяц, а столько, сколько потребует революционный долг.

Товарищи, события, о которых я говорил, имеют всемирно-исторический характер. Они представляют собой великолепный итог двухлетия советской власти. Мы являемся участниками борьбы двух миров, двух классов — мирового пролетариата и мировой буржуазии.

7 ноября 1918 года, год тому назад, произошли австрийская и германская революции. Правда, Германия, которая назвала себя социалистической республикой, успела в это время, по вине социал-предателей, выродиться в республику буржуазную. Германскую коммунистическую партию обезглавили. Мы потеряли в Германии наиболее видных вождей III Интернационала — Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Германскую партию коммунистов распинают на всех перекрестках, все тюрьмы полны коммунистами, за коммунистическое выступление социал-предатели расстреливают направо и налево. Но и в Германии и в Австрии наши партии закаляются в борьбе. Рабочий класс теряет последние иллюзии, он теряет доверие к буржуазии, к социал-предателям и группируется вокруг коммунистов. Потребовался, правда, опыт очень жестокой и трудной борьбы. Но массы, миллионы людей иначе не учатся как на собственных уроках, на собственных ошибках.

В истекшем году закончилась мировая империалистическая бойня. Заключен Версальский мир. Мне кажется, что этот договор наилучшим образом подтвердил правильность наших взглядов.

Конец венчает дело. Версальский конец увенчал разбойничье дело империалистов, которые залили весь мир кровью и превратили Европу в мировое кладбище. Если были раньше сомневающиеся, если были темные, отсталые рабочие и крестьяне, которые не понимали еще, что происходит на белом свете, то теперь, когда кончилась война, когда догорели огни ее, когда отзвучали пышные, парадные фразы и заключен подлый мир,— теперь и слепому ясно, из-за чего люди воевали в течение четырех лет. Ясно, что вся война была сплошным, небывалым в истории, вопиющим преступлением против человечества. Всякому теперь ясно, что вся империалистическая война была продиктована исключительно интересами наживы, интересами кошелька. Человечество поняло эту истину. Человечество, к счастью, не сошло еще с ума. Оно сделало правильные выводы из жестокого урока, который получило в эти четыре года войны.

Посмотрите, что делается кругом. Мы не знаем и сотой части того, что происходит в Европе и в Америке. Везде ста-

чечное и повстанческое движения: в Америке бастует около миллиона шахтеров, в Англии разразилась недавно грандиозная железнодорожная забастовка, в Италии рабочие проводят одну забастовку за другой.

То же происходит во Франции, в стране, где сидят Клемансо и К°.

Товарищи, на-днях мне попалась буржуазная парижская газета. Там помещена следующая, крайне характерная каррикатура: изображена парижская мэрия, районная управа. Рабочий пришел получать какую-то справку. Он стоит перед чиновником, который задает формальные вопросы: сколько лет, где родился? и т. д. Наконец, чиновник доходит до вопроса: «А ваша профессия?» Рабочий отвечает: «Моя профессия? — Я стачечник, как все французские рабочие».

Эту каррикатуру помещает французский буржуазный листок. Когда на нее смотришь, хочется сказать: над кем смеетесь, господа французские буржуа? Над собой смеетесь! Вы довели дело до того, что в вашей хваленой демократической республике профессией каждого рабочего стала стачка. Когда французские рабочие устраивают стачку, они всякий раз неизменно провозглашают: «Да здравствует советская власть в России! Не смейте вмешиваться в русские дела, уберите грязные руки от России!»

Нам, конечно, приходится тяжело оттого, что английский и французский капитал смеет вмешиваться в наши дела. Но вместе с тем то обстоятельство, что они вмешиваются в наши дела, служит, как свидетельствуют английские и французские коммунисты, лучшим возбудителем широких рабочих масс против них и ускоряет революцию во Франции и в Англии. Ибо французские и английские рабочие видят, что мировой буржуазный поход против России вызван установлением советской власти в нашей стране.

И прозревают самые слепые среди английских и французских рабочих и крестьян.

В результате — английские и французские капиталисты не могут открыто послать свои миллионные армии против нас, они не могут открыто произвести так называемую интервенцию. Они вынуждены делать свое подлое дело крадучись, как мелкий воришка. Они не скажут открыто, что именно они из своих 15-дюймовых орудий палят по Красной Горке. Они говорят, что наступают на Советы лишь царский белый флот, эстонцы, Юденич и т. д. Им ничего не остается больше как лгать направо и налево. Их газеты полны самой неслыханной лжи. Они писали в течение последних 3-х недель, что часть Петрограда уже занята, что Деникин стоит под Москвой, что Колчак в Самаре, и т. д. Английские и французские рабочие — не бессловесный скот, — они образованнее многих из наших рабочих. Английский и французский

рабочий отлично понимают игру своих буржуа, рабочий сдирает маску с них, бросает ее им в лицо. На всех конгрессах, съездах, во время миллионных стачек, потрясающих мировой буржуазный организм, во всех требованиях рабочих масс красной нитью проходит один и тот же лозунг: против вмешательства в русские дела, за советскую власть! Этот лозунг гремит во всем мире, всюду находя себе многотысячное, многократное эхо. Всюду, в различных уголках Европы и Америки, его горячо подхватывают миллионные рабоче-крестьянские массы.

В этот год, товарищи, произошло еще одно, не последнее, а первое по важности, событие — родился Коммунистический Интернационал, родилась международная организация рабочего класса. Идея III Интернационала была брошена давно. Но одно дело — провозгласить идею, а другое дело — облечь ее в плоть и кровь. Теперь мы видим, что Коммунистический Интернационал из идеи превратился в факт. Коммунистический Интернационал становится великой державой. Он насчитывает уже около полутора миллионов организованных членов. Всюду, где живут и борются рабочие, имеются теперь коммунистические партии. Десятки партий входят в III Коммунистический Интернационал.

Все, что есть честного, боевого, благородного в рабочем классе, сплачивается именно вокруг Коммунистического Интернационала. Когда-то Маркс говорил о I Интернационале, о Международном Товариществе Рабочих, что в течение первого десятилетия Интернационал правил одной страной мировой истории. Не пройдет и года, самое большее — двух лет, и мы сможем сказать, что III Интернационал является хозяином мира, управляет не одной только страной мира, не только частью земного шара, но он настоящий вождь всего мира.

Таковы важнейшие события мирового значения, которые произошли в истекшем году.

Нашему красному Петрограду пришлось испить тяжелую чашу до дна. Нашему красному Петрограду в эти 12 тяжелых, но полных исторического смысла месяцев не раз приходилось стоять под тяжелой угрозой. Кто не помнит того момента, когда Красная Горка была взята? Кто забудет недели, только-что истекшие? Они навеки запечатлеются в душе каждого из нас — эти осенние сумрачные дни, когда каждый думал тяжелую думу о том, устоит ли родной Петроград, не ворвется ли в стены красного города банда Юденича? Когда мне случалось в эти дни проезжать по рабочим районам, за Нарвскую например заставу, меня неотвязно угнетала одна и та же мысль: если сюда ворвется, хотя бы на один день, хотя бы на 24 часа, эта банда, эта разъяренная стая псов, сколько будет жертв, сколько рабочих, работниц, их детей погибнет!

Много таких тяжелых дней и недель было нами пережито, много страданий, лишений, холода и голода пришлось нам испытать. Каждый из нас, переживший этот год, состарился на десять лет. Но мы можем с гордостью сказать, что ни на секунду не дрогнули наши ряды.

Мы недавно провели партийную неделю по всей России. Партийная неделя в Москве происходила тогда, когда Деникин рвался на Тулу. Она дала партии 15 тысяч новых членов. В эти тяжелые дни, когда Юденич был в Красном Селе, в петроградскую организацию записалось около пяти тысяч новых членов. Вот величайшее историческое событие. Оно показывает, что чем труднее нашей партии, тем сильнее душа рабочего класса рвется к ней. В дни тяжелых испытаний рабочий все теснее примыкает к нашей партии, и берет на себя бремя партийных обязанностей. Такое отношение к революционной партии как нельзя более характерно для рабочего класса, для тех, кто ничего не может потерять, кроме своих цепей.

Да, когда партии становится тяжело, когда некоторые сомнительные «друзья» и попутчики начинают поглядывать на выходную дверь, затаив мысль, как бы во-время порвать партийный билет и унести свои ноги, тогда учащенно бьется сердце пролетария, тогда настоящий пролетарий идет в партию. Он говорит: моей партии тяжело, и именно теперь я пойду в ее ряды.

Честь и слава тем товарищам, которые в Москве и в Петрограде пришли к нам в тяжелое время и показали, что жив рабочий класс России, жив революционер, что он готов на борьбу и будет грудью отстаивать революцию.

Вспомним и другие моменты. Вспомним отправку на южный фронт. Стало тяжело на юге, поколебался там фронт, и Петроград, голодный, разоренный, отправивший десятки, а может быть и сотни тысяч, своих сынов на разные фронты, Петроград снова первым бросается вперед. Он самоотверженно заявляет: на юге плохо, что же — пошлем туда наших лучших людей, отправим туда лучших работников, пусть они вольют свежую кровь в нашу армию! И Петроград отправил своих лучших борцов на южный фронт. Его героическому примеру последовали Москва и другие города революционной страны.

Армия на юге пошла вперед, взяла Орел, Воронеж, она подвигается теперь к Курску. Петроград — великое слово. Мы бываем погружены с головой в будни и не сразу отдаем себе отчет в той грандиозной работе, какую мы выполняем. Без всякого преувеличения можно сказать, что Петроград, это — любовь Советской России. Ни один город не пользуется такой любовью как Питер.

Товарищи, несколько месяцев тому назад, когда нас душил невыносимо тяжелый голод, Петроградский Совет послал в разные

города телеграмму с просьбой помочь хлебом. Как только в стране стала известна эта телеграмма, все поезда с хлебом, находившиеся в пути, повернули в Петроград. Мне довелось по этому поводу выслушивать справедливые нарекания со стороны московских товарищей, которые говорили: Петроград без хлеба, но ведь и другие города голодны.

Этот факт показал, что такое Петроград для Советской России. Товарищи, приехавшие с разных фронтов, рассказывали о том, как целые полки настойчиво требовали отправки их на петроградский фронт. Был такой случай: сормовские дезертиры, скрывавшиеся в лесах, прислали делегацию, которая говорила: разрешите собрать всех сормовских дезертиров и итти защищать красный Петроград.

Как только вопрос об опасности для Петрограда встал вплотную, все почувствовали, какой удар навис над нами. В эти три недели, когда французские биржевики радостно, аршинными буквами возвещали в газетах, что Питер взят, когда белогвардейцы предвкушали победу, в это время, можно сказать уверенно, лучшие рабочие всех стран, затаив дыхание, ждали и прислушивались: что же будет под Питером? И лучшего подарка всему Интернационалу, рабочим всего мира, мы не можем сегодня поднести, чем это короткое сообщение: товарищи, **Петроград вне опасности!** Не верьте, товарищи иностранные рабочие, сказкам: Петроград устоит, Петрограда не победит никто! Никто никогда не возьмет красный Петроград, пока в нем живет и борется революционный рабочий класс, пока хоть один десяток тысяч пролетариев остается в Петрограде.

Мы встречаем 2-ю годовщину при обстановке, можно сказать, открывающей самые радужные надежды в международном и общероссийском масштабах. В общероссийском масштабе вы видите, что главная карта реакции бита. Три месяца тому назад все кумушки шептали: Колчак идет, Колчак приближается, Колчак придет. Колчак был признан «верховным правителем всея Руси», звание, которым наградили его французские и английские биржевые короли. Теперь Колчак «был, да весь вышел». Мы идем в столицу Колчака, Омск; до Омска осталось 150 верст; ни одной укрепленной позиции на нашем пути не осталось, Колчак бежит в Иркутск; ему не помогли ни танки, ни чехо-словаки, ни английские миллиарды, ни меньшевики, ни эс-эры, которые имели глупость и подлость его поддерживать. Этот палач разбит!

Второй противник, Деникин, месяц тому назад казался грозным. Деникин теперь отступает, мы его бьем, наша конница берет его солдат в плен каждый день, он откатывается все дальше и дальше. То же самое случилось и с Юденичем. Близка минута, когда гражданская война кончится. На вопрос о том, когда она кончится, у нас, у революционеров, не может быть другого ответа,

кроме одного: гражданская война кончится тогда, когда кончатся Юденич, Деникин и Колчак. (Аплодисменты.) Тогда, когда мы разобьем последнюю банду белогвардейских палачей, которые еще мечтают повернуть колесо истории назад, которые еще мечтают вернуть себе эполеты, власть, землю, доходы.

Советская Республика встречает 2-ю годовщину в обстановке благоприятной. Рабочий класс, как один человек, сплотился вокруг Советов. Это показала партийная неделя, неделя защиты Петрограда. Крестьянство больше, чем когда-либо, сплотилось вокруг советской власти, крестьянские бунты прекратились, крестьянство в армии закаляется для того, чтобы под руководством передовых рабочих пойти в последний бой.

Международные перспективы не хуже. Международная революция идет вперед быстрыми шагами. Мы за год потерпели некоторые неудачи. Погибла Венгерская советская республика. Наша младшая сестра, которая гнездилась на маленькой территории, окруженная со всех сторон врагами, побеждена. Но венгерский рабочий класс поднимется, он отомстит поработителям. Сегодня мы шлем привет нашим братьям, венгерским коммунистам, во главе с их вождем Бэла-Кун. (Аплодисменты.) Мы говорим: товарищи, мужайтесь, и у нас были разгромы, и у нас были июльские дни, но мы встали на ноги и теперь вместе с рабочими говорим: Венгерская советская республика на время побеждена, да здравствует Венгерская советская республика! (Аплодисменты.)

Мы видим, как идет и крепнет международное пролетарское движение. Недавно состоялся съезд итальянской рабочей партии, на котором громадным большинством победили коммунисты, на котором открыто обсуждался вопрос о технической подготовке к восстанию, на котором спорили по поводу того, сегодня или завтра, через неделю или через четыре недели назначить восстание в Италии. Италия полыхает в огне стачек и демонстраций.

Таково же положение в Париже. На громадных рабочих собраниях при слове «Совет» раздается взрыв аплодисментов. И всякого, кто смеет сказать хоть одно слово против Советов, сгоняют с трибуны, объявляют изменником. Лучшие рабочие Франции гордятся нами. На всех празднествах и торжествах главный лозунг: «За Советы». Главное требование во Франции — поддержка Советской республики.

В Америке, в Англии, в этих твердынях капитализма, протекают миллионные стачки. События неслыханные, небывалые ни для Англии и Франции, ни для Америки. Останавливаются железные дороги. Вильсон мечется, теряет рассудок в поисках выхода. В некогда могучих странах капитализма мировая революция идет вперед семимильными шагами. У нас всюду есть друзья.

Два года тому назад мы, действительно, были как-будто одиноки. Вокруг нас бурлил океан враждебных страстей. У нас был миллион врагов и не было, казалось, ни единого друга. В эти два года мы пережили многих врагов. Многие из них погибли, многие погибнут, если не завтра, то послезавтра. Все эти правительства Скоропадских, Маннергеймов, германских, английских, французских, американских биржевиков мы пережили и переживем, потому что на нашей стороне весь народ, могучий, молодой рабочий класс, восходящий к власти, несущий освобождение всему человечеству. На нашей стороне — десятки миллионов людей. Против нас — развращенный, гнилой, умирающий класс капиталистов, который обожрался прибылями, напился крови рабочих и крестьян, зачинщик братоубийственной империалистической бойни.

Вот почему мы победим. Мы полны веры в победу. Посмотрите на Петроград. Мы два дня тому назад строили баррикады, а сегодня мы покрываем Питер красными знаменами. На баррикадах, с винтовкой в одной руке и с красным знаменем в другой, мы будем продолжать борьбу, окруженные любовью и поддержкой рабочих всех стран. Мы доведем борьбу до конца!

Да здравствует великий город, красный Петроград! (Продолжительные аплодисменты).

Да здравствует слава наша — петроградские рабочие! (Аплодисменты.)

Да здравствует будущий владыка мира — Великий Коммунистический Интернационал! (Продолжительные аплодисменты. Крики «ура!»)

Товарищи, позвольте огласить полученное мною от тов. Ленина для передачи вам следующее приветствие:

«Первого привета заслуживают петроградские рабочие, как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира.

«Петроградские рабочие первые отвергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма. Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской Республики держат победно это знамя, вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения. Два года социалистического строительства дали нам, несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военные нашествия всемирного империализма, дали нам большой опыт, дали укрепление советской власти.

«Сочувствие рабочих всего мира на нашей стороне. Медленно и трудно, но неуклонно зреет во всех странах пролетарская революция, и зверские насилия буржуазии только обостряют борьбу, только ускоряют победу пролетариата.

«Как раз последние дни английские реакционеры и империалисты поставили последнюю свою карту на взятие Петрограда. Буржуазия всего мира, и русская особенно, уже предвкушала победу, но, вместо победы, она получила поражение. Под Петроградом войска Юденича отступают. Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы, напрягите все силы во что бы то ни стало, преследуйте отступающие войска. Бейте их. Не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить, как можно сильнее, чтобы добить врага.

«Да здравствует Красная армия, побеждающая царских генералов, белогвардейцев, капиталистов!

«Да здравствует Международная Советская Республика!

5 ноября 1919 г. *Н. Ленин*».

В ответ на это я предлагаю послать завтрашнему собранию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Московского Совета от имени нашего собрания следующее приветствие:

Торжественному заседанию ВЦИК и Московского Совета.

Дорогие товарищи! Ко дню второй годовщины нашей великой пролетарской революции мы счастливы сообщить вам, что, по выяснившейся обстановке, Петроград сейчас совершенно вне опасности. Наши войска с каждым часом продвигаются вперед, бьют врага, берут пленных и пулеметы. Войска Юденича поспешно отступают.

В течение последних трех недель внимание всей Советской Республики, да и всего мира, было приковано к красному Петрограду. Здесь англо-французские империалисты решили дать нам решающий бой. И из этого боя — теперь это уже совершенно ясно — победителями выходим мы.

Петроградские рабочие не поколебались ни на одну секунду. Рабочие, работницы — все до единого люди труда — принялись укреплять свой город. Петроград покрылся баррикадами, проволокой, всевозможными укреплениями. Город преобразился. Петроградский пролетариат готовился защищать каждый дом, каждый камень в Петрограде, и в то же время сотни и тысячи лучших рабочих Питера отправились на фронт, чтобы принять участие в полевой войне.

Вся Советская Республика спешила к нам на помощь. Особенно велика заслуга тов. Троцкого в деле защиты Петрограда. Всем товарищам, помогавшим нам в тяжелые для Питера дни, мы выражаем нашу братскую благодарность.

Петроград, этот великий город, в котором родилась рабоче-крестьянская революция, навсегда будет нашим. Близко время, когда наша республика победит всех врагов. Наша победа столь же неизбежна, как неизбежно то, что после ночи наступает утро.

Да здравствует Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика!

Да здравствует всемирная пролетарская революция!

Я позволю себе считать это приветствие принятым. Затем я предлагаю принять следующее обращение к рабочим всего мира, которые, безусловно, в это время ждут нашего слова, ибо вокруг Петрограда сосредоточился весь их интерес в последние дни.

Пролетариям всего мира.

Товарищи! В день второй годовщины нашей пролетарской революции первое наше слово привета обращено к вам. В течение трех недель внимание всего мира было приковано к нашему городу—к тому городу, где родилась рабочая революция. Английские и французские империалисты вот уже два года организуют один за другим натиск на красный Петроград. Нет той подлости, нет той интриги, нет того насилия, к которому не прибегли бы англо-французские империалисты, преследующие задачу захвата Петрограда. Английское правительство прислало в наши воды свой флот, который обстреливает наши берега. Те же английские империалисты прислали в Финляндию своих летчиков, которые десятки раз бросали бомбы в мирное население Кронштадта, убивая женщин и детей. Английские и французские капиталисты наводнили прилежащие к Петрограду места шпионами, сыщиками, взрывателями мостов. Английские и французские империалисты подкупили эстонскую и финскую буржуазию. Английские и французские империалисты добились того, что в Ревеле и в Нарве, в Гельсингфорсе и в Выборге русские черносотенные генералы и офицеры расположились как у себя дома. В Финляндии и Эстляндии англо-французская буржуазия устроила базу для белогвардейских войск Юденича. Туда собрали черносотенных офицеров; на английские и французские деньги их одевали и обували; английское и французское правительства дали войскам Юденича пушки, танки, пулеметы, снаряжение, и они бросили этих разбойников еще раз против Петрограда.

В течение трех недель вся желтая буржуазная печать, все биржевые акулы, все социал-предатели заранее ликовали, предвкушая падение Петрограда. В гнусных газетах, в роде шейдемановского «Форвертса», уже пели отходную советской власти. В лондонских и парижских газетах, находящихся на содержании

у банкиров, уже отплясывали дикий танец по поводу ожидавшейся ими победы Юденича. Псы англо-французской буржуазии готовились уже сделать последний прыжок, чтобы вцепиться зубами в горло рабочего класса Петрограда. Американская миссия ездила вслед за войсками Юденича до самой Гатчины. Эта миссия имела якобы задачей кормить голодных русских детей, а на деле она вместе с громилами Юденича разграбила наши детские приюты. Танками Юденича управляли английские офицеры. Среди банд Юденича было немалое количество английских и французских командиров.

Но планы англо-французских головорезов не удались: наш славный красный Петроград еще и еще раз вышел победителем из борьбы. Мы прогнали Юденича, который отступает так быстро, что наши войска не могут его догнать. Мы дадим отпор любым попыткам эстонской и финляндской буржуазии, подкупленной английскими и французскими банкирами. Красный Петроград навсегда останется красным. Петроградские рабочие и работницы не поколебались ни на одну минуту. Тысячи и тысячи петроградских рабочих отправились на фронт, чтобы защищать свой родной город. Оставшиеся в городе возводили баррикады, проволочные заграждения и другие укрепления, готовясь отстаивать каждый дом, каждый камень своей столицы. Нашествие врагов вызвало небывалый энтузиазм среди рабочих. В дни, когда Юденич ломился в Петроград, в члены нашей партийной организации в одном Петрограде записалось новых пять тысяч рабочих и работниц.

Во всей продажной европейской печати кричали о том, будто в Петрограде все умирают с голоду, будто в нашем Питере каждый день замерзают сотни людей, и тому подобный вздор. Да, мы голодаем. Да, по милостям Антанты и русских грабителей буржуа, мы терпим неслыханные лишения. Но все-таки мы снабжаем нашу доблестную Красную армию, защищающую Петроград, лучше, чем когда бы то ни было. Наша Красная армия не знает недостатка ни в чем, она прекрасно одета, обута и питается удовлетворительно. Продовольственное положение Петрограда, разумеется, нелегкое, но оно лучше, чем было когда бы то ни было за последние два года. Ни голод, ни холод, ни Юденич, ни наемники Ллойд-Джорджа и Клемансо не победят петроградских рабочих.

Петроград стоит незыблемо. Петроград в любую секунду готов защищаться до последней капли крови против нападения буржуазии. Пролетариат первого города пролетарской революции, как верный часовой, стоит на страже наших завоеваний.

Мы знаем, товарищи, что в то время как буржуазия всех стран в течение этих трех недель, щелкая зубами, дожидалась нашей гибели, вы, рабочие и работницы всего мира, были душой

с нами. Мы знаем, что вы с симпатией и любовью следите за нашей борьбою, мы знаем, что вы ненавидите буржуазных угнетателей так же, как и мы. Мы знаем, что недалек тот момент, когда вы восстанете против буржуазных палачей и лишите их возможности душить нас. Мы знаем, чем циничнее английская и французская буржуазии вмешиваются в наши русские дела, чем подлей их нападения на Российскую Советскую Республику, тем скорее они погибнут, ибо тем ярче разгорается ваш гнев против англо-французских палачей, тем быстрее сплачиваются ваши ряды, тем скорее ваши руки рвутся к мечам.

Ваше сочувствие, дорогие товарищи, является для нас величайшей поддержкой в нашей тяжелой борьбе. Никакой другой награды нам не нужно.

Да здравствует братская солидарность рабочих и работниц всего мира! Да сгинет буржуазный строй! Да здравствует красный Петроград, и пусть все мировые столицы поскорее подымут красное знамя труда! Да здравствует Международная Советская Республика! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Предлагаю принять еще следующие приветствия и обращения:

Революционному Военному Совету Республики.

В знаменательный день второй годовщины великой пролетарской революции Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов от имени всего трудящегося населения Петрограда приветствует Красную армию Советской Республики. Славный путь прошла наша Красная армия за два года! Окруженные злейшими врагами социализма, преследуемые разъяренной буржуазией всех империалистических государств, мы знали за два года и тяжелые поражения, но в общем и целом мы шли и идем вперед, все вперед: рабоче-крестьянская власть крепнет; земля, вырванная из цепких лап русских помещиков, навсегда останется в руках трудящихся крестьян; фабрики и заводы, отобранные нами у капиталистов, навеки останутся в руках рабочего класса; натиск царских генералов и помещиков мы отбиваем вот уже два года. Крепче, чем когда бы то ни было, рабоче-крестьянская Советская Республика России, окруженная любовью рабочих всех стран, держится на ногах сейчас, в момент второй годовщины пролетарской революции.

Красной армии принадлежит величайшая заслуга во всем этом. Наша Красная армия есть первая армия в мире, защищающая бедняков против богачей, угнетенных против угнетателей. Наша Красная армия — меч в руках рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Много лишений и страданий приходится переживать солдатам нашей Красной армии. Но все беды и напасти только закаляют дух рабоче-крестьянской армии, которая становится грозою всех империалистов.

Рабочий класс России сделает все, что от него зависит, дабы Красная армия ни в чем не нуждалась, чтобы она могла с еще большим успехом бить наших врагов. Победа не за горами, победа близка. Красная армия Советской Республики разобьет всех врагов рабочих и крестьян и даст нашей стране покой, счастье и довольство.

Да здравствует Красная армия!

Бойцам 7-й и 15-й армий, морякам Балтийского флота, красным курсантам.

Вам, своею грудью отстоявшим красный Петроград, Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов от имени всего трудящегося населения Петрограда шлет братский привет в день второй годовщины пролетарской революции. Вам дано было защищать величайший город мировой революции, и вы защищали его в отдельных частях наших армий, оборонявших Петроград. Бывали неустойки, но в общем и целом вы все храбро сражались и не щадили себя. Вы знали, товарищи, что защищаете тот город, где родилась рабочая и крестьянская революция. Вы оказались достойными петроградских рабочих, которые готовились защищать каждый дом в Петрограде, на случай, если бандам Юденича удалось бы ворваться в самый город. Сознательные рабочие и крестьяне всего мира с нетерпением ждали исхода борьбы вокруг Петрограда; они вместе с нами теперь торжествуют победу, и вместе с нами шлют вам выражение любви и уважения. Многие из вас легли на подступах к Петрограду. Имена погибших навсегда будут священны для рабочих и крестьян России. Многие из вас тяжело ранены на подступах к Петрограду. Рабочий класс России сделает все возможное для того, чтобы поставить на ноги раненых.

Враг отступает. Юденич разбит. Игра английских и французских буржуев, поставивших ставку на Петроград, проиграна. Рабоче-крестьянская революция еще и еще раз вышла победительницей. Идите же дальше, дорогие товарищи, не давайте врагу оправиться, не знайте остановки, доводите дело до конца, не останавливайтесь ни на минуту до тех пор, пока Ямбург и Гдов не будут наши. Этого ждет от вас ваш Петроград. Этого ждет от вас вся рабоче-крестьянская Россия.

Да здравствуют славные бойцы 7-й и 15-й армий!

Эстонским рабочим и солдатам, эстонскому народу.

Товарищи и граждане! В борьбе, которую царский генерал Юденич ведет против красного Петрограда, не последняя роль принадлежит вашей буржуазии и вашим генералам. Эстонское буржуазное правительство уверяет вас, что оно не ведет борьбы против нас. Это ложь! Совершенно незыблемо установлено, что в боях под деревней Гостилицы на стороне Юденича дрался 4-й эстонский полк. Совершенно точно установлено, что теперь, когда мы разбили Юденича, ваше правительство пытается спасти его, усиливая натиск на Псков.

Буржуазное эстонское правительство оказывает радушное гостеприимство царским генералам и офицерам, во главе с Юденичем и Родзянко. Юденич и Родзянко чувствуют себя в Ревеле и Нарве как у себя дома. Тот самый Юденич, который уже сейчас плюет в физиономию Эстляндии, заявляя, что никакой самостоятельности он за ней не признает, этот самый Юденич может безвозбранно хозяйничать в Нарве, собирать там свои войска, обучать их, получать оттуда всяческую помощь. Эстонская буржуазия предает интересы вашего народа. Эстонская буржуазия настолько боится красного призрака коммунизма, что готова объединиться с белыми царскими генералами, которые, если бы победили, растоптали бы грубым сапогом самостоятельность Эстляндии.

Товарищи и граждане! Российская Советская Республика не воюет с Эстляндией и не хочет с ней воевать. Ни один наш солдат не собирается переходить вашей границы. Но мы требуем от вас, чтобы вы отказались помогать черносотенным царским генералам, идущим против Петрограда.

Вам лгали, вас уверяли, что в Петрограде паника. Вам рассказывали сказки, будто бы голод и холод достигли в Петрограде неописуемых размеров. Вам говорили, что Деникин подходит к Москве, что Юденич занял половину Петрограда. Вы видите теперь, что все это ложь. Колчак, главный вождь русской контрреволюции, разбит нами на голову; наши войска приближаются к Омску. Колчак бежал из своей былой столицы; Деникин отступает; Юденича мы разгромили. Юденич бежит так быстро, что наши войска не могут его догнать. Петроград остается столицей Советской Республики. Петроградские рабочие и работницы, как один человек, готовы до последней капли крови отстаивать свой город. Рабочая революция идет вперед во всем мире.

Вы пятнаете свои руки участием в кровавом преступлении. Отказывайтесь от какой бы то ни было поддержки царским генералам, требуйте увода эстонских полков с русского фронта. Помните, если вы дадите окрепнуть Юденичу, он поступит

с Эстляндией так же, как поступил его приятель, русский полковник Авалов-Бермонт, с Латвией. Он бросит свои белые банды против вас же, он разгромит вашу же страну.

Поверните ваши штыки против действительных ваших угнетателей! Требуйте немедленно заключения мира с Советской Республикой!

Да здравствует братство народов!

Финским рабочим, солдатам и финляндскому народу.

Товарищи и граждане! За вашей спиной готовится новая измена. Палач Маннергейм и его шайка употребляют все усилия, чтобы втянуть Финляндию в войну против Советской России. Финляндская буржуазия желает вас бросить в авантюру против красного Петрограда. В вашей столице, где год тому назад хозяйничали германские генералы, теперь хозяйничают английские и французские генералы. Ваша буржуазия ходит на задних лапках перед агентами английских и французских банкиров. Все, что предписывает им английская и французская биржа, для них закон.

Знайте: не сегодня — завтра вас попытаются захватить врасплох, вас захотят обмануть и поставить перед совершившимся фактом. Будьте готовы к этому.

Знайте: Российская Советская Республика не воюет с Финляндией и не хочет с ней воевать. Мы уверены, что рабочий класс Финляндии скоро скажет свое слово. Ни один наш солдат не собирается переходить финляндской границы. Но знайте вместе с тем, что мы в любую секунду готовы дать отпор всем, покушающимся на красный Петроград. Царский генерал Юденич получил должное возмездие: его войска разбиты, сам он бежит. Такая же участь постигнет всякого, кто посмеет посягнуть на наш славный город.

Подкупленное английской и французской буржуазией финское правительство дает приют русским черносотенным генералам и офицерам, тем самым Юденичам и Родзянкам, которые уже сейчас заявляют, что они плюют на самостоятельность Финляндии. Финляндское правительство предает интересы Финляндии. Финляндское правительство, сидящее на горе трупов финляндских рабочих, берет на себя самые грязные поручения, какие дает им англо-французская биржа.

Не верьте басням, которые рассказывают про Петроград и Советскую Россию: царский генерал Колчак разбит наголову; Юденич отступает; Деникин терпит поражения. Полная победа рабоче-крестьянской России не за горами. С голодом и холодом мы справились. Рабочая революция разрастается во всем мире.

Поднимите громкий голос протеста, требуйте немедленного заключения мира с Советской Россией. Откажитесь давать хотя бы одного человека для разбойничьего похода на красный Петроград. Поверните штыки против ваших собственных угнетателей.

Да здравствует красная Финляндия!

Да здравствует братство народов!

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ. [1]

К двухлетию пролетарского переворота в России.

На сентябрь 1914 года в Вене назначен был международный социалистический конгресс, долженствовавший получить важнейшее значение в истории международного рабочего движения. В 1914 году исполнилось 50 лет со времени основания первого Международного Товарищества Рабочих (первого Интернационала). Предполагалось торжественно отпраздновать 50-летие первого Интернационала и вместе с тем предполагалось окончательно определить тактику борьбы международного пролетариата против мировой империалистической войны, которая надвигалась с неизбежностью рока.

Вместо этого в августе 1914 года грянула мировая империалистическая бойня, которая продолжалась $4^1/_2$ года.

Международное Социалистическое Бюро, руководимое Гюисмансом и Вандервельде, издало в Вене, по соглашению с официальной австрийской социал-демократией, юбилейный сборник-альманах второго Интернационала. В этом сборнике собраны были все резолюции Интернационала по вопросу о войне, некоторые речи, статьи и изречения выдающихся деятелей международного социализма против войны. Когда началась империалистическая бойня и когда все официальные социалисты обанкротились и сдали наше красное знамя буржуазии, друзья Виктора Адлера и Эмиля Вандервельде поспешили «изъять из употребления», попросту — с п р я т а т ь названный юбилейный сборник Интернационала. И они поступили со своей точки зрения совершенно правильно. Каждая строка этого сборника хлестала по лицу официальных жрецов казенной социал-демократии. Каждая резолюция, каждая из приведенных в этом сборнике речей и статей вопила о неслыханном предательстве, совершенном Шейдеманами, Викторами Адлерами и Зюдекумами, Реннерами, Реноделями, Гендерсонами, Гюисмансами и компанией. Вожди обанкро-

---

[1] Издано отдельной брошюрой. Петроград, ГИЗ, 1919.

тившегося второго Интернационала должны были теперь убояться своей собственной тени. Они не могли не прятаться от собственного своего прошлого.

В самом деле. Как стоял вопрос о войне и революции до начала нынешней войны?

В позорной ренегатской брошюре «Диктатура пролетариата», выпущенной Каутским осенью 1918 года, этот бывший социалист, отрекаясь от гражданской войны, на все лады убеждает рабочий класс в том, что грешно ему браться за оружие и что не может быть и речи о социалистическом перевороте уже в данный момент. А между тем, что писал тот же самый Каутский еще десять лет тому назад:

«Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы. Дать пролетариату эту силу при помощи организации и просвещения — является ныне более чем самой важной задачей социал-демократии. Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые думают, что теперь надо еще заботиться о дальнейшем развитии сил капитализма». Так писал Каутский еще в 1907 году в его брошюре «Социализм и колониальная политика» (стр. 37 нем. изд.).

Другой из крупнейших теоретиков второго Интернационала Рудольф Гильфердинг писал в своем «Финансовом Капитале»:

«Социализм перестает быть отдаленным идеалом, перестает быть даже той «конечной целью», которая просто указывает общее направление «текущих требований». Социализм становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата... Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм может быть не свобода торговли, а только — социализм... социализм в качестве единственного ответа на империализм должен выдвинуться на первый план пропаганды... По своим общим тенденциям финансовый капитал знаменует установление общественного контроля над производством. Но это обобществление — в антагонической форме, господство над общественным производством остается в руках олигархии. Захват шести крупных берлинских банков уже в настоящее время был бы равносилен захвату важнейших сфер крупной промышленности и до чрезвычайности облегчил бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным». (Цитируем по русскому переводу 1912 г., стр. 567, 568, 569.)

Третий жрец погибшего второго Интернационала Отто Бауэр еще ровно десять лет тому назад, в 1908 году, в его известной книге «Национальный вопрос и социал-демократия» заявлял буквально следующее:

«Несомненно, что будущая империалистическая мировая война повлечет за собой революционный переворот... Империалистическая всемирная катастрофа, несомненно, будет началом социалистического мирового переворота».

В таком духе говорил Бебель еще во время Марокского конфликта. В его известной речи в рейхстаге Бебель заявил:

«Тогда наступит катастрофа. Тогда (т.-е. когда начнется мировая война) наступит величайшая в Европе война, в которой от 16 до 18 миллионов людей, цвет всех наций, вооруженные лучшими орудиями убийства, бросятся друг на друга.

«... Но, по моему убеждению, за великой мировой войной стоит великая мировая революция... Вы пожнете то, что посеяли. Наступают сумерки богов для буржуазного строя. Да, будьте уверены, господа: эти сумерки совсем уже близки. Вы пришли теперь к тому пункту, когда вы сами подкапываете основы вашего государственного и общественного строя. Вы сами привели к тому, что уже слышен похоронный звон по вашем государственном и общественном порядке».

И не только отдельные вожди второго Интернационала, но и самые ответственные организации его говорили в том же духе. В официальном партийном документе, опубликованном в 1912 г. Центральным Комитетом германской социал-демократии, говорилось:

«Если бы триста магнатов капитала были заменены доверенными людьми пролетариата, все производство без дальнейших затруднений могло бы быть направлено в интересах рабочих классов, вместо интересов капитала, и переход к социалистической организации производства был бы начат. Настолько созрела уже предварительная работа, выполненная капитализмом». (Брошюра «Империализм и социализм», 1912 г., стр. 3.)

Империалистическая война родит социалистическую революцию. Так заявил второй Интернационал в 1907 г. в известной резолюции международного Штуттгартского конгресса. Империалистическая война неизбежно родит социалистическую революцию — так продолжали заявлять самые ответственные, самые выдающиеся представители второго Интернационала вплоть до 1912 года.

Да что мы говорим—«вплоть до 1912 года»! Еще накануне начала войны, еще, можно сказать, за 24 часа до первого выстрела, официальные представители второго Интернационала продолжали утверждать то же самое.

Трудолюбивый профессор-пацифист Карл Грюнберг выполнил следующую работу. Он собрал в двух толстых томах все резолюции, статьи, речи официальных социалистических организаций и вождей, обнародованные за день, за два до начала войны 1914 года.

Картина была уже совершенно ясна. Все ответственные политики видели, что надвинулась та самая война, пришествие которой социалисты предсказывали в течение 10—15 лет. Все вожди социалистических партий убедились, что прав был Базельский международный конгресс, заявивший, что балканская война 1912 года есть только увертюра, есть только предисловие к большой, всеевропейской, мировой империалистической бойне. Основные группировки в начале августа 1913 года (по нов. ст.) были уже совершенно ясны.

И пока не грянул первый выстрел, официальные социалисты по инерции продолжали говорить еще правду. И все они в один голос утверждали, что эта война есть война не справедливая, а нечестивая, что это будет война из-за интересов маленькой кучки капиталистов. И все они в один голос доказывали рабочим своих стран, что их интересы, их честь требуют самого резкого протеста и самой решительной борьбы против надвигающегося преступления.

Книга профессора Грюнберга, сухой сборник официальных материалов, является красноречивым обвинительным актом против социал-оборонцев всех стран. Каждая строка в этой книжке хлещет как бич по лицу господ социал-предателей.

Эрве, нынешний базарный крикун, Эрве, нынешний вдохновитель похода французских империалистов против великой русской рабочей революции, даже Эрве еще 28 июля 1914 года писал:

«Война для защиты маленьких наций, угнетаемых великой державой? Это было бы слишком хорошо! Но давно уже в Европе нет ни одной великой державы, у которой руки не были бы в крови.

«Нет, не война для защиты маленького сербского народа, но война для защиты престижа нашего союзника — царя.

«Честь нашего союзника! Честь русского правительства! При одном этом слове Рабле, Вольтер, Виктор Гюго перевернутся в гробу. Русское правительство не было так чувствительно насчет своей чести, когда оно душило Финляндию и Польшу, когда оно спускало свои черные сотни на еврейское население Киева и Одессы.

«Биться во имя спасения престижа царя! Какой превосходный мотив для народа, предки которого сделали великую рево-

лошпю! Какая радость умереть за такое благородное дело! («La Guerre Sociale», 28 июля 1914 года.)

А покойный Жорес, убитый за несколько часов до того, как война началась, Жорес в речи, произнесенной в одном из предместьев Лиона, за четыре дня до своей смерти говорил:

«Колониальная политика Франции, боящаяся света политика России, насильническая воля Австрии — вот что содействовало созданию того ужасного положения, в котором мы находимся. Граждане, если военная гроза разразится, все мы, социалисты, должны позаботиться о том, чтобы спастись возможно скорее от того преступления, которое совершат правящие классы».

А центральный орган официальной германской социал-демократии за сорок восемь часов до начала войны помещал статью за статьей, которые доказывали, что эта война будет величайшим преступлением против рабочих...

Но вот грянули первые выстрелы, и официальные вожди казенных социал-демократических партий объявили черное белым, а белое — черным. Преступнейшая из войн под их пером превратилась в «великую» «освободительную» войну. Каждая из официальных социалистических партий звала своих рабочих: защищайте «свое отечество», т.-е. свою буржуазию, т.-е. своего хозяина. Принципы социализма были забыты, красные знамена затоптаны в грязь, честь и совесть были объявлены предрассудками.

Не было той измены, которой не совершили бы по отношению к рабочим всех стран официальные вожди казенной социал-демократии. Каждого честного социалиста объявляли фантастом, сумасшедшим, преступником, врагом своего собственного народа. В каждого честного интернационалиста, который подымал голос протеста против империалистической войны, официальные жрецы второго Интернационала стали бросать комья грязи. Полилась священная рабочая кровь. Вся Европа превращена была в одно гигантское кладбище.

* * *

Теперь, когда мы пишем эти строки, исполнилось уже целых четыре года со времени Циммервальдской международной конференции. Жутко вспомнить то время, когда в глухую швейцарскую деревушку со всей Европы собралось только около двух десятков социалистов всех стран, имевших в тот момент за своей спиной, в лучшем случае, только сотни сторонников во всей окровавленной и измученной Европе.

В Германии интернационалисты во главе с Либкнехтом делали только свои первые шаги. По всей Германии господствовала тишина кладбища. С безграничным высокомерием, с тупоумной

самоуверенностью господа Шейдеманы третировали отдельных смельчаков-интернационалистов, будучи уверены в том, что массы рабочих идут за ними, официальными представителями казенного, с позволения сказать, социализма,

Еще хуже обстояло дело в Австрии. В 1915 году, в момент, когда собралась Циммервальдская конференция, отдельных смельчаков-интернационалистов в Австрии можно было пересчитать по пальцам. Официальная австрийская социал-демократия, руководимая Виктором Адлером, целиком и без остатка перешла на службу к австрийской монархии.

Во Франции, в Англии социал-шовинизм справлял свои оргии безвозбранно.

В Италии официальная партия не голосовала за военные кредиты, но громадное большинство ее вождей оставалось в плену пацифистских идей и не хотело слушать об открытой революционной войне.

О России нечего и говорить. Здесь процветал военно-промышленный «социализм», во главе которого шли, обнявшись, Гучков, Потресов, Плеханов и Милюков...

Много веры в рабочее дело надо было для того, чтобы в тот момент поднять знамя революционной борьбы за социализм.

Кому из присутствовавших на Циммервальдской конференции приходило в голову, что не пройдет и трех лет, как в России совершится социалистический переворот, как вся Европа будет потрясена до дна, как Германия и Австрия будут стоять на рубеже пролетарского переворота, как в Италии и во Франции станет клокотать обостреннейшая классовая борьба?

А между тем все это пришло, а между тем мы дожили до этого...

Когда разразилась февральская революция в России, все буржуазные правительства Европы, а вслед за ними и все казенные социал-патриотические партии сразу насторожились.

Значительные слои европейской буржуазии не могли не сочувствовать февральской революции, поскольку она оставалась только буржуазным переворотом, поскольку дело сводилось к тому, что самодержавный режим Николая Романова сменялся буржуазным режимом Милюкова и Гучкова.

Но пройдохи европейского империализма наметали себе глаз. Обостренное чутье крупного собственника, которому начинает угрожать опасность со стороны его бунтующих рабов, сразу же подсказало вождям европейской буржуазии, что февральская буржуазная революция носит в себе зародыши революции рабочей, социалистической.

С первого же момента февральской революции в России, как известно, родились Советы рабочих и солдатских депутатов. И изощренное чутье палачей мирового империализма сразу же

подсказало им, что эти Советы имеют очень серьезные шансы стать колыбелью социалистического движения в России.

Советы—вот враг!—так сказала себе европейская биржа.

«Участие мобилизованных солдат в выборах (речь шла тогда о выборах в Учредительное Собрание) было бы полно риска». Так писал официоз французского правительства, газета «Temps», 8 марта 1917 г. И тот же парижский «Temps» 9 марта с бесподобной откровенностью возмущался:

«Мы не понимаем, по какому праву 1600 делегатов от рабочих и солдат собрались в Таврический дворец и оттуда диктуют решения (речь идет о Совете рабочих и солдатских депутатов). Не этот ли импровизированный митинг может играть роль правительства? Английская пресса сделала вчера первое предостережение, мы повторяем его со всей настойчивостью. Ибо если русская революция выродится в пародию, скомпрометировано будет все будущее России и вся ее свобода» («Temps», № 20347).

И в то же самое время центральный орган английских империалистов «Times» с бешеной злобой уже в первые дни февральской революции травил так называемых «экстремистов» (так тогда называли на Западе большевиков). Уже 7 марта 1917 г. лондонский «Times» требовал разоружения петроградских рабочих и настаивал на том, что если петроградский пролетариат не удастся «успокоить» иначе, то не следует останавливаться перед применением оружия.

«Импровизированный митинг» в Таврическом дворце недаром не давал спать лондонским и парижским банкирам. О, эти люди не забыли движения 48-го года и хорошо помнили Парижскую Коммуну 1871 г. И они догадывались, что Советы рабочих и солдатских депутатов ничего хорошего европейской буржуазии не сулят.

Теперь, когда английский империализм идет открытым походом против социалистической России, некоторые удивляются этому обстоятельству. А между тем уже в начале марта 1917 г., когда буржуазная власть в России переживала свой медовый месяц, еще в тот момент, когда вся русская буржуазия объявляла нашу революцию «великой», как раз за то, что она была маленькой,— уже в этот момент матерые разбойники английского империализма превосходно отдавали себе отчет в том, что происходит. Уже в первых числах марта 1917 года лондонские и парижские биржевые газеты выражали свое теплое сочувствие Николаю Романову. А вождь буржуазной французской республики с трибуны палаты депутатов славословил Николая Кровавого, как человека, который верно исполнил свой долг перед «союзным» французским «народом», который, отрекшись от престола, сделал «благороднейший жест», и к которому русский народ, как и всемирная история, должны хранить самое благоговейное чувство.

Европейская биржа знала, что в борьбе против «импровизированного митинга» рабочих и солдат ей не раз еще придется поклониться в ножки царистской банде. Прожженные дельцы и ловкие канальи буржуазного республиканизма с первого же момента февральской революции ясно отдавали себе отчет в том, что они должны будут еще в своих классовых интересах попытаться реставрировать в России царизм против рабочего класса и крестьянской бедноты.

Всеевропейская буржуазия сразу оскалила зубы против рабочего класса России.

А международный пролетариат? Как откликнулся он на российскую революцию?

Ликование по поводу падения царизма среди трудящихся классов Европы было, разумеется, всеобщее. Но о сколько-нибудь активной поддержке наших Советов в тот момент не было и речи. Всюду и везде рабочий класс продолжал тянуть кровавую лямку войны, всюду и везде он продолжал жить под гнетом осадного положения. Свежий ветер ворвался в обстановку войны. Но — не надолго! И не так силен был этот ветер, чтобы сразу сдунуть со своего пути все те преграды и препятствия, которые история нагромоздила на его дороге.

А официальные «социалисты» всех стран продолжали делать свое Иудино дело. Невиданное в истории по размаху революционное движение они старались использовать для того, чтобы оправдать и продолжить свое предательское дело. И казенные социалисты-соглашатели помогли буржуазии «своих» стран забрасывать клеветой и грязью пролетарские Советы, зародившиеся в России, помогли травить русских большевиков, поднявших знамя коммунистической революции.

А русский пролетариат классовым инстинктом почуял, что окончательный исход начатой им великой тяжбы с русской буржуазией решится в последнем счете тем откликом, который его борьба встретит в других странах. И русский рабочий класс напряженно вперил свой взгляд на Запад, ожидая оттуда братского отклика.

Как земля после долгой засухи воспринимает первые капли благодатного дождя, так исстрадавшийся по честному интернационалистическому слову русский рабочий класс воспринимал каждый, даже самый слабый, намек на интернационалистическую поддержку со стороны западно-европейских рабочих. С распростертыми объятиями российский рабочий класс встречал каждого социалиста, приезжавшего из Франции или из Англии, хотя бы этот, с позволения сказать, социалист принадлежал даже к оборонцам.

Доверие, которое русский пролетарий оказывал представителям даже самого подмоченного европейского социализма, было

поистине безгранично. И этим пользовались русские «социалисты»-соглашатели. Они вполне сознательно подменяли подлинных представителей международного социализма маргариновыми—«социалистами»-оборонцами. Они сознательно и планомерно кормили русских рабочих суррогатами. Они нарочно подносили им камень, вместо хлеба.

Кто не помнит отвратительных зрелищ, которые разыгрывались в Петроградском Совете в те приснопамятные времена, когда петроградский пролетариат был еще настроен оборончески и когда председателями Петроградского Совета состояли Чхеидзе, Церетели, Керенский? Кто не помнит, например, приезда в Россию пресловутого Альбера Тома, этого французского Шейдемана? Кто не помнит, как на многолюднейших собраниях Петроградского Совета старая лиса Чхеидзе брался за руку с социал-мошенником Альбером Тома, и они распевали марсельезу и Интернационал! А неискушенные рабочие переживали при этом искренний интернационалистический экстаз, будучи в простоте своей душевной уверены в том, что перед ними происходит братание подлинных социалистов, и ни на секунду не подозревая, что перед ними на самом деле разыгрывается отвратительный спектакль лицемерия и ханжества.

Долгие месяцы понадобились на то, чтобы спала повязка с глаз даже передовых петроградских рабочих. Но зато, когда наши рабочие прозрели, не было границ их ненависти и презрению к иезуитам социал-оборончества как французской, так и германской марки. И также не было границ их горячей беспредельной любви к тем подлинным социалистам-интернационалистам, представителями которых являются Карл Либкнехт в Германии, Джон Маклин в Англии, Фридрих Адлер в Австрии, Евгений Дебс в Америке.

«Чем ночь темнее, тем звезды ярче» — говорили себе русские рабочие...

Международный пролетарский переворот — вот заветная цель, к которой стремится передовой русский пролетарий, вот та ослепительная звезда, которая сияет борцам русского пролетариата. В самый тяжелый момент, когда рабочий изнывал в борьбе с неравными враждебными силами, когда он голодал, когда его обступали враги со всех сторон, когда он терял бодрость и иногда начинал роптать против своих собственных Советов, стоило в эти минуты хоть на момент блеснуть надежде на то, что на Западе загораются революционные бои, что там приближается международная социалистическая революция, — и усталости, недовольства, недоверчивости как не бывало. Снова в петроградском и московском пролетарии просыпался мужественный боец, снова сжимал он крепче винтовку в своих руках и снова без жалоб и без ропота нес дальше ту тяжелую ношу, которую история возложила на его плечи.

Нам вспоминаются дни Бреста. Тяжелые, горькие, беспримерные по тяжести дни! Мы вспоминаем те страстные споры, которые происходили в нашей среде в эти памятные дни. Обсуждая все за и против «передышки», мы более всего останавливались на вопросе о том, не повредит ли наше заключение мира разгорающейся пролетарской революции на Западе. Более всего мы боялись, как бы этот наш шаг не потушил хоть на минуту тот костер пролетарской борьбы, который начал разгораться в Европе. Петроградские и московские пролетарии трепетали при одной мысли о том, что, быть может, наша «передышка» будет куплена дорогой ценой замедления темпа пролетарской борьбы в других странах. Больше всего героические русские рабочие боялись: а вдруг нас не поймут рабочие Германии, а вдруг они истолкуют наш шаг как примирение с германским империализмом, а вдруг мы своей передышкой затрудним им их борьбу против Вильгельма, а вдруг Брестский мир приведет к новым вспышкам шовинизма во Франции и в Англии...

Мучительную думушку думали рабочие-коммунисты в те приснопамятные дни.

И, к счастью, мы можем теперь сказать: пролетарии других стран отлично поняли нас. Классовое чутье подсказало им, что наш шаг диктовался не какими-либо эгоистическими национальными интересами, а именно интересами международного социализма. Они поняли, что с того момента, как в России произошел пролетарский переворот, наша страна стала обетованной землей социализма и наше рабоче-крестьянское правительство обязано было пойти на тяжелый мир для того, чтобы сохранить первую в мире социалистическую республику. Передовые рабочие всех стран отлично поняли, что, подписывая Брестский мир, мы только хотим выиграть время для себя и вместе с тем дать время им наверстать потерянное и поспеть на помощь первой пролетарской революции в мире.

И русский пролетариат сдержал свое слово. Он сумел продержаться до того времени, пока мировая революция началась.

Мировая революция родится из мировой войны. С этим связано, между прочим, и то обстоятельство, что революция началась в странах, экономически более отсталых. С этим связано и то обстоятельство, что первая пролетарская революция получила фактическую возможность передышки. Не будь борьбы двух империалистических трестов между собою, не будь бешеного соревнования между англо-французским и австро-германским империализмом, не будь, одним словом, мировой империалистической войны, из которой родилась мировая пролетарская революция, не будь всего этого, — пролетарская революция в одной стране не могла бы продержаться два года...

И так будет во всей Европе, во всем цивилизованном мире. Это будет так потому, что история поставила в порядок дня именно социалистический переворот. Это будет так потому, что прав был Каутский в 1907 году, когда он говорил, что социализм стал уже только вопросом силы. И не прав и фальшивит Каутский, когда он в 1918 и 1919 годах лицемерными и ренегатскими доводами доказывает, будто над русской пролетарской революцией витает не дух коммуниста Ленина, а дух мелкобуржуазного оппортуниста Давида.

Международная революция не делается по заказу. Международная пролетарская революция не может произойти одновременно во всех странах. Международный пролетарский переворот произойдет не по специальному уговору тех или иных вождей. Пролетарская революция в той или иной стране временно будет попадать в трудное положение и оказываться между молотом и наковальней. И, может быть, германскому пролетариату, который завтра возьмет в руки власть в своей стране и вынужден будет ликвидировать то тяжелое наследие, которое достается ему от Вильгельма, Гинденбурга и Шейдемана, — может быть, и ему доведется пройти через тяжелые испытания, которые будут напоминать наши брестские дни. И, может быть, украинскому пролетариату, который уже так много видел на своем пути, предстоят еще более горькие испытания, когда его судьбами, как мячиком, будут перебрасываться господа империалисты. Но, тем не менее, будущее, и теперь это можно сказать с полной уверенностью — ближайшее будущее, — принадлежит пролетарской революции.

Вторую годовщину русской пролетарской революции рабочие некоторых стран встречают в тяжелой обстановке.

В Венгрии советская власть низвергнута соединенными усилиями румынских помещиков, французских банкиров, венгерских черносотенных офицеров и венгерских «социал-демократов». Тысячи наших венгерских братьев брошены в тюрьмы и отданы на растерзание пьяной от мстительного бешенства буржуазии.

В Баварии советская власть утоплена в крови баварских рабочих. Палач Носке переусердствовал даже в большей степени, чем того требовала самая кровавая фантазия буржуазии. Тысячи наших братьев расстреляны. В течение месяцев в Мюнхене под видом «суда» над «преступниками» буржуазия, с благословения социал-демократии, разыгрывает оргию издевательства над героями — баварскими коммунистами.

В Германии Либкнехт, Люксембург, Тышко убиты. Берлинский Совет разогнан башибузуками-шейдемановцами. Тысячи и тысячи лучших пролетариев, германских коммунистов, погибли в этот год от руки черносотенных офицеров и желтых социал-демократов.

И все-таки никаких причин к унынию нет. Даже в обескровленной Баварии начинаются новые вспышки восстаний. В Венгрии скоро расцветет новая жизнь.

В Германии с каждым днем все бо́льшие массы рабочих переходят на сторону коммунистов. Во Франции, в Италии пролетарский переворот близок. Революция идет вперед. Победа коммунизма неизбежна, как неизбежно то, что после ночи наступает утро.

В момент, когда мы пишем эти строки, в Англии происходит всеобщая железнодорожная стачка — событие величайшей мировой важности.

Всего полгода тому назад в Москве родился III Коммунистический Интернационал. А он уже стал великой державой. Коммунистический Интернационал имеет уже больше миллиона членов. Во всех крупных странах Европы и в Америке существуют уже крупные коммунистические партии. В таких странах как Германия, Италия, Россия, Болгария общепризнанная гегемония в рабочем движении бесспорно принадлежит коммунистам.

Советская власть морально победила уже во всем мире. Громадное большинство рабочих во всех странах в душе сочувствует Советской власти.

Даже у шейдемановского «Форвертса» на-днях вырвалось следующее признание:

«Можно как угодно критиковать вождей большевиков,— пишет «Форвертс»,— но заслуживало бы крайнего сожаления, если бы при этом была забыта одна их сильная сторона: они (т.-е. большевики) являются единственной революционной силой, которой еще дано бороться против всемогущих реакционных правительств Антанты. Они (т.-е. большевики)... образуют последний оплот в деле сопротивления капиталистическим диктаторам парижской конференции. (Передовая статья «Форвертса» «Die Radikalisierung der englischen Arbeiter», 18 сент. 1919 г., № 477.)

Вот именно!

Знает ли «Форвертс», что он признал в этих немногих словах? Он признал всю правоту советской власти в России, он выдал сам себе и своей «социал-демократии» свидетельство о духовной бедности, он признал, что только коммунизм спасет человечество от грабителей Антанты, как и от людоедов империализма вообще.

Уже наша революция 1905 года имела поистине грандиозные международные последствия. Уже эта наша первая революция разбудила сотни и сотни миллионов людей на Востоке. А что такое была революция 1905 года по сравнению с революцией 1917 — 18 гг.? Детская игрушка! Невинная проба

нера! Мы живем еще слишком близко к самим событиям и не сразу можем обозреть те колоссальные международные последствия, которые будет иметь нынешняя наша революция. Но совершенно несомненно, что первая великая пролетарская революция наша разбудит сотни и сотни миллионов людей во всем мире.

Как ни клевещет на нас вся международная буржуазия, как ни помогают ей подлые наемники социал-шовинисты, как ни изображают они все наше великое движение как анархию, как кровавый хаос, как ад кромешный,— им не обмануть пролетариев Европы и Америки. Сердцем, нутром каждый честный рабочий Европы и Америки чует, что в России мы ведем борьбу за его дело. Он чует, что у нас в России решается великая тяжба между трудом и капиталом, что на нашей территории разыгрываются первые бои, первые крупные форпостные стычки между буржуазией, находящейся на закате своих дней, и пролетариатом, неотвратимо идущим к власти.

И что бы там ни говорили пессимисты и маловеры, мы глубочайше убеждены, что мы идем навстречу великим битвам и великим победам.

Перспектива революционной войны, которая рисовалась Марксу еще в 1848 году и о которой Энгельс говорил еще в 90-х годах, эта перспектива становится совершенно реальной. Если завтра в Берлине победит пролетарская революция, мы соединимся с пролетарским Берлином против буржуазного Парижа и империалистического Лондона. Если завтра в Париже или в Риме восстанут рабочие и возьмут власть в свои руки, мы соединимся с пролетарским Римом против буржуазной Вены или с рабочими Парижа против эбертовского Берлина. Идея революционной пролетарской войны принимает самые конкретные, телесные очертания. Мы не знаем еще в подробностях, как сложится мировая обстановка. Мы не знаем, в каких именно комбинациях нашей Красной социалистической армии придется воевать против полчищ европейского империализма. Но мы знаем одно: на наших глазах империалистическая война *превратилась* в гражданскую войну сначала в одной России, а затем в ряде других стран.

Грядет мировая пролетарская революция. Родился новый Коммунистический Интернационал, который скоро станет Всемирным Интернационалом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

1920

НА ПЕРЕДОВОМ ПОСТУ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.[1]

Товарищи, в такие минуты, какие мы переживаем сейчас, вполне естественно, что наша мысль прежде всего обращается к тем, кого уже нет среди нас. В эти дни три года тому назад Петроградский Совет заседал беспрерывно. Петроградский Совет в эти дни был единственным всероссийским организующим центром, готовившим пролетарскую революцию. Многих из тех, которые тогда были в первых рядах этой первой всероссийской революционно-пролетарской организации, многих из этих самых лучших, самых верных наших друзей больше нет среди нас. Уже в первую годовщину Великой революции, когда мы, сами не веря своему счастью, оглядывались на первый пройденный год, среди нас не было уже нескольких самых славных, самоотверженных наших борцов. Уже в первую годовщину мы оплакивали товарищей, которых оторвали от нашего сердца, таких людей как Володарский и Урицкий.

Товарищи, теперь, в третью годовщину революции, этот список славных, павших на поле битв, удлинился чрезвычайно. Этот скорбный лист стал поистине бесконечным. Достаточно вспомнить о бесчисленном количестве лучших наших товарищей, которых мы потеряли в прошлом году у стен Петрограда; достаточно вспомнить многочисленные фронты, на которых мы дрались в эти годы и в России и вне ее. Мы потеряли в России таких людей, как Яков Михайлович Свердлов, мы потеряли на международной арене таких вождей, таких несравненных учителей международного рабочего класса как Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Мы потеряли в Венгрии десятки и сотни наших лучших товарищей, в том числе и организатора Венгерской пролетарской революции, товарища Тибора Самуэли. Мы потеряли на каждом из фронтов сотни, тысячи, пожалуй, не будет преуве-

---

[1] Речь на торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября 1920 г.

личением сказать, десятки тысяч безымянных, но лучших наших борцов-работников, которые отдали революции все, что имели, вплоть до своей жизни.

Сегодня мы мысленно обнажаем головы перед всеми этими безвестными могилами, перед могилами наиболее близких и дорогих наших друзей, товарищей и учителей, и прежде всего воздаем дань глубочайшей любви и уважения тем людям, которые своими телами проложили дорогу пролетарской революции.

Первое наше слово, первая наша мысль посвящены памяти о них.

Советская Россия, мировой пролетариат свято будут чтить имена тех людей, которые первыми погибли, потому что первыми были в самом опасном месте, потому что они были всегда готовы отдать кровь своего сердца за красное знамя, потому что они всегда были готовы заслонить революцию своим собственным телом. Мы будем учить подрастающее поколение, мы будем учить детей рабочего класса чтить мучеников Великой пролетарской революции, как людей, чьей кровью скреплено здание Советской России, чьей жизнью куплены первые успехи мировой пролетарской революции. Встанем в честь усопших товарищей. (Все встают. Оркестр исполняет «Вы жертвою пали».)

Товарищи, три года прошло с того дня, как петроградских рабочих первых вынесла наверх волна нараставшей, невиданной еще в мире, народной, в лучшем смысле этого слова, революции, и рабочие захватили власть у буржуазии. Товарищи, тот год играл и продолжает играть гигантскую роль в мировой истории. Вспомните те споры, какие были вокруг Петрограда перед октябрем 1917 года. Наши враги говорили: Петроград действительно настроен против буржуазии; рабочий класс Петрограда действительно настроен большевистски, — но Петроград есть лишь небольшая частичка России. Петроградские рабочие зарвались. Петроградские рабочие — просто наиболее горячий отряд, оторвавшийся от масс, от остальных рабочих, от рабочего класса и крестьянства страны. Петроградские рабочие не выражают мнения страны. Так говорили даже те, кто был еще маломальски способен к объективной оценке, кто пытался, как-будто спокойно разобраться в обстановке. Более яростные враги пролетариата выражали ту же мысль в гораздо более злостной форме. Я вспоминаю напечатанную за месяц - полтора до октября статью вождя меньшевиков г. Потресова, который писал, что Петроград надо взять в железо, что надо проучить петроградских рабочих и тогда сразу можно будет успокоить всю Россию.

Все наши враги, а вместе с ними и часть людей, стоявших посредине между нами и ними, оценивали события именно так, что вот в Петрограде, в столице, скопилось сравнительно неболь-

ное число рабочих, которые действительно обнаруживают сильное нетерпение, которые рвутся вперед, закусив удила. И в лучшем случае о петроградских рабочих говорили как об отряде людей, которым кровь ударила в голову, которые зарвались и не хотят считаться с остальной массой народа.

Товарищи, теперь, оглядываясь на прошлое, мы можем дать уже точный и ясный ответ на вопрос, вызывавший споры в лагере наших врагов в октябре 1917 года. Я думаю, товарищи, мы имеем теперь полное право ответить, что петроградский пролетариат действительно авангард рабочего класса всей страны, тысячами нитей связанный с самыми глубокими пластами народных масс, плоть от плоти и кость от кости всего народа, выражающий его лучшие стремления, надежды и чаяния. Именно поэтому петроградскому пролетариату выпала на долю величайшая историческая честь совершить величайший в истории переворот.

Три года тому назад, в канун Октября, в Петрограде, в этом зале, с утра до вечера заседал Петроградский Совет. Петроградский Совет образовал первый Военно-Революционный Комитет, оказавшийся зародышем будущего революционного правительства; Петроградский Совет сорганизовал всех до единого и солдат, и моряков, находившихся тогда в Петрограде; Петроградский Совет подготовил абсолютно все материальные предпосылки для победы над буржуазией, над всеми нашими врагами; Петроградский Совет арестовал министров Керенского; Петроградский Совет забрал в свои руки все государственные учреждения и банки; в Петроградском Совете, первом во всей России, раздалась краткая, лаконическая, но вразумительная для всего мира весть, которая гласила: *правительство Керенского, последний оплот буржуазии, больше не существует, в Петрограде утверждена Советская власть.* (Аплодисменты.)

Петроградский Совет созвал Всероссийский Съезд Советов, давший большинство революционным партиям. Петроградский Совет послужил тем кристаллом, вокруг которого объединились тогда рабочие, солдатские и крестьянские Советы всей России. Петроградский Совет дал России Всероссийское Рабоче-Крестьянское правительство. В Петрограде, через Петроградский Совет и при его ближайшем участии, было заложено основание Коммунистического Интернационала, той организации международного пролетариата, которая побеждает весь мир. Петроградскому рабочему классу есть на что оглянуться. У петроградского рабочего класса есть значительное, полное исторического содержания прошлое, у Петроградского Совета есть также достаточно почетное настоящее, и я глубоко убежден, у Петроградского Совета, у петроградского рабочего класса, у этой первой столицы, колы-

бели пролетарской революции, есть также и полное исторического смысла будущее.

Товарищи, мы празднуем третью годовщину. И, положа руку на сердце, я должен сказать; немногие из пионеров Октябрьской революции, немногие из тех, кто стоял в первых рядах, уповали тогда на то, что им придется дожить до третьей годовщины. Теперь часто ловишь себя на мысли, что мы сейчас как бы люди сверхсметные, сверхкомплектные, — так много из наших рядов легло, так много лучших наших мечтаний исполнилось, так много за это время сделано, что поистине испытываешь чувство удивления, как это первым рядам, первым фалангам пролетарской революции дано еще продолжать работу и участвовать в новом строительстве. Товарищи, пусть каждый спросит себя: не кажется ли ему, что последние три революционных года могут сойти за тридцать обычных лет, — так много глубокого содержания история вложила в них, так много мы видели, так тесно было на исторической дороге. И ведь, на самом деле, кажется, что прожито не три года, а целая, долгая жизнь. Между тем, нельзя сказать, чтобы мы, участники нынешних дней, чтобы вся Россия чувствовала себя постаревшей или уставшей. Россия, как она ни бедна, как она ни оборвана, как она ни голодна теперь, но каждый из вас, наверное, чувствует это, как и я, — Россия в эти годы помолодела, Россия стала крепче, увереннее, бодрее, голос звучит тверже, рука не дрогнет, глаз стал более метким; Россия стала той страной, на которую устремились взоры всего человечества.

Товарищи, первый год нашей революции был посвящен подготовке вчерне орудия защиты только что завоеванного. В первый год мы стали строить зачатки Красной армии. И в первый же год мы начали получать крупнейшие исторические уроки. 25 октября 1917 года ни одному мудрецу, ни одному рабочему в России не снилось, что так много будет препятствий на нашем пути. Мы знали, что путь наш не будет усыпан розами, но никто не ожидал, что он окажется таким тернистым, что у нас будет такое большое количество врагов. Но в первый же год революции из глубин народных стали подниматься такие силы, что всем нам стало ясно: мы способны защитить нашу республику.

И во второй год нам пришлось вести такую же тяжкую борьбу за существование, как и в первый. Мы видели, как в течение второго года росли наши силы, но росло и бешенство наших противников, росли препятствия на нашем пути, росли опасности. Когда мы праздновали вторую годовщину, у нас таилась слабая надежда, что, может быть, мы скоро подойдем к концу гражданской войны, может быть, скоро приблизимся к желанной цели, во имя которой зажегся огонь революции, — приступим к социалистическому строительству. Но в октябре

1919 года то были только мечтания. В начале 20-го года эта надежда блеснула ближе. Мы разбили Деникина и ждали, что, окончательно разгромив врагов, мы приступим к мирному строительству. Мы лихорадочно готовились, мы быстро перестроили ряды партии и Советов, готовясь приступить к мирному строительству, но очень скоро мы должны были убедиться в том, что наши надежды были преждевременны. Нам пришлось опять взяться за оружие, нам пришлось испить чашу до дна. Теперь, празднуя 3-ю годовщину, мы говорим: перед нами опять заманчивый луч надежды на то, что, разгромив Врангеля, мы скоро сможем приняться за строительство новой жизни.

Но вместе с тем пора розово-мечтательной наивности прошла навсегда. Если мы разгромим врага, в чем мы глубочайше уверены, мы все-таки не сможем распустить нашу армию: нам необходимо усиление нашей военной мощи, нам нужна такая армия, которая стояла бы кордоном вдоль всех границ Советской России. В три истекшие года Советская Россия выросла в великую мировую державу. Мы впервые видим не разбитую на кусочки, но целую великую Россию. Наши границы так велики, наша территория так необъятна, что мы опять составляем, как в былое время Российская империя, около шестой части мира. Для того, чтобы создать кордон, даже самую редкую цепочку вокруг этих гигантских советских границ, для этого нам нужна громадная армия, необходимо вооружение народа.

Товарищи, когда наша армия не так давно стояла у стен Варшавы, когда мы были уж у ворот буржуазной Европы, каждый из нас ощущал радость открывающейся перспективы. Когда мы стояли у Варшавы, весь международный пролетариат поставил себе новую задачу: от обороны — к наступлению, от пассивной — к активной поддержке советской власти, к активной революции. От Варшавы мы были отброшены назад. Но, товарищи, тот факт, что нас отбросили, является только привходящим, только эпизодом, только частью в общей картине мировой революции. Да, в данную минуту мы отброшены, и ренегаты, в роде меньшевика Мартова, не находят ничего лучшего как ездить в буржуазную Германию для того, чтобы доносить на нас и искать поддержки у европейской буржуазии. Туда и дорога этим ренегатам, пусть они отправляются в буржуазные государства, пусть подлаживаются к Польше, оказавшейся временно победительницей! Мы вскоре увидим, что неудача под Варшавой была только эпизодом. Товарищи, вспомните, что три года тому назад мы тоже подходили к Зимнему дворцу не раз, прежде чем взяли его. В Зимнем засело несколько дюжин ударниц Керенского, несколько меньшевиков и белогвардейцев. Помощь у Керенского была очень малая. Здесь, в этом зале, в этих колоннах, сидели тени прошлого, в роде Мартова, которые говорили: если

вы возьмете Зимний дворец, мы за себя не ручаемся. Если бы 25 октября, в 12 часов дня, когда мы подошли к Зимнему, если бы тогда нашлись умники, которые сказали бы: видите, вы не взяли вчера Зимнего дворца, стало быть, и не надо брать его, стало быть, вы это сделать не в состоянии,—мы бы таких людей назвали слепорожденными. Вот то же самое происходит и теперь с попыткой прорыва в Западную Европу. Да, теперь, такого-то числа, в таком-то часу, некоторые умники, в роде Мартова, могут говорить: вот вы хотели поднять революцию на Западе и не подняли — значит, революция есть утопия, вы не прорветесь. Нет, прорвемся! Не в 12 часов, так в 4 часа, но мы взяли Зимний. Может быть, буржуазии в самом деле на роду написана маленькая отсрочка, передышка, может быть, она просуществует еще некоторое время, но, товарищи, по историческому смыслу, она обречена. База революции будет расширена. Мировой пролетариат решит эту задачу! (Аплодисменты.)

Часто наши противники, Фомы-неверующие, ренегаты, меньшевики, говорят: вы обещали международную революцию, где же она? Прошел год, два года, три года, а международной революции и не видать! Пусть слепорожденные раскроют глаза, и они ее увидят. Когда мы начинали Октябрьскую революцию, 3 года тому назад, мы были одиноки на международной арене, нас действительно не понимали еще рабочие других стран, их отношение к нам еще было проникнуто недоверием и скептицизмом, ибо их обманывали, на нас клеветали. Нам казалось, что рабочие других стран на нас смотрят в лучшем случае с состраданием, как на людей, которые самоотверженно губят себя. Все социалистические партии старого покроя были против нас, нам грозили, что через несколько дней мы будем болтаться на веревке. Товарищи, я спрашиваю: в эти 3 года сделан какой-нибудь шаг вперед? Сделан, сделан и еще раз сделан гигантский шаг вперед. Без всякого преувеличения, без всякого хвастовства мы можем теперь сказать: международный рабочий класс в эти 3 года нами завоеван, он душой и телом на нашей стороне. Он следит с любовью за каждым нашим успехом. Он вместе с нами переживает все наши поражения. Он смотрит на нас как на своих братьев, как на застрельщиков его собственной борьбы, как на людей, которые прокладывают великий путь и для него. Этот рост симпатий к Советам, это всеобщее движение мирового пролетариата в нашу пользу — разве это не начало, не фундамент международной революции?

Поверхностные люди имеют представление о революции чрезвычайно ограниченное. Революция, это, несомненно,—борьба на баррикадах, стрельба, бросание бомб, захват дворцов и т. п. Но это только составная часть революции. Революция, в полном смысле слова, не в том лишь заключается. Захват Зимнего

дворца дался сравнительно легко, но он не означал еще настоящей победы революции. Мы проделали в течение трех лет полную мучений борьбу, и неизвестно, сколько еще лет придется нам бороться, горбом трудиться, пока все завоевания революции будут обеспечены. Революция — многосложный, многообразный комплекс явлений. Сегодня приходится драться на баррикадах, брать Зимний дворец, а завтра—переселяться в Компрод, чтобы добыть кусок хлеба для рабочего, послезавтра — основывать Красную армию, через день — пускать в ход железные дороги, налаживать дело с дровами и т. д. и т. п. Вот что мы называем революцией. В ряде стран еще не наступил момент непосредственных боев, дело еще не повсюду дошло до баррикад, но пред нами начинает уже вырисовываться душа международной революции.

Товарищи, два месяца тому назад, когда нам угрожала опасность со стороны Польши, рабочие Англии, Германии, Австрии, Италии, Чехо-Словакии и ряда других стран, без всякого сговора между собой, проводили в жизнь решение—не пропускать ни одного снаряда в Польшу. Да разве это—не кусок международной революции, притом самый важный? Основное, чего не хватало нашему классу, — отчасти еще и теперь не хватает, — это понимания своих собственных задач. И вот это понимание своих задач, понимание необходимости международной пролетарской революции, проявилось в минувшие три года. Таков гигантский шаг пролетарской революции.

Один из бывших людей, бывший меньшевистский министр Церетели, вернувшийся недавно из Европы, сказал, что мировая революция пошла бы быстро, но... мешает большевизм; европейские рабочие, мол, убедились, как плохо в России, какая там царит нищета, голод, и поэтому, дескать, они не хотят делать революции. Типичные рассуждения мещанина, вполне характерные для этого «благородного» лакея русской и международной буржуазии. Такие благородные лакеи буржуазии воображают, что рабочий класс Европы пойдет на революцию тогда, когда будет иметь гарантию в кармане, что революция даст курицу в супе и всяческие блага. Мещанину, который занимается чисткой сапог буржуазии, невдомек, что пролетариат на то и революционный класс, чтобы броситься в борьбу и тогда, когда он знает, что придется пройти через полосу больших лишений для завоевания полной и решающей победы. Кто следил за мировым рабочим движением, тот должен признать, что большевистский переворот в России является величайшим фактором революционизирования умов международного рабочего класса. На Советскую Россию рабочие всего мира молятся, Советскую Россию пролетарии всех стран считают своей учительницей, превосходно зная наши слабости, наши лишения, те трудности, которые стоят

на нашем пути. В третью годовщину Октября мы имеем возможность сказать с глубоким удовлетворением, что мы сделали величайшее завоевание — мы овладели любовью и симпатиями международного рабочего класса. Эта победа, товарищи, стоит какого угодно выигрыша на фронте. Мы добились больших экономических завоеваний в России: мы не сидим без хлопка, без угля, без нефти; мы начали поправлять железные дороги. Но, если бы мы не завоевали симпатий международного рабочего класса, то, несмотря на победу на всех фронтах, и боевых и хозяйственных, мы были бы обречены на гибель. Одно лишь верно: международный рабочий класс до сих пор был еще не так силен, чтобы сразу повсюду броситься в бой с оружием в руках и дать решительную битву капиталистам, но он был настолько силен в последний год, что мешал грабителям Антанты, главным врагам нашим, взять нас за горло, отвинтить нам голову. Международная революция развивается, может быть, медленнее, чем мы этого хотели бы (хотя буржуазия держится другого мнения), но все же развивается, идет вперед. В классической стране капитализма, в Англии, мы видели Совет Действия, родившийся два месяца тому назад, который, несомненно, был прообразом ее будущего советского правительства. А в других странах почва под капитализмом более рыхлая, чем в Англии, и там победа еще настойчивее просится в руки.

Товарищи, три года тому назад мы говорили: наш Октябрь будет началом мирового Октября. Ныне, когда мы празднуем третью годовщину революции, находятся скептики, которые говорят: ну вот, третий год прошел, а мирового Октября нет. Можно сказать наверняка, что те, кто будет жить через 10 — 15 лет, на вопрос истории, когда началась международная пролетарская революция, в один голос ответят: международная пролетарская революция началась в 1917 году, с того момента, когда рабочий класс учредил советскую власть. Сейчас, когда мы находимся в пути, когда мы революцию творим, когда мы часто меняем направление, идя иногда в обход, — сейчас мы не всегда замечаем темп, линию развития. Но стоит отойти подальше от событий, как уже видно, что мы являемся частью международной революции, начавшейся в 1917 году и при своеобразных, тяжелых и запутанных условиях все-таки неизменно идущей вперед и вперед.

Товарищи, наша революция 1905 года тоже была началом международной революции. Вообще, теперь невозможна уже значительная революция в узко-национальных рамках. Революция, охватывающая почти 200 миллионов человек, неизбежно является частью международной революции. Наша революция в 1905 году отдалась эхом на Востоке и Западе. На Востоке вскоре назрели младо-турецкая революция, начало персидской и т. д. Влияние

русской революции выявилось и в том, что среди рабочих разных стран стали все настойчивей звучать призывы к всеобщей стачке. В июне 1906 года старый Бебель в Германии поставил вопрос о необходимости всеобщей забастовки. Наша революция 1905 года пошла на снижение — отхлынуло и движение на Западе и на Востоке. Так было в 1905 году.

А теперь прислушайтесь к тем мощным отзвукам, которые вызвала наша революция 1917 года на Востоке. Посмотрите, какой Октябрь подготовляется сейчас на Востоке. Съезд народов в Баку! События в Турции, где борются меж собой два, даже три правительства! Гражданская война в Персии, где опять-таки борются два правительства, при чем одно из них близко стоит к нам. Разгорающаяся борьба в Китае! И там несколько правительств. Волнения в Индии, где движение принимает невиданный размах!

Так, товарищи, обстоит дело на всем Востоке. Да, много еще угнетения и рабства во всем мире. Персидские крестьяне боятся еще взять землю в свои руки, положить урожай риса в свой мешок. Но мы все же пробили стену, мы подняли сотни миллионов людей, мы имеем на Востоке такой человеческий резерв, который составляет колоссальную, небывалую в мире силу. Восток откликнулся теперь в миллион раз сильнее, чем в 1905 году, и нет той силы в мире, которая могла бы его задушить. Небольшие армии английского и французского капитализма, посылаемые на Восток, тонут в бушующем море народного негодования. Разве это мощное движение не есть начало Октября на Востоке?

А что мы видели на Западе в эти годы? В Венгрии рабочие рвали ржавые цепи. В Германии передовые рабочие, организованные в Независимую Партию, сорвали путы, до сих пор сковывавшие их, и вливаются в мощную, крепкую Коммунистическую партию. В чем смысл раскола Независимой партии в Германии? Авангард германского рабочего класса хочет лучше сорганизоваться для того, чтобы победоносно итти вперед, для того, чтобы победить врага. Влияние нашей революции 1917—20 гг. на Западе оказалось во много тысяч раз сильнее, чем то, которое имела наша революция 1905 года. Мы на Западе увидим Октябрь, ибо рабочие к нему готовятся, они учатся на наших победах и ошибках. Поэтому, когда наши противники злорадно спрашивают нас о судьбе международной революции, мы им отвечаем: маловеры, скиньте ваши пессимистические очки, прислушайтесь к биению пульса истории, приложите ухо к земле, посмотрите, какая масса поднимается на Востоке, какая небывалая рать встает на Западе. Конечно, хочется даже не в три года, а в три месяца сделать международную революцию. Но мировая революция требует времени для того, чтобы хотя бы в самом черновом виде построить наши ряды, чтобы хоть в самой основе

распределить наши силы; для того, чтобы конницу отделить от тяжелой артиллерии, а тяжелую артиллерию отделить от флота и т. д.; для того, чтобы сгруппировать наши силы; для того, чтобы наметить основную линию, — для одного этого нужно время. И время работает за нас. Понятно нетерпение каждого из нас, понятно желание, чтобы дело двигалось еще быстрее. Но когда мы оглядываемся на истекшие три года, мы говорим: мы не имеем оснований жаловаться. Стрелка на циферблате истории двигалась медленно. Она могла бы двигаться быстрее — правильно, но она верно и неуклонно приближается к желанному часу мировой пролетарской революции.

Судьба нашей республики является лучшим залогом того, что мы находимся на вернейшем пути к победе. Нет такой страны, где бы рабочие сегодня не отмечали нашего празднества тем или иным способом. Сегодня перед рабочим классом всего мира будет стоять этот короткий, лаконический вопрос: правильно-ли действовали русские рабочие во главе с партией большевиков, правилен ли наш путь? Никто из нас не может усомниться в том, что рабочие всего мира ответят одним словом: Правильно! Правильный, честный, верный пролетарский революционный путь! Другого пути нет и быть не может! Тяжелый, крестный путь, связанный с множеством страданий, жертв, но единственно правильный путь! (Аплодисменты.) Пусть враги рабочего класса изображают нас зверями в образе человека, пусть Мартов и другие ему подобные ласкают и тешат слух буржуазии своей клеветой на нас, — для нас достаточно того, что ныне, в третью годовщину нашей революции, рабочие всего мира скажут нам: товарищи, вы передовой отряд революции, вы вступили на правильный путь, мы пойдем по этому пути, мы доведем дело до победы.

И надо сказать открыто: главная заслуга в намечении великого пути революции принадлежит Российской Коммунистической Партии. Советы играют большую роль в революции. В Петроградский Совет имеет доступ каждый рабочий, во все Советы мы приглашаем и беспартийных пролетариев. Но когда мы подводим определенные итоги, мы имеем полное право и обязанность сказать перед тружениками всего мира: если вы ныне говорите, что наш путь был правильный, то, товарищи, имейте в виду, что этот путь был намечен Российской Коммунистической Партией. Рабочий класс нашей страны доверился этой партии, шел и идет за ней, и в дальнейшем все теснее и теснее будет смыкать свои ряды под ее знаменами.

Товарищи, в наши дни можно немало распространяться на тему о том, что такой-то коммунист плох, что к коммунистам примазались и негодные элементы, и т. д. и т. п. Мы этого факта не отрицаем, мы с этим злом боремся и будем бороться.

Но мы говорим партиям меньшевиков и эс-эров, которые зубоскалят по этому поводу: к вам никто не примазался и не примажется, потому что вы сами примазались к буржуазии, вы—гнойник, вы—элемент, чуждый рабочему классу. Да, к нам в том или ином месте и примазался нечистый элемент, но партия в целом в течение трех лет мужественно борется за победу рабочего класса, за советскую власть. В первых рядах этой великой борьбы были рабочие-коммунисты. На фронтах гибли десятками тысяч рабочие-коммунисты. Кто-то правильно сказал про нашу партию, что она похожа на некий рыцарский орден, на группу людей, которые дали друг другу клятву, обет: умереть или победить. Если взять каждого члена в отдельности, то, может быть, не всякий будет всегда на высоте выполнения исторической задачи, но если взять нашу партию в целом, то мы можем сказать без всякого хвастовства, что она вся, как есть, с сотнями тысяч рабочих и крестьян,—действительно рыцарский орден в самом высоком, чистом смысле этого слова. Не было той жертвы, на которую не пошла бы наша партия, ради революции. Никакая цена для нее не была слишком высокой и дорогой, когда дело шло о защите пролетарской революции. Мы лили кровь нашей партии, как воду, когда этого требовали интересы рабочих и крестьян. Правильно сказал кто-то недавно в ответ изолгавшимся эс-эрам, угрожающим террором отдельным работникам советской власти, эс-эрам, на совести которых убийство таких людей, как Урицкий, Володарский и др.: «Презренные люди, неужели вы думаете, что можете террором запугать партию, члены которой каждый день на фронтах гибнут тысячами? Разве можете вы жалким револьвером или бомбой запугать партию, члены которой каждый день стоят под шрапнелями Врангеля, Деникина и пр. царских генералов? Разве вы можете запугать партию, которая дала тысячи комиссаров, стоящих во главе наших рот, батальонов и полков, проявляющих чудеса мужества, геройства и стойкости?» Разве могут запугать нашу партию жалкие Савинковы или негодяи, в роде Чернова, которые до сих пор продолжают напяливать на себя мундир социализма? Нет, та партия, которая умела в течение трех лет жертвовать тысячами своих членов, не боится белого террора, она не боится презренных предательских партий, она не боится никого!

Когда-то в германском рейхстаге старый Либкнехт в ответ на нападки буржуазии сказал: «Буржуазия говорит, что она никого не боится, кроме господа бога, а мы, революционеры, не боимся и самого господа бога». Да, мы не боимся ни богов, ни анафем. Мы, конечно, не боимся и господ правых эс-эров и меньшевиков. (Аплодисменты.)

Товарищи, наша партия призвала рабочих в этом году праздновать годовщину революции без особого парада, без внешних эффек-

тов, без излишнего шума. Характер нашего празднества должен подчеркнуть ту мысль, что борьба еще не кончена, что борьба впереди, что мы находимся в горниле ее, что много еще трудностей на нашем пути. Но в этот день, когда мы переворачиваем третью страницу в истории пролетарской революции, рабочие и работницы, все трудящиеся нашей страны должны глубоко вдуматься в смысл происходящих вокруг событий. Мы должны сегодня спросить сами себя: все ли сделано для победы пролетарской революции? Каждый рабочий должен спросить себя: хорошо-ли то, что иногда я стоял в стороне от событий, всегда-ли я шел на помощь революции?

Товарищи, в эти дни надо заставить каждого рабочего и работницу отмерить умственным взором тот большой кусок пути, который мы прошли. Внимательная, глубокая, серьезная оценка пережитого явится лучшей услугой пролетарской революции, лучшим способом разоблачения наших врагов.

Мы празднуем третью годовщину. И кто знает, — в зале сравнительно много молодых людей, — может быть, многие из нас будут праздновать не третью, а десятую, двадцатую, тридцатую годовщину. Будем помнить эти тяжелые, мучительные дни, которые очень мало похожи на праздник... Питер нынче ночью и завтра утром мало будет похож на праздничный город, на город, где впервые победила пролетарская революция. Для этого слишком мало огней, слишком холодно, слишком мало топлены наши школы, слишком плохо едят и плохо одеты семьи рабочего класса, у нас вокруг слишком бедно, слишком свежи еще раны, слишком много сирот в рабочих семьях, потерявших на том или другом фронте своего отца, брата, сына. У нас, говорю я, мало похоже на настоящий праздник. Но в эти дни мы, которым выпало на долю бороться за лучшее будущее человечества, попытаемся приподнять завесу будущего и представить себе, какой будет наша страна, наша родная Советская Россия через несколько лет. И в каждом из нас, кто сделает попытку мысленно нарисовать себе контуры нашего будущего строя, пробудится неиссякаемый источник бодрости, веры в наш класс, веры в наше дело, несмотря на отчаянные трудности и препятствия переживаемого периода. Новый строй рождается в крови, в страшнейших мучениях и страданиях. Все вокруг нас еще покрыто рубищем, бедно, оборвано, убого. Но, товарищи, из-за этих лохмотьев, из-за этого рубища, из-за этой бедноты нашей вырисовывается нечто новое, вырисовывается будущий строй.

Все-таки мы видим начало новой жизни!

И я глубочайше убежден, что Петроград, который начинает теперь оживать, в который опять начинают притекать кучка за кучкой рабочие, этот город и дальше будет итти в первых

рядах и на фронте социалистического строительства. Мы будем показывать рабочим всей России и рабочим всего мира пример того, как при нищете, при бедности, при гражданской войне, при отчаянных трудностях шаг за шагом можно строить великое дело.

В Петрограде родился Коммунистический Интернационал, который гигантски окреп в эти годы. Три года тому назад у нас было только знамя, даже не знамя, а только намек, пароль, бледный лозунг международного революционного объединения. Теперь Коминтерн становится великой державой. Он становится организацией, перед которой трепещут тираны, короли и капиталисты. Коммунистический Интернационал стал организацией, которая объединяет все, что есть революционного на нашей планете. Коммунистический Интернационал, в отличие от II Интернационала, не является простым объединением центральных комитетов политических партий. Коммунистический Интернационал объединяет и направляет все революционное движение всего мира. На ряду с нарождением, ростом и укреплением коммунистических партий мы видим новый поток народного движения Востока, движения еще не социалистического, но революционного, идущего нам на подмогу. Строится родственная Коминтерну международная организация красных профессиональных союзов, от Коминтерна ответвляются организации коммунистической интернациональной молодежи и женщин. И вот все это, вместе взятое, и есть Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал не есть узкополитическая организация. Он — не только один рычаг, но целая сложная система рычагов, которая объединяет капельки революционной энергии, собирает всякую революционную силу, где бы она ни была, пробуждает потенциальные революционные силы, увеличивает, накопляет, аккумулирует, организует, направляет и двигает их вперед. Победа буржуазии была бы возможна, если бы не родилась такая организация, которая является мозгом, головою, глазами, железной рукой международного пролетариата. Эту организацию породила международная революция, потому что международная революция есть факт.

Товарищи, через год, когда мы будем праздновать четвертую годовщину революции, Коммунистический Интернационал впишет уже не одну славную победу на свои страницы. Мы же будем попрежнему гордиться тем, что были не последним, а одним из первых отрядов великой международной организации. Мы будем попрежнему изо всех сил помогать рабочим всего мира, и прежде всего своим примером, трудом, работой. И главной и величайшей честью и наградой нам будет то, что, подводя итоги полной победы, наши товарищи, рабочие других стран, скажут нам: петроградские рабочие, Петроградский Совет, вы были не худ-

шим, а одним из лучших отрядов, вы умели быть революционерами в трудное время, вы умели быть коммунистами в голодные дни, вы были застрельщиками тогда, когда вас только ленивый не лягал, вы умели итти вперед тогда, когда врагов был целый мир, вы один из лучших наших отрядов! Этот день будет самым счастливым для нас.

И в предвидении этого дня мы будем работать, работать и еще раз работать. Мы почерпнем бодрость из того итога, который мы подводим в третью годовщину. Мы засучим рукава, и завтра, после третьей годовщины, снова примемся за работу. Будем работать на фабриках и заводах, будем работать в деле просвещения деревни, будем перекидывать мост от рабочего города к сермяжной деревне, — в этом залог нашей силы.

Мне вспоминается, как ровно три года тому назад, в ночь на 25 октября, Керенский и шайка меньшевиков, которая была с ним, думали, что они помешают нашей революции, если разведут мосты. И в ночь на 25 октября они приступили к разводке мостов и тем заставили нас поскорее обнажить меч. Вы помните, как выборгские рабочие и рабочие Петроградской стороны мешали Керенскому разводить мосты и как разведенные мосты были наведены моряками с «Авроры». Высадивши маленький дессант, мы навели эти мосты между районными рабочими и рабочими центра Петрограда, которые соединились и победили буржуазию. Но гораздо важнее то, что в эти три года мы навели другой мост, мы навели гигантский, могучий мост, железный мост от рабочих города к деревне. Сколько ни разжигали крестьян против нас спекулянты, мародеры, контр-революционеры, меньшевики и пр., мы крестьян поднимали, организовывали. Крестьяне шли за нами, и теперь мы имеем крепкий фундамент. Громадное большинство крестьян видит в рабочем классе своего руководителя. Вот почему, товарищи, этот наведенный от рабочих к крестьянам мост есть самое важное достижение нашей революции.

И вы, рабочие городов, передовики своего класса, эту стратегическую позицию должны охранять, вы должны нести службу дозора постоянно, чтобы этот мост сохранился, чтобы он соединял вас с крестьянами, чтобы был приток сил на нашу сторону. Тогда мы будем иметь могучую, грозную партию, тогда громадное большинство населения будет на нашей стороне, и мы будем крепко стоять на ногах.

И уж тот факт, что мы стоим на ногах, является гигантским рычагом, двигающим вперед пролетарскую революцию. Важно помнить, что мы являемся борцами величайшей пролетарской революции, какую только знал мир. Все, что есть лучшего у каждого из нас, мы должны поклясться отдать делу полной победы величайшей пролетарской революции. Мы будем помнить, что живем и трудимся в городе, который первый поднял знамя

пролетарской революции, который вписал золотую страницу в историю мировой революции.

Да здравствует великий рабочий Петроград, великий строитель пролетарской революции! Да здравствует Российская Коммунистическая Партия!

Да здравствует всемирная грядущая освободительница народов, мировая пролетарская революция, и здравствует ее главная организация — Коммунистический Интернационал! (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В 1917—1920 гг. [1]

На вопрос о том, когда началась международная революция, будущие историки в один голос будут давать ответ:

— В 1917 году русская революция была ее началом.

Когда некоторые наши враги ядовито спрашивают нас: «Где же ваша международная революция?», мы могли бы им ответить: «Вот она, перед вами. Эта революция происходит на ваших глазах. Она еще не завершилась». Они еще не уловили наступления первого ее фазиса. Но она уже происходит. Муха, которая сидит на громадном, быстро вращающемся мельничном колесе, не замечает вращения этого колеса, как некоторые наши современники, особенно Фомы-неверующие, которые насквозь отравлены ядом буржуазного скептицизма, уподобляются этой мухе. Они не замечают, что мы уже вошли в полосу международной революции и что «обещанная» международная революция пришла.

Разве могла бы Советская Россия продержаться три года, если бы пожар международной революции не загорался то тут, то здесь, если бы рабочее восстание не стояло грозным призраком перед буржуазией главных стран Европы?

Всего три года прошло со времени нашей Октябрьской революции, но как легко забывается плохое! Как скоро стали мы забывать то международное положение, какое было в октябре—ноябре 1917 года. Три года тому назад мы были совершенно одиноки на международной арене. Мы знали, мы верили, что международный пролетариат поймет и оценит наше движение, но мы вместе с тем не могли не видеть того, что в ту пору международный пролетариат не был еще с нами.

Вспомните, как ужасающе одиноки были мы в те памятные дни и недели, когда германские империалисты пытались заковать нас в брестские колодки и наручники. Вспомните ту глухую стену, которую мы чувствовали повсюду в первые месяцы нашей борьбы, когда каждый день на нас сваливались новые беды.

[1] Напечатано в «Правде», № 250, 7 ноября 1920.

Сравнительно второстепенный, но крайне поучительный эпизод. Вспомните политику первого революционного правительства в Германии, состоявшего наполовину из независимых социалистов. Уже после низвержения Вильгельма, после образования в Берлине и в целом ряде других городов рабочих советов, «революционное» правительство, состоявшее из трех социал-демократов и трех независимых, изгоняло из пределов Германии нашего посла и отказалось принять от Советской России предложенный нами для германских рабочих хлеб. Разумеется, эта трусливая и предательская политика первого «революционного» правительства Германии в значительной мере объяснялась оппортунизмом и контр-революционностью господ социал-демократов (в скобках сказать, среди этих последних выдающуюся роль играл тогда ныне «знаменитый» Дитман, бывший «народный уполномоченный» названного «революционного» правительства). Но все-таки это так называемое «революционное» правительство Германии не захотело, не посмело бы повести такую политику, если бы часть германских рабочих тогда не относилась бы с известным предубеждением к рабоче-крестьянскому правительству России.

И как это коренным образом изменилось теперь! Международная пролетарская революция развивается далеко не так быстро, как бы мы этого хотели. Но все-таки она идет вперед. Почему империалисты Антанты, почему разбойничья Лига Наций, почему богатейшая и кровожадная буржуазия Франции, Англии и Америки до сих пор не умертвила единственной пролетарской республики, Советской России? Ведь эти мировые плуты пошли бы на все, чтобы только отвинтить голову нам. Но они не сделали этого единственно потому, что рабочий класс Европы и Америки душою за нас. Европейский и американский пролетариат еще недостаточно силен для того, чтобы он мог отвинтить голову империалистическим разбойникам, но он уже достаточно силен для того, чтобы помешать буржуазии проделать эту операцию над нами.

В течение трех лет из месяца в месяц, изо дня в день, и даже, можно сказать, из часа в час буржуазия и казенные «социалисты» всего мира непрестанно, систематически, неуклонно клеветали на Советскую Россию. Десятки, сотни и тысячи печатных станков каждый день выбрасывали миллионы экземпляров буржуазных и социал-демократических газет, изрыгавших на нас всякую хулу. За эти три года буржуазия и ее прислужники, социал-демократы, напечатали такую бездну экземпляров клеветавших на нас газет и других литературных произведений, что этой бумагой, наверняка, можно было бы не только покрыть всю пустыню Сахару, но и все девственные леса Южной Америки.

Сегодня исполняется третья годовщина нашей пролетарской революции. Где та страна в мире, где бы рабочие, где бы труженики в их массе не были теперь душою за нас? Подлинная солидарность тружеников всего мира с первой победоносной пролетарской республикой — разве это не есть начало мировой пролетарской революции?! Эта солидарность — фундамент, база мировой пролетарской революции! Да, мы не видим еще того, чтобы рабочие большинства стран с оружием в руках бросились прямо на свою буржуазию! Да, грудь с грудью пролетариат еще не схватился с мировой буржуазией! Но эта неискоренимая уверенность в правоте Рабоче-Крестьянской Российской Республики, это полное, спокойное убеждение в том, что Советская Россия — защитница всех угнетенных, это беззаветное отношение рабочих Европы и Америки к пролетариату России, все это для дела мировой пролетарской революции означает больше, чем то или иное восстание. За три года существования Советской власти мы видели революцию в Германии, Австрии, Венгрии, Финляндии, Латвии и на Балканах. Часть этих революций (как в Венгрии, Латвии и Финляндии) были резко выраженными пролетарскими революциями, но недостаточно сильными, чтобы победить при данном положении вещей. Революция в Германии (а также в Австрии) не была социалистической революцией, хотя бы в начале шейдемановцы и называли Германию «социалистической республикой». Революции в Германии не было, не было даже буржуазной революции в полном смысле этого слова. Настоящая буржуазная демократическая революция в такой стране, как современная Германия, невозможна. То, что мы видели там, является только предисловием к полному пролетарскому перевороту. Тем выкидышем, каким была германская революция 1918 года, дело не закончится.

Пролетарское движение в таких странах, как Германия, сейчас как бы ушло вовнутрь. Движение назревает там медленно, борьба там необычайно трудна и мучительна, потому что буржуазия там несравненно сильнее, чем была русская буржуазия. Победе пролетарской революции в России способствовал целый ряд привходящих условий: неразрешенность земельного вопроса, помощь крестьян, которые еще не были разоружены, той партии, которая одна только могла им дать землю, соревнование двух империалистических трестов, которые друг друга почти полностью нейтрализовали и тем самым давали дышать молодой Советской России, и т. п. Классическим типом пролетарской революции, быть может, явится именно германский тип, где так многочислен и силен пролетариат, но где, вместе с тем, так организована, так хитра и цепка буржуазия, где сильно контр-революционное влияние обуржуазившейся демократии...

Три года, протекшие со времени нашей победы, можно рассматривать теперь как новую эпоху в истории. Эти три года, в общем и целом, ушли на то, чтобы идейно завоевать международный пролетариат. Теперь это достигнуто. Теперь международный пролетариат на стороне первой пролетарской республики. В течение этих трех лет сил международного пролетариата — при данном уровне его сознательности и организованности — хватало лишь на то, чтобы нейтрализовать разбойничьи попытки европейской и американской буржуазии. До 1920 года мы видели в этом отношении известное равновесие сил. Теперь на наших глазах чаша весов медленно, но неуклонно начинает перетягивать на нашу сторону. До сих пор международный пролетариат в общем и целом находился в обороне. Теперь он может начать переход к наступлению.

До сих пор услугой европейских и американских рабочих в отношении Советской России было требование «своему» правительству не вмешиваться в русские дела. Нейтралитет — вот то требование, которое защищалось рабочими массами Европы и Америки. До сих пор «Hands off Russia!» (руки прочь от России!) таков был лозунг, например английских передовых рабочих до самого последнего времени. Разумеется, этот лозунг не плох. Разумеется, рабочие Англии и других стран должны и впредь требовать от своей буржуазии, чтобы она убрала руки прочь от Советской России, но этот лозунг, тем не менее, недостаточен. Руки прочь — это еще не оборонительная тактика. Теперь Коммунистическим Интернационалом выдвигается требование перехода от обороны к наступлению. «Руки прочь от Советской России!» Коммунистический Интернационал заменяет паролем: «За горло международную буржуазию и коленом ей на грудь!»

Когда советские войска стояли у ворот Варшавы, становилось особенно наглядно, что международный пролетариат вступает в полосу, которую можно будет характеризовать: «От обороны к наступлению». Советские войска постигли неудачи на польском фронте. Но все-таки в общей картине развивающейся мировой пролетарской революции эти польские неудачи являются только эпизодом, замедляющим темп социалистического развития, но не изменяющим характер его.

Наша революция 1905 года не была международной. Она была быстро раздавлена, но все-таки она успела оказать свое большое революционизирующее влияние и на Запад и на Восток; но как революция 1905 года была, можно сказать, невинной забавой по сравнению с нашей великой пролетарской революцией 17—20 гг., так и международное влияние нашей нынешней революции в миллион раз сильнее, чем влияние революции 1905 года, а вместе с тем в миллион раз сильнее и то эхо на

нашу революцию, которое раздается с Запада и Востока с Севера и Юга. На нашу революцию 1905 года мы слышали на Востоке отклик, выразившийся в младо-турецком движении, персидской революции и т. п. На нашу же пролетарскую революцию 1917—20 гг. Восток откликнулся во много раз сильнее. Бакинский Съезд народов Востока был предтечей величайших революционных событий. В Баку мы явственно чувствовали, что наша революция из европейской превращается в мировую. Наша революция 1905 г. встретила отклик и на Западе. Но как слаб был этот отклик! В Германии и других странах дело доходило максимум до того, что рабочие круги начали говорить о всеобщей стачке. А теперь? Теперь такие страны классического капитализма, как Англия, уже больше года беспрестанно сотрясаются в сильнейшей лихорадке. Блеснувший перед нами на пару дней Совет Действия в Лондоне был, несомненно, предтечей Английских Советов рабочих депутатов.

Различными путями, иногда крайне тяжелыми путями, зигзагами, с отступлениями через ухабы, через снежные сугробы, через колючую проволоку международный пролетариат все-таки повсюду идет вперед. Коммунистический Интернационал поставил себе задачей быть мозгом, грозной железной рукой, организатором этой международной революции, и Коммунистический Интернационал исполнит свою историческую миссию!

1921

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА БЕЗ ФРОНТОВ.[1]

Товарищи, перевыборы нашего Совета совпали с четвертой годовщиной великой пролетарской революции. Естественно, что мы сегодня попытаемся окинуть мысленным взором тот путь, который остался позади нас.

Вспоминаю первую годовщину Октябрьской революции, когда все мы не верили своему счастью, что дожили до тех дней. В тот вечер в Смольном, в актовом зале, собрался Петроградский Совет. У большинства товарищей были слезы на глазах. Год, прошедший с октября месяца 1917 г. до октября 1918 г., был, несомненно, решающим. С таким волнением встречали мы первую годовщину именно потому, что минувший год был порой самых тяжких испытаний.

Вторую годовщину Октябрьской революции, в 1919 году, мы праздновали, только что отбивши Юденича от стен Петрограда. И опять вспоминается то необыкновенное чувство, которое владело тогда всеми нами. Мы видели опасность у самых стен Петрограда. Проходя и проезжая по улицам Петрограда в те тяжелые недели, когда Юденич стоял недалеко от Путиловского завода, многие с содроганием представляли себе тот ужас и разорение, которые постигли бы город, если бы в него вошел Юденич. Вторую годовщину мы праздновали с чувством радости и облегчения по поводу того, что мы отбили Петроград. И Питер стал нам втрое, вдесятеро дороже после того, как мы спасли его общими усилиями от тяжелой опасности.

Третью годовщину мы праздновали накануне разгрома Врангеля, в момент, когда многие и многие наши товарищи находились на решающих участках фронта.

И вот, четвертую годовщину мы празднуем, впервые не имея или почти не имея фронтов. Мы уже привыкли к тому, что, открывая газетный лист, мы не встречаем больше сводок фронтов. Но, товарищи, нет еще полного года, как эти сводки

---

[1] Речь на торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября 1921 г.

исчезли со страниц наших газет. Мы все часто повторяем: гражданская война кончена, но мы не все отдаем себе отчет, какое великое значение для судеб нашей страны и для судеб международной пролетарской революции имеет тот факт, что мы можем приступить к тем основным хозяйственным задачам, которые четыре года тому назад манили восставший народ, как волшебная сказка. Когда ровно четыре года тому назад Питер бурлил, когда рабочие и работницы Петрограда и тогдашний гарнизон Питера широкой лавой выливались на улицы с одним лишь лозунгом на устах: «Вся власть Советам!», когда в этом же зале происходили исторические собрания, решавшие судьбу России, — разумеется, тогда лишь очень немногие могли предвидеть тот факт, что нам предстоит еще несколько лет войны. Тысячи и десятки тысяч людей шли на улицу, шли на штурм Зимнего дворца потому, что их манила совсем другая перспектива, не перспектива новой тяжелой войны, которая потребовала так много жертв, а перспектива более свободной, более легкой жизни. История захотела, чтобы события пошли по-иному. Теперь мы, умудренные опытом, ясно отдаем себе отчет в том, что иначе едва ли могло быть, — слишком великие цели написала на своем знамени революция, чтобы эти цели могли быть куплены дешевой ценой. Пришлось и приходится платить достаточно дорого, ибо впервые в истории человечества происходит революция пролетарская.

Товарищи, вспомните первые дни и недели после февральской революции, когда пала твердыня царизма и раскрылись двери тюрем. Все были ослеплены ярким снопом лучей, брызнувшим на нас отовсюду. Многим тогда казалось, что разразилась великая революция. Мы часто после февральского переворота злоупотребляли этим словом «великая». И многие старые революционеры-коммунисты вначале поддались общему гипнозу. Превосходно помню, как для нашей маленькой «Правды», когда она была на Мойке, — тогда «Правда» была маленькая газетка, на четырех небольших страничках, которую конфисковывали каждый день, но которая до дыр зачитывалась на всех заводах, фабриках и в казармах, — помню, как для «Правды» мне пришлось писать статью, и у меня тогда нечаянно соскользнуло с пера слово «великая революция» в применении к февральскому перевороту. Это было еще в первые дни после нашего возвращения из-за границы. И я помню, как тов. Ленин, с которым мы вместе редактировали «Правду», посоветовал мне вычеркнуть слово «великая», добавив, что когда мы прогоним Керенского и буржуазию, тогда мы скажем, что наступила действительно Великая Революция. Что же удивляться, если народ, который уподобился тогда большому ребенку, воспринимал февральскую революцию вначале как великую революцию?

Помню чувство тяжелого изумления у меня, когда, приехав из-за границы, мы застали нашу партию в ничтожном меньшинстве в Петроградском Совете. Вспоминаю наши выступления в Морском Корпусе, где тогда собирался Петроградский Совет. Помню первое собрание, на котором решался вопрос о коалиционном министерстве. Питерские рабочие, бывшие тогда в Совете, были рады как дети: наконец-то мы будем иметь своих министров-социалистов. Мы, большевики, тогда выступали против участия в правительстве, нас слушали со вниманием, с интересом, но когда дело дошло до голосования, то девять десятых, если не девяносто девять сотых присутствовавших оказались против нас. Рабочий класс как будто подменили.

В то время рабочий класс во всей стране, в том числе и в Питере, перенес поветрие оборончества. Он заразился теми же социал-оборонческими идеями, которые рабочие других стран отчасти не изжили еще и до сих пор. Основная мысль, основное настроение тогдашних масс было таково: царизм низвергнут, произошла великая революция, осуществилось, наконец, то, чего народ ждал десятилетиями.

Теперь, товарищи, на четвертом году революции, не только закаленные борцы нашей партии, не только Петроградский Совет— цвет рабочего класса России, не только весь рабочий класс и крестьянство страны, но довольно значительные в идейно-политическом смысле группы буржуазии начали понимать действительный смысл февральского переворота. Мне придется нынче часто возвращаться к одной книге, имеющей глубочайший символический интерес, книге, которая называется «Смена вех» и написана группой буржуазных профессоров, находящихся в изгнании. Один из этих профессоров, о котором я еще буду говорить подробнее, замечает: «Февральская революция была жалким полустанком, на котором революция сделала маленький привал для того, чтобы потом пойти дальше и дальше к Октябрьской революции». Вот что понял теперь буржуазный профессор.

Не то было четыре слишком года тому назад. После февральской революции наш народ не понимал, что произошел лишь буржуазный переворот и что задача трудящихся — продвинуть страну от буржуазной революции к революции пролетарской, к революции социалистической. Мне довелось в последние дни получить несколько книг, изданных за границей русскими белогвардейцами. Нет ничего интереснее чтения этих книг. Они яснее всего показывают, как мы победили и почему мы победили. Невольно, читая эти книги, у меня напрашивалось следующее сравнение.

Передо мною два тома, принадлежащие перу не белогвардейца, а одного из основоположников социализма в России, Г. В. Плеханова. Большинство молодежи теперь не знает этого

имени, но оно, товарищи, должно быть дорого каждому сознательному борцу. Г. В. Плеханов был основателем нашей партии, он был одним из первых революционеров-марксистов. Его заслуги перед нашей страной, перед рабочим классом настолько велики, что все позднейшие его ошибки не идут с ними ни в какое сравнение. Еще в 1883 году, когда господствовала кромешная тьма царистской реакции, и еще раньше того, он поднимал наше знамя. Плеханов со времени войны 1914 года сделался социал-патриотом, оборонцем. После февральской революции он вернулся в Петроград. Он издавал здесь газетку «Единство», которую многие из вас, вероятно, забыли. Он произносил речи, он печатал в своей газете статьи. И вот теперь его друзья за границей издали двумя томами, под названием «Год на родине», все, что Плеханов говорил и писал в тот решающий период от Февраля до Октября. Немножко жутко перелистывать эти страницы. Но их писал один из талантливейших людей нашего века. Плеханов, один из крупнейших социалистов в прошлом, который потерял равновесие в начале войны, сделал тогда основную ошибку, а затем продолжал ошибаться на каждом шагу.

Плеханов в августе 1917 года произнес речь на пресловутом «Московском государственном совещании». Это совещание состоялось накануне корниловских дней, когда наша партия была в подпольи, а наших руководителей объявили немецкими шпионами. Керенский собрал в Москве, в Большом театре, на «Государственном совещании» всю пресловутую «революционную демократию» с меньшевиками и эс-эрами, вплоть до Корнилова. Плеханов на совещании старался помирить левых и правых. — Товарищи, говорил он, обращаясь одинаково и к Чхеидзе и к Корнилову, — вспомните, когда печальной памяти Ленин (печальной памяти — потому что Ленин был объявлен немецким шпионом, и Плеханов вместе со всем контр-революционным лагерем считал, что его песенка спета), приехав к нам, на второй или третий день выступал в Петроградском Совете рабочих депутатов и говорил о том, что рабочий класс должен немедленно, вкупе с батрацкими и крестьянскими депутатами, захватить политическую власть в свои руки, — что вы ответили ему тогда? Вы, большинство Петроградского Совета рабочих депутатов, сказали: нет, этой программы мы не принимаем, ибо Россия переживает теперь капиталистическую революцию, а когда страна переживает капиталистическую революцию, то рабочему классу захватывать полноту политической власти совершенно неуместно.

Плеханов напомнил верный факт: действительно, Петроградский Совет отвергал тогда программу тов. Ленина, программу нашей партии. Плеханов объясняет этот факт. Он употребляет при этом понятие — капиталистическая революция; даже не буржуазная, а капиталистическая, что несколько ўже. В августе

1917 года, за шесть недель до перехода власти к Советам, человек такого ума, такого полета мысли, как Плеханов, продолжал верить, что наша революция останется даже не буржуазной, а капиталистической революцией, и опирался при этом на тот печальный факт, что Петроградский Совет в те времена действительно поддерживал этот взгляд.

Несколько раньше Плеханов поместил статью под заглавием «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен». Тов. Ленин в первый день своего приезда из-за границы выступал в Таврическом дворце со знаменитыми тезисами, где впервые был оформлен лозунг: вся власть Советам. Критике этих тезисов посвящена насмешливая статья Плеханова. Он издевается над тезисами тов. Ленина, называя их бредом сумасшедшего. И бред бывает иногда весьма поучителен,—пишет он,—и тогда люди, занимающиеся психиатрией или даже политикой, посвящают ему охотно много времени и места. И дальше он издевательски указывает на «Палату № 6» Чехова, на «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина» («Записки сумасшедшего» Гоголя). Вот как относился один из лучших представителей социалистической интеллигенции к лозунгу советской власти.

И дальше. Плеханов умел быть последовательным до конца. Уж после Октябрьского переворота он помещает статью под заглавием: «Адмирал Колчак остается на своем месте», которую он заключает словами: «Хорошо все то, что хорошо кончается». Когда мы хотели низвергнуть Колчака, Плеханов берет его под свою защиту. И больше того: теперь известно досконально из дневника Колчака, написанного им перед самым расстрелом, что Плеханов, основоположник рабочей партии в России, уже накануне разгрома армии Колчака, уговаривал его подготовить новый поход на Россию. Разумеется, такого человека как Плеханов заподозрить в целях корыстных невозможно,— это был бы сущий вздор,— он ошибался искренно, его ошибки отражают целый период в истории нашей революции.

Что говорил Плеханов по вопросу о социальном содержании нашей революции? Передо мною письмо Плеханова к 1-му Всероссийскому Съезду крестьян, который, кстати сказать, заседал в этом же зале и на котором едва-едва давали высказываться тов. Ленину, мне и другим большевикам. Я помню прекрасно, наибольшая победа, которую мы одержали на крестьянском съезде, заключалась в том, что на собрании в 2 000 человек за нас голосовало всего 14. Плеханов обращается к съезду с письмом, в котором он напоминает о положении крестьян при царизме, цитирует Некрасова, затем переходит к вопросу о земле: Крестьянство имеет нужду в земле,— говорит он,— для удовлетворения этой нужды вы хотите, чтобы все государственные, монастырские, церковные и частновладельческие земли перешли в на-

родное достояние для уравнительного трудового пользования без всякого выкупа. Так гласит ваша резолюция. Плеханов не может с этой резолюцией согласиться. Даже этот эс-эровский съезд для него слишком резок. Он уговаривает крестьян не слишком обижать помещиков. Вот, примерно, его рассуждения:

— Представим себе крупного землевладельца. Владея большим количеством земли, он является богатым человеком. Но он богат до тех пор, пока у него не отобрана земля. Как только у него возьмут землю без выкупа, он сделается нищим. Правда, у него могут быть деньги в банке. Тогда он не пропадет, если... если денег у него довольно. А если денег нет, он неизбежно обнищает. Теперь скажите мне: в вашем ли интересе плодить нищенство на Руси? По-моему, нет. Это противно вашим интересам, равно как и интересам всего государства. Стало быть, нужно дать частным землевладельцам известное вознаграждение. Плеханов действует всеми средствами, чтобы убедить крестьян. Он пытается играть на самолюбии революционного крестьянина: «Вы победили. А победитель, когда у него в груди бьется львиное, а не волчье сердце, ведет себя великодушно».

Плеханов, один из первых учителей рабочего класса нашей страны, не понимал и не видел того, что у нас развертывается не капиталистическая и не буржуазная, а пролетарская революция. И в своем непонимании великой революции он доходил до того, что весь свой авторитет клал на чашу весов в пользу, в защиту помещиков.

Плеханов продолжал до последних дней своей жизни делать ошибку за ошибкой. Вот его последнее выступление — письмо к петроградским рабочим, написанное уже после Октябрьской революции, когда он лежал на смертном одре. Когда революция стала уже фактом, он обращается к петроградским рабочим, заклиная их, пока не поздно, повернуть назад, — иначе гибель неминуема. Он говорит в этом письме, что не может быть и речи о революции в Германии. Он писал свое письмо, как потом оказалось, за несколько недель до падения Вильгельма Кровавого. Он заявлял, что его не радуют, а огорчают октябрьские события. И не потому, — говорит он, — чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому что я призываю его всеми силами души к победе. Верно, Плеханов по настроению призывал всеми силами души рабочий клас к победе, но он не понял основного, он потерял ключ к событиям и попадал пальцем в небо. Он, один из гениальнейших людей нашего времени, сел мимо стула в начале этих событий и, разумеется, после уж ни одного верного диагноза поставить не мог. Вот как трудно было найти даже лучшим представителям социалистической интеллигенции правильный путь к пролетарской революции. Их кругозор не шел дальше обычных революций, кото-

рые уже бывали в истории. Они были уверены, что и у нас дело пойдет по накатанным рельсам: мы будем иметь политический переворот, социальные отношения останутся старыми, дело ограничится маленькими политическими перестановками, произойдет только капиталистическая революция. Понадобились четыре года, дабы эта основная идея, что наша революция есть пролетарская революция, вошла в плоть и кровь не только рабочего класса, но и значительной части интеллигенции.

Напрашивается сравнение с этими томами Плеханова другого маленького тома, который называется «Смена вех». Эта книга вышла в Праге, где собрались русские буржуазные эмигранты. Она содержит статьи нескольких профессоров — Ключникова, Устрялова, Лукьянова, Бобрищева-Пушкина — петроградского присяжного поверенного, Чахотина и Потехина. Вышла она уже после того, как обозначились контуры нашей новой экономической политики. Я постараюсь познакомить вас с основными заявлениями, которые имеются в книжке, потому что, мне кажется, они знаменательны. На четвертом году нашей революции мы получаем из уст группы буржуазных профессоров весьма ценные признания.

Профессор Ключников пишет: «В то время как все мы, ныне отвергнутые Россией (они находятся в эмиграции), только и делали, что мешали «творческому процессу жизни» подсовыванием ему «абсолютных материальных начал», непригодных во время революции, в то время как мы всем своим поведением настойчиво отрицали малейшие проявления «мистики государства», эта мистика — подлинная, глубокая — не раскрывалась ли она и не раскрывается ли и теперь во всем, что создало из России страну Советов, из Москвы — столицу Интернационала, из русского мужика — вершителя судеб мировой культуры?»

Вот те самые люди, которые нам пророчили, что мы просуществуем три недели, те самые, которые раньше не находили слов для осуждения революции, те самые люди, которые кричали на всех перекрестках, что мы предаем Россию, что мы ее распинаем, унижаем, эти люди говорят: они сделали «из Москвы — столицу Интернационала, а из русского мужика — вершителя судеб мировой культуры». Не больше и не меньше. (Аплодисменты.)

Товарищи, Ключников дает попутно чрезвычайно меткую характеристику своим прежним друзьям, эс-эрам. Он пишет: «При их господстве не может быть ни революции, ни контр-революции, ни, тем более, искомого ими (эс-эрами) среднего. Сплошное ни то, ни се. Какие-то Буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб». Это метко сказано, товарищи. Действительно, теперь, когда мы слышали, что в списке членов Совета есть только один несчастный эс-эр, который мозолит глаза, огляды-

ваясь назад и пытаясь объяснить, чем вызван такой разгром когда-то самой могущественной партии, мы слышим из уст их бывших друзей такое объяснение их падения: они захотели быть ни теплыми, ни холодными, ни с буржуазией, ни с рабочими, значит—ни то, ни се,—и оказались Буридановыми ослами революции.

Слушайте дальше, что пишет Ключников: «В жизни целого нашего народа случилось то, что случается так часто в жизни отдельных лиц. Богатую барышню отдают в институт и обучают пению, танцам и изящным манерам на радость будущему богатому жениху. Но вдруг родители барышни умирают, институт брошен, вместо богатого — муж — сельский учитель, вместо пения и танцев — кухня, стирка и работа на огороде. Бедной женщине и так тяжело, а тут еще письмо из столицы от бывшего наставника: «Вы созданы для красоты, бросьте эту пошлую жизнь»... Сейчас Петр Струве (один из пророков буржуазии) по отношению к России представляется мне как раз таким наставником. Он упорно не хочет понять, что самым фактом революции одна полоса русской жизни оборвана и другая, совершенно новая, начата. Прощайте, грезы о балах, приходится приниматься за труд».

Товарищи, в четвертую годовщину революции, когда никто уже не верит в то, что советскую власть можно свалить, вспомните, сколько раз пред нами мелькало лезвие ножа, сколько раз нам пророчили неминуемую близкую смерть. И сейчас большим утешением могут послужить нам следующие слова той же самой книги «Смена вех»: «Короче говоря, революция преодолела все преграды, уверенно-властно вошла в русскую жизнь и накрепко утвердилась в ней». Профессор, конечно, неправ, когда он пытается изобразить рабочий класс похожим на юродивого. Но когда он говорит о том, что наша революция властно заняла свое место в жизни, когда он на пятом году нашей революции, перебирая всех возможных претендентов на свержение советской власти—и офицеров, и иностранные войска и т. д. и т. п.,—приходит к выводу, что нет силы против революции,—он тысячу раз прав. Так же прав он, когда, обращаясь к своим, говорит: «И вот после всего этого цвет русской интеллигенции, мозг страны—русские либералы — все еще, знай себе, сверлят маленьким сверлом в надежде высверлить хорошенькую маленькую дырку. И все еще не замечают, что перед ними не скала романовского полуабсолютизма, а громадный кратер от страшного революционного взрыва, что жалкое их сверло болтается в воздухе и что вот-вот кратер поглотит и их самих».

Вот как пишет толковый буржуа, понимающий то, что происходит. Они начали понемножку понимать даже смысл нашей революции. «Чего хотела,—говорят они,—Октябрьская революция?

Она хотела переделать все, устроить, чтобы все было по-новому, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой, прекрасной. Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. Меньшее—более умеренное, более низменное—называется мятежем, бунтом, переворотом. Но это называется революцией». То-то-ж! Нужны были четыре года войны, понадобилась наша победа на всех фронтах, чтобы они поняли, что это называется революцией. Да, господа буржуа, это называется началом мировой революции, это называется началом великого переворота, у порога которого мы еще только стоим. Вы сейчас уже ослеплены величием этого зрелища, но то, что было до сих пор, это—слабое начало, намек на те события, которые увидят люди, что проживут еще десяток — два лет. (Аплодисменты.)

Профессор Устрялов, человек более тонкий, пытается объяснить, почему большевики одолели испытания последних лет. «Испытания последних лет,—говорит он,—с жестокой ясностью показали, что из всех политических групп, выдвинутых революцией, лишь большевизм, при всех пороках своего тяжелого и мрачного быта, смог стать действительным русским правительством, лишь он один, по слову К. Леонтьева, «подморозил» загнивавшие воды революционного разлива и подлинно

Над самой бездной,
на высоте уздой железной
Россию вздернул на дыбы...»

И он пытается далее объяснить, что иначе и не могло быть. Этот рафинированный, тонкий интеллигент, который прежде изображал нас бандой дикарей, изображал нас неграмотными, нашел теперь такие слова: «Подобно тому как современный француз на вопрос, чем велика Франция, вам непременно ответит: Декартом и Руссо, Вольтером и Гюго, Бодлэром и Бергсоном, Людовиком XIV, Наполеоном и великой революцией, — так и наши внуки на вопрос, чем велика Россия, — с гордостью скажут: Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью (зачем-то он здесь приплел религиозную мысль), Петром Великим и великой русской революцией»...

Вот признание врага. Чтобы вырвать это признание у наших противников, стоило, товарищи, поработать.

Вы знаете, что недавно наше правительство опубликовало заявление о своем согласии при известных условиях поставить на очередь вопрос об уплате долгов. Это заявление вызвало порядочное волнение за границей. Мы читаем по этому поводу следующее место в статье профессора Устрялова: «Красная армия

довлеет себе и не зависит от знатных иностранцев. Над Советской Россией не тяготеет рок «верности верным союзникам», и ее международная политика обладает счастливым свойством дерзновения и одновременно гибкости, совершенно непостижимым для групп, законом высшей мудрости для которых является бурцевская «Cause commune». Вот как оценивает очень дальновидный противник счастливое свойство дерзновения, с одной стороны, и очень большой гибкости—с другой. Я думаю, что заявление, сделанное нашим правительством по вопросу о долгах, есть как раз образец необычайного дерзновения мысли и гибкости, блестящего сочетания двух важных качеств. Будем надеяться, что нам не придется разориться на уплате долгов, которые не нами сделаны.

Как оценивают враги нашу хозяйственную политику? Профессор Устрялов пишет: «Мир с мировой буржуазией», «концессии иностранным капиталистам», «отказ от позиций «немедленного» коммунизма внутри страны — вот нынешние лозунги Ленина...» Он продолжает: «Ленин, конечно, остается самим собою, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собою, он вместе с тем, несомненно, «эволюционирует», т.-е., по тактическим соображениям, совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, враждебная большевизму». Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Пускай буржуазные профессора пока-что за границей утешаются тем, что всякая другая власть сделала бы те же шаги! С нас достаточно того, что и в данный момент наша политика верна, что тов. Ленин остается самим собою. Конечно, дело не в личностях, дело в нашей партии, в нашей политике. Мы делаем те уступки, которые вытекают из нынешнего положения революции, но мы остаемся самими собою и мы доведем страну до полной победы.

Другой профессор, Лукьянов (многие, вероятно, помнят какие ругательства раздавались некогда из его уст по нашему адресу), теперь говорит: «Пойти по этому пути могли лишь железные люди, твердо верящие не только в установление временной рабоче-крестьянской власти, но и в осуществление подлинного счастья всего человечества, по самой своей «профессии» революционеры, не боящиеся вызвать к жизни всепожирающий бунтарский дух, люди, для которых их цель—пересоздание всего человечества — действительно, а не на словах только, оправдывает все средства».

Вот как! Раньше мы были—жалкие трусы, наемники Вильгельма, дикие, темные люди, демагоги, а теперь профессор Лукьянов заявляет, что мы — железные люди, твердо верящие в осуществление подлинного счастья всего человечества, по самой своей профессии революционеры. Мы—революционеры по профессии—большей похвалы мы не могли бы дождаться от наших противников! Мы — люди, для которых «пересоздание всего чело-

вечества действительно, а не на словах только оправдывает все средства». Вот как представляется наша работа нашим противникам.

Я остановлюсь еще на одной статье петроградского присяжного поверенного Бобрищева-Пушкина, который когда-то защищал многих из нас, политических. Сам он был умеренным октябристом. Он написал статью «Новая вера». Статья эта начинается знаменательными словами: «Третьей революции не будет». Весной этого года все эс-эры кричали, что наступает третья революция. Бобрищев-Пушкин, умудренный опытом, говорит, что третьей революции не бывать. Мне довелось, товарищи, читать статьи Карабчевского и Бобрищева-Пушкина. Карабчевский два тома написал, но ничего не понял из того, что произошло. Он тратит десятки страниц на описание ужасов революции, которые произвели на него неотразимое впечатление. Особенно памятен для него тот исторический момент, когда разыгралась «мировая трагедия»: во двор к Карабчевскому пришла группа солдат и отняла его автомобиль, при чем и автомобиль-то был на парах — только что приехали из Марииского театра. Он вокруг таких фактов ходит и не может их переварить. Другой присяжный поверенный, Бобрищев-Пушкин, понял больше. Бобрищев-Пушкин был при Врангеле, когда поляки ударили на Советскую Россию. Он пришел тогда к Врангелю и сказал: теперь интересы России требуют, чтобы мы перешли на сторону красных, или, по крайней мере, не стреляли по красным войскам, пока поляки нападают на нашу родину. Врангель, который был в союзе с поляками, с польской буржуазией, разумеется, смерил с головы до ног такого чудака, и, очевидно, наговорил ему немало нелестных слов. После этого у него начали проявляться некоторые проблески ума. Он начал понемножку понимать, что Врангель продает Россию, а большевики защищают. Это было только год тому назад. С тех пор он эволюционирует довольно быстро. Он рассказывает такие белогвардейские секреты, которых мы до сих пор не знали. Описывая белый террор, который он видел собственными глазами, он говорит, что кошмары Парижской Коммуны, когда буржуазные дамы втыкали свои зонтики в раны коммунаров, — ничто в сравнении с тем, что делали белые. Он говорит, что нельзя себе представить при самой горячечной фантазии этих картин злобы и мести. Кроткими сестрами милосердия, в сравнении с белыми, казались бы дамы, некогда раскрывавшие свои кружевные зонтики в ранах повешенных коммунаров. Он рассказывает, что слышал рассказ трех офицеров, которые говорили, что в одном Новороссийске было расстреляно 11 тысяч красных, а в маленьком местечке около Новороссийска, которое называется «Белый Клин» — 7 тысяч человек.

Вот, товарищи, какие секреты мы узнаем теперь от тех господ, которые побывали при Врангеле!

В конце этого сборника напечатаны статьи других крупных интеллигентов, например, Чахотина, под заглавием «В Каноссу!». Чахотин от имени определенной группы раскаявшихся эмигрантов говорит: да, мы стоим перед Россией как кающиеся грешники, мы совершили ошибки, — пустите нас теперь назад, домой, на родину, на работу. Вот их клич.

Таков этот сборник. Не посетуйте, товарищи, на длинные цитаты. Мне кажется, что они довольно ярко рисуют пройденный нами путь. В 1917 году корифей русской социалистической интеллигенции, основоположник нашей партии, Плеханов, не понимал того, что происходит. Он думал, что дело ограничится капиталистическим переворотом, что, вместо помещиков, у власти будут лишь капиталисты. Теперь, к концу 1921 года, после четырех лет гражданской войны, после перенесенных нами тягот, у лучшей части буржуазии, которая способна думать не только о своих кровных интересах, но и задумываться над судьбами нашей родины, у них просыпается патриотизм. Быть патриотом при царизме считалось позором, это означало поддерживать разбой. Быть патриотом при советской власти означает защищать величайшие завоевания революции. Лучшая часть буржуазии приходит к нам окольными путями, приходит к нам через этот патриотизм. Их подкупает то, что, благодаря революции, благодаря тактике большевиков, благодаря нашим победам на фронтах гражданской войны, Россия стала великой державой. Один из них прямо пишет по адресу белогвардейцев: Что вы кричите об изменах, которые III Интернационал совершил! Разве плохо, что Кремль ведет за собою рабочих всего мира? Разве плохо, что Кремль может мириться с Турцией, которая считалась вековечным врагом России, и на началах, при которых выиграет наш народ, наша страна? — Они слишком упрощенно представляют себе наши отношения с Коминтерном. Они полагают, что наше правительство смотрит на Коммунистический Интернационал как на подсобное средство своей иностранной политики. Это не так. Они не могут понять того, что для нас Коммунистический Интернационал — величайшее орудие мировой пролетарской революции. Они приходят к признанию советской власти кружными путями, через свой патриотизм. Буржуазной интеллигенции, выступившей в «Смене вех», импонирует то, что теперь гордая Англия заговорила с Советской Россией, как равная с равной, то, что при всех тех тяготах и ужасах, которые мы пережили в эти четыре года, мы сумели из страны разоренной, трижды проданной и преданной ими же во время царской войны, сумели создать великую державу. Мне кажется, что это признание знаменательно.

Если хотите оглянуться на путь, пройденный нами в эти четыре года, сравните два тома Плеханова с этой книгой, выпу-

щенной группой профессоров, и вы поймете, за что боролась Советская Россия в течение четырех лет, за что погибло 11 тысяч под Новороссийском и 7 тысяч около Белого Клина, за что погибли десятки и сотни тысяч лучших людей на фронтах революции. Я думаю, что лучших признаний, чем те, которые мы получили из уст наших врагов, мы ждать не можем. Вот вкратце итог этого пути — от буржуазно-демократической революции к осуществлению пролетарской революции.

Враги потирают руки от удовольствия, уверяя, что мы идем назад к капитализму, ибо те или иные заводы у нас сдаются в аренду. Товарищи, ведь надо понять, что прежде чем сдать в аренду заводы, их надо было отнять у буржуазии. Надо было раздавить буржуазию, надо было, чтобы революция прошлась каленым железом по груди ее, надо было так ее изничтожить, вывернуть ей почти все суставы в смысле социальном, чтобы перевернулись мозги у Бобрищева-Пушкина, октябристского адвоката, который стал немного понимать революцию. Надо было проделать путь, который мы прошли, чтобы от миража, фантома, буржуазной демократии притти к реальной, живой пролетарской революции, революции, которая истекает кровью, падает, снова поднимается, еще раз падает и еще раз поднимается и все же идет вперед, которая на своем крестном пути наделала тьму ошибок — их не делает только тот, кто ничего не делает. Это не та революция, которая отделывается заменой помещиков буржуазией. Это революция, которая ставит у власти новый класс. Вот в чем суть. В России управляют не только новые люди, но новый класс — рабочий класс и значительная часть крестьянства. Вот в чем содержание этих четырех лет.

Товарищи, мне вспоминается невольно время перед Октябрьской революцией, путь, который мы прошли от Февраля до Октября. Вчера во всех районах рядом с коммунистами выступало не мало беспартийных товарищей рабочих, которые с любовью вспоминали дни накануне Октября, вспоминали о своем участии в Октябрьской революции. И как не вспоминать! Конечно, у всякого, на чью долю выпало величайшее счастье принимать участие в этих событиях, никакие прочие впечатления не смогут заглушить эти страницы жизни. Октябрьскую революцию в Петрограде и во всей России сделала, конечно, не одна наша партия — она одна не могла бы этого сделать — ее сделал под руководством коммунистической партии рабочий класс. Вспомните апрельскую демонстрацию, июльские дни, Корнилова, начало Октября, дни после Октября, нашествие немцев, первые шаги по созданию Красной армии... Первые наши красноармейцы едва умели держать винтовку в руках. Недавно умерший поэт Александр Блок, человек весьма талантливый, который иногда одну сторону революции понимал, в своей поэме «Двенадцать» рисует те дни. Эта поэма

считается революционной, — на мой взгляд, она является узким представлением о революции. Но кое-что он схватил верно. Он описывает первые дни образования Красной гвардии:

Как пошли наши ребята
в Красной гвардии служить —
в Красной гвардии служить —
буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
сладкое житье!
Рваное пальтишко,
австрийское ружье!

«Рваное пальтишко, австрийское ружье» — этот образ немного напоминает тогдашнего красногвардейца, тогдашнего рабочего, начавшего осуществлять мечты, накоплявшиеся у старшего поколения рабочих.

А вот следующие стихи хорошо передают запах тогдашних дней:

Не слышно шуму городского,
над невской башней тишина,
и больше нет городового. —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
и в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой,
поджавши хвост, паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
стоит за ним, поджавши хвост.

Сказано действительно недурно! В этих стихах мы чувствуем тогдашние дни. Старая буржуазия, с ее властью, с ее неограниченным владычеством, как пес безродный, действительно отошла от нашей жизни. Не бывает так, что после того как жернова истории проедутся по какому-нибудь классу, искалечат его, отнимут его основу, его собственность, не бывает так, чтоб он встал заново. Этого не будет. Лучшее, что есть у буржуазии, будет постепенно переходить к нам. Недаром Маркс это предвидел. Он говорил: по мере того как будет побеждать пролетарская революция, на сторону ее будут переходить лучшие люди буржуазии. Я напоминал вчера об этом нашим беспартийным студентам, с которыми мне пришлось иметь беседу. Лучшие люди буржуазии перейдут на нашу сторону. И сейчас можно назвать многие имена. Величайший ученый Тимирязев перешел на нашу сторону и, умирая, завещал своему сыну служить верно рабочему классу. Таких искренних, честных, высокоталантливых

людей как Тимирязев очень мало, конечно. Но жизнь учит всех. Сейчас и некоторые профессора уже предсказывают, что будет время, когда П. Н. Милюков обратится к советской власти и скажет: каюсь, грешен, разрешите вернуться на родину поработать. (Аплодисменты.) Рабочие не мстительны, они скажут: П. Н. Милюков, вернитесь и займите то или другое подобающее вам место — учителя географии или что-либо в этом роде. Конечно, возможно, что при возникновении новых больших трудностей эти люди вновь попытаются призвать против нас войска. В конечном счете, то, что у нас будут перебежчики из чужого лагеря, не больше как эпизод на нашем пути, — великая революция будет неизменно итти вперед.

Наша революция есть начало международной революции. События разыгрываются на международной арене медленнее, чем мы могли ожидать, — этого нельзя скрывать. Вначале мы были более наивны и верили, что движение, которое требует многих лет, разыграется в течение месяцев. Но основной курс взят правильно, это доказано, как то, что после лета наступает осень, после осени — зима. Основной путь, повторяю, намечен правильно. Сегодня надо ответить на этот вопрос — не на вопросы о частностях, о мелочах, потому что те или другие ошибки всегда были и будут, но на основной вопрос: был ли выбран правильный путь или мы потеряли компас?

Товарищи, не может быть большего удовлетворения для партии, для руководящих работников советского строя, чем это право сказать себе в глубине души, когда остаешься сам с собою, на вопрос о том, правильно ли мы вели Россию, сказать с гордо поднятой головой, что мы вели нашу страну по верному пути и доведем ее до победного конца. (Аплодисменты.)

Товарищи, Петроградский Совет нового состава получает тяжелое наследство: наше хозяйство разорено, рабочий класс в рубище, изодран в кровь всем тем, что нам пришлось пережить. Героическая эпоха уходит в прошлое. И хорошо, что уходит, — нельзя постоянно так жить. Хорошо, что советская власть вошла в плоть и кровь народа, что она становится буднями. Советская система стала обыденным явлением. Ведь когда вы пьете стакан воды, вы не воображаете себя героем, а делаете привычное дело. Так начинает входить в плоть и в кровь и советская власть. Молодое поколение, которое выросло и сложилось в годы Октябрьской революции, будет относиться к советской власти как к непреложному явлению. Героический период, повторяю, отходит в прошлое. Это не значит, что мы забудем его, нет, мы будем жить им до конца наших дней, он будет скрашивать нашу дальнейшую трудную будничную работу, как поэзия и музыка, но надо видеть, что наступает другая эпоха, довлеет дневи злоба его. Партия, авангард рабочего класса, четыре года

тому назад обращалась к рабочему с призывом: стань солдатом, стань красноармейцем, создавай Красную армию из ничего на пепелище старого строя, иначе страна погибнет. Сейчас партия и советская власть обращаются к рабочим массам с новым, более скромным призывом. Она говорит рабочему: стань хозяином, организатором хозяйства, поднимай свою промышленность, свой родной Петроград, сделай так, чтобы его заводы стали работать, выведи страну из тяжелого положения, в которое ввергли се годы царской и четыре года гражданской войны.

Седьмой Совет должен стать хозяином Питера. И в этом смысле он станет одним из лучших хозяев всей Советской России. Мы на верном пути, мы взяли правильное направление. Мы понесли много жертв, но сохранили основное: мы имеем ту базу, на которой можно строить дальше. И с лозунгом «Да здравствует международная пролетарская революция!» на устах мы будем продолжать борьбу. Мы добьемся того, что к пятой годовщине наш красный Питер, который четыре года разорялся, иногда с головокружительной быстротой катился в пропасть, что этот Питер, столица мировой революции, начнет подыматься, расти, возрождаться на новой, пролетарской, основе. (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

НАША ПАРТИЯ ЗА 4 ГОДА РЕВОЛЮЦИИ. [1]

Силы нашей партии в начале 1917 г. были количественно невелики. В конце апреля 1917 года, т.-е. через несколько недель после падения царизма, в Петрограде произошла первая Всероссийская конференция нашей партии. На этой конференции, согласно официальным данным, присутствовало с решающими голосами 133 делегата, которые представляли 76 597 организованных членов партии. Кроме того, на конференции присутствовало 18 делегатов с совещательными голосами от организаций, не насчитывавших 300 человек. Эти 18 делегатов представляли 2 627 членов партии. Таким образом, на конференции было представлено 79 174 человека: Петроград имел 4 597, Москва — 7 000. Московский округ — 4 500, Урал — 14 600, Донбасс — 5 433. Саратов — 1 600, Иваново-Вознесенск — 3 654, Сормово — 2 009, Самара — 2 800, Казань — 400 членов и т. п.

80 000 членов на всю необъятную Россию — вот с чем вступила наша партия в революцию 1917 года.

И тем не менее, была ли тогда наша партия массовой партией?

Несомненно, да! Массовая рабочая партия не всегда и не при всех обстоятельствах обязательно является партией многочисленной. Это лучше всего видно на примере нашей партии. Рабочая партия в России начала становиться массовой уже в 90-х годах прошедшего столетия. Большевистская партия, которая при ее зарождении в 1903 году многим казалась только сектой, к 1904 году и к началу 1905 года уже, несомненно, была массовой партией в подлинном смысле этого слова. Когда в 1905 году на 3-м съезде нашей партии был выдвинут лозунг «Всеобщая стачка в сочетании с вооруженным восстанием», это не было выдумкой теоретиков, а было выражением того факта, что наша партия тысячами нитей уже связалась с теми сотнями тысяч рабочих, которые вступали в стачки, и с теми сотнями

[1] Напечатано в «Правде», № 251. 6—7 ноября 1921.

и тысячами рабочих-передовиков, которые лелеяли мысль о восстании и подготовляли это восстание. Наша партия была массовой партией уже в 1905 году, когда она на деле вдохновляла работу Петроградского Совета рабочих депутатов, по крайней мере, во второй половине его развития. Наша партия, несомненно, вела за собой громадную рабочую массу во время декабрьского восстания в Москве в 1905 году, затем в борьбе против кадетов и против лозунга кадетского министерства в 1906 году.

С победой контр-революции наша партия была загнана в подполье и количественно сократилась до чрезвычайности. В 1908—1910 годах наша партия едва ли насчитывала многим больше какого-нибудь десятка тысяч членов. Но она тем не менее оставалась партией массовой, массовой партией в лучшем смысле этого слова. Она дышала одной грудью с рабочими массами, она преодолела те уклоны в большевизме, которые действительно толкали партию к отрыву от масс и которые угрожали превратить партию в секту.

В начале нового подъема, после Ленских дней, наша партия вновь ведет за собой широкие рабочие массы. Эпоха «Звезды» и «Правды», эпоха стачечного движения 1912—1913 гг., наша успешная борьба против меньшевиков — все это вновь и вновь доказывало, что партия остается массовой партией.

В начале империалистической войны в 1914 году, когда перед питерскими рабочими стал вопрос об участии в военно-промышленных комитетах, нашей партии удается еще вести за собой большинство рабочих. Но в начале революции 1917 г. мы большинства среди рабочих не имеем. Я помню чувство тяжелого удивления, когда после падения царизма мы вернулись из эмиграции и застали нашу партию в ничтожном меньшинстве в Петроградском Совете. Мы не сразу поняли, как это случилось, что наша партия, которая так долго имела на своей стороне большинство рабочих, или, по крайней мере, большинство рабочего авангарда, теперь оказалась в таком ничтожном меньшинстве. Причиной этому был тот необычайно тяжелый кризис, который пережило рабочее движение во всем мире, в том числе и в нашей стране. Социал-патриотическое поветрие не пощадило и русских рабочих.

Но затем, с какой быстротой отвоевали мы рабочих на свою сторону! И как прочно, в общем и целом, оказалось это завоевание!

В начале революции, через два месяца после падения царизма, мы имели всего 80 000 членов партии. Из них старых членов было, наверное, не больше 25 000. Остальные вступили в партию в первые две недели после падения царизма. Но корни нашей партии среди рабочей массы были очень глубоки. Большевистская

партия стала партией рабочего класса, по крайней мере уже с 1905 года. Благодаря этому и благодаря в общем правильной тактике нашей партии во время революции, РКП и смогла сделать то, что она сделала.

Непосредственно после Октябрьской революции партия почти целиком устремляется в Советы. В советский аппарат с головой уходит вся руководящая часть партии. То же в значительной мере относится и к местным организациям и рядовым членам партии. И немудрено. Основной задачей в то время является создание нового государственного аппарата на пепелище старого строя. В течение нескольких месяцев перед Октябрем в с я борьба сосредоточилась вокруг лозунга «Власть Советам!»

После Октября эта власть завоевана. Чтобы облечь в плоть и в кровь этот лозунг, чтобы претворить его в дело, чтобы создать систему советов по всей стране — партии п р и х о д и т с я почти целиком уйти именно в эту работу. Чисто-партийная работа на время как бы ослабевает.

Но уже в половине 1918 года впервые раздается лозунг «Назад в партию!» С одной стороны, основная задача создания целой системы советов во всероссийском масштабе вчерне выполнена. С другой стороны, и это главное, перед нами впервые более или менее ясно начинают обрисовываться те болячки советского аппарата, которых мы не изжили до сих пор: бюрократизм, волокита, отчуждение от масс, чиновничье чванство, «закомиссариванье» и т. п. Как нельзя более характерен этот тогдашний лозунг «назад в партию». Чем яснее обрисовывались указанные выше болезни и недостатки советов, тем яснее становилось для рабочих-передовиков: спасение только в партии. Исправить ошибки, наладить работу, перетряхнуть аппараты и людей, учесть богатый опыт, помочь рабочим учиться управлять государством может только партия. И с конца 1918 года удельный вес и влияние партии начинают увеличиваться. Направляющая, контролирующая и решающая роль партии все больше и больше становится чем то само собой разумеющимся и притом даже в глазах лучшей части беспартийных.

Начинается гражданская война. С каждым днем эта война разгорается все больше и больше. Мы приступаем к строительству Красной армии. Вопрос поставлен ясно: или мы успеем создать Красную армию, или революция погибла. Красную армию создала РКП — вот чего не поняли и долго еще не поймут наши буржуазные и «социалистические» противники. Роль нашей партии в деле создания Красной армии поистине изумительна. Когда наши противники пытались уяснить себе смысл того «чуда», которое в их глазах представляет собой дело создания Красной армии, они не замечали малого: того, что Красную армию создали несколько десятков тысяч, а позднее и пара сотен тысяч

лучших пролетариев нашей страны, объединенных в нашей коммунистической партии. Разве мыслимо было решить важнейшую проблему командного состава в Красной армии без партии? Роль коммунистического авангарда на решающих фронтах последний раз была достаточно красноречиво засвидетельствована весной 1921 года во время печальной памяти кронштадтских событий.

В 1919 году мы проводим почти по всей России партийную неделю. Случилось так, что она совпала с самым трудным временем для советской власти: Юденич, Деникин и Колчак были тогда в зените своих успехов. Но вот чего опять-таки долго еще не поймут все наши противники: именно в это тяжелое время наша партия, как великий магнит, притягивает к себе все, что есть лучшего в рабочем классе. Разумеется, далеко не все те члены партии, которых мы приняли в эту неделю, оказались ценным приобретением для партии. Но нет никакого сомнения, что из тех приблизительно 200 тысяч членов, которых партия получила тогда, большинство осталось и останется с нами и поможет партии решить те великие задачи, которые стоят перед нею.

Четвертая годовщина нашей революции совпадает с крайне своеобразным моментом в развитии нашей партии. Целых три месяца партия посвящает чистке своих рядов. Как только окончилась гражданская война, мысль о необходимости произвести генеральную чистку партии становилась все более популярной. За годы победоносной диктатуры к партии рабочего класса не могло не прилипнуть много чужеродных и просто карьеристских элементов. Как только позволила внешняя обстановка, партия без промедления приступает к работе по очистке. Нет никакого сомнения в том, что в процессе чистки мы совершили там и сям ряд грубых ошибок и несправедливостей по отношению к отдельным товарищам. Но в общем и целом эта мера будет иметь благодетельные последствия. Партия станет более однородной и в смысле ее социального состава и в смысле идейной спайки.

Такая механическая мера, как чистка, разумеется, не может р а д и к а л ь н о излечить партию от всех болезней, которые свойственны ей в настоящий переходный период, но польза тем не менее будет громадная. Одно из своеобразных явлений нашего партийного и общественного развития — через чистку партии дело сближения коммунистов с беспартийной рабочей массой шагнуло вперед в громадной степени. Мы видели это наглядно на этих днях во время петроградских перевыборов. Ни разу на многочисленных массовых собраниях никто не повторил старой, хорошо знакомой фразы: «у вас, у коммунистов, много примазавшихся, много шкурников и т. п.». Этот довод мы отняли даже у малодобросовестных противников. Престиж партии поднялся в необычайной степени.

К 4-й годовщине нашей революции в нашей партии останется приблизительно около полумиллиона членов. Цифра не велика. Если бы партия гналась за большими числами, ей не так трудно было бы увеличить эту цифру в несколько раз. Но мы этого не делали. И в этом наша сила.

Пишущий эти строки совсем не из тех, кто хотел бы по случаю 4-й годовщины накормить партию казенными фразами о том, что все обстоит благополучно. Мы вполне отдаем себе отчет во всех трудностях и болезнях, с которыми нашей партии придется считаться еще долго.

Партия наша теперь уже не так однородна, и социальный состав ее начинает меняться. Промышленные рабочие составляют меньшинство в нашей партии, в целом ряде даже крупнейших наших местных организаций. Внимательнейшим образом мы обязаны следить за этими переменами и ясно отдавать себе отчет в тех опасностях, которые связаны с возможным перерождением социального состава партии. Цифровые данные в этой области часто наводят на серьезные размышления.

Партия наша является единственной партией на легальной арене. Это дает ей, разумеется, громадное преимущество. Она победила все другие партии, боровшиеся против нее. И пусть не говорят нам, что мы победили меньшевиков и эс-эров путем одних репрессий. Это не так. Наша партия сама долгие годы подвергалась ужаснейшим репрессиям, но эти репрессии не смогли уничтожить нашу партию. Если эс-эры и меньшевики в основном побеждены Российской коммунистической партией, то это объясняется тем, что не они, а мы в ходе всей революции правильно выразили и защитили интересы рабочего класса и значительной части крестьянства. Когда горящая головешка близка к тому, чтобы сама собой погаснуть, тогда, конечно, наступившим несколько раз на эту головешку сапогом потухание можно ускорить. Так и с нашими репрессиями по отношению к враждебным нам партиям. Репрессии потому в общем достигли цели и ускорили банкротство наших противников, что эти противники и без того были близки к политическому угасанию.

Наша партия — уже несколько лет единственная легальная партия в стране. Это дает ей большие преимущества. Но это же явление связано с серьезнейшими опасностями. Мы уже не говорим о том, что в партию иногда сознательно проникают ее противники для того, чтобы разлагать партию изнутри. Это явление, вероятно, не массовое, и с ним сравнительно легко бороться. Но при наличии единственной легальной партии в стране вполне естественно, что в ее среду проникают такие элементы, которые при других обстоятельствах находились бы, быть может, в рядах меньшевиков, анархистов, эс-эров и т. п. И эти мелкобуржуазные элементы приносят в партию антипролетарское

настроение. При нынешнем положении вещей, почти каждый, или, во всяком случае, очень многие из тех, которые хотят принять какое бы то ни было участие в политической жизни страны (а часто даже только в хозяйственной жизни), вынуждены так или иначе искать приют в рядах нашей партии. А эти элементы не всегда являются коммунистическими. Экономические трудности, с которыми приходится и долго еще придется считаться Советской России, ставят нас перед той опасностью, что отдельные группы членов партии, быть может, заразятся буржуазными настроениями. Вся острота внутрипартийной дискуссии последнего года, в том числе и спора вокруг так называемой «рабочей оппозиции», в последнем счете объясняется именно вышеуказанными обстоятельствами.

В течение последнего года, 4-го года пролетарской революции, партия наша в области хозяйственной политики совершила крайне крутой поворот. Еще не вся партия и до сих пор переварила эту перемену в политике. Но уже совершенно ясно, что все надежды наших врагов на то, что при этом крутом повороте наша партия расколется, явно не оправдались. Партия не раскололась и не расколется по той простой, но вполне достаточной причине, что другого пути в области хозяйственной политики, кроме того, который наша партия теперь окончательно избрала, при данных обстоятельствах быть не может. Недовольные элементы партии, которые вначале с большим недоверием и раздражением относились к намечающемуся повороту, все больше и больше убеждаются в этом. Нужно только, чтобы наша партия, как всегда, безбоязненно смотрела правде в лицо, чтобы она ясно видела те внутренние опасности, которые нас подстерегают, чтобы она не делала себе иллюзий и насчет положения дел внутри партии. Нужно продолжать итти по единственно правильному и неизбежному в эпоху диктатуры пути—сохранения легальности только за одной нашей партией, и вместе с тем нужно ясно сознавать все отрицательные и опасные стороны, с этим связанные...

Последнее по счету, но не по важности: наша партия в течение 4-х лет революции не безуспешно поработала над тем, чтобы помочь передовым рабочим всего мира объединиться в международную организацию — в Коммунистический Интернационал. Наша партия занимает теперь—мы говорим это с величайшей гордостью — не последнее место в Коминтерне.

Всю эту работу выполнила та партия, которая еще в апреле 1917 года имела всего 80 тысяч членов. Правда, это не так мало...

«Стань зачинщиком и организатором против буржуазии» — таков был лозунг партии в 1917 г.

«Стань организатором советской власти»—таков был лозунг нашей партии в 1917—18 гг.

«Стань солдатом, стань хорошим красноармейцем»—таков был лозунг нашей партии в 1918, 1919 и 1920 гг.

«Стань хозяином, стань организатором производства»—таков лозунг партии сейчас.

К 5-й годовщине нашей революции мы и в этой, наиболее трудной, области наверняка сможем похвастаться уже первыми результатами.

Нет звания выше, чем звание члена коммунистической партии. Нет и не может быть для нас ничего дороже, как наша партия—эта несравненная организация, которая уже во многом облегчила борьбу рабочего класса за его полное освобождение и которая поможет ему довести эту борьбу до победоносного конца.

---

*

1922

ПРИВЕТ БОРЦАМ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ! [1]

Товарищи, мы охотно длили бы часы встречи с нашими лучшими друзьями и братьями, но мы все-таки должны кончить, потому что мы взяли на себя обязательство перед Московским Советом доставить Конгресс не позднее завтрашнего дня, в 9 часов, в Москву. Я ограничусь, поэтому, сейчас только немногими словами.

Товарищи, мы не должны обманываться, мы должны твердо и ясно знать, почему нам выпало на долю такое высокое счастье, которое мы пережили в последние два дня, — почему IV Конгресс Коминтерна в день пятой годовщины открылся именно в нашем городе. Это была дань уважения всем нашим товарищам и братьям, которые погибли в борьбе за советскую власть, выступив первыми пять лет тому назад. Это была дань уважения, отданная передовыми пролетариями всего мира, тем незабвенным героям и борцам, которые первыми подняли знамя восстания в Петрограде и распространили потом это восстание на всю нашу страну.

Товарищи, я вспоминаю первую годовщину, в 1918 году. С глазами, полными слез, мы оглядывались друг на друга, удивляясь тому, что мы еще живы, что наша власть держится, что нас не победило бесконечное число врагов.

Мы видели сегодня парад войск красного Петрограда. Он был прекрасен, как прекрасны все наши празднества в эти дни. Невольно мы вспоминали, как выглядели наши красные части несколько лет тому назад, когда они были полуразуты, полураздеты, полуголодны, когда вся страна изнемогала от нужды, нищеты. Россия начинает выходить из нищеты. Мы еще бедны, но близко время, когда улучшение мы будем чувствовать на каждом шагу и в каждой отрасли нашего хозяйства. И чем выше

---

[1] Речь на торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов и IV конгресса Коминтерна 6 ноября 1922 года.

будут наши достижения, с тем более глубоким чувством мы будем вспоминать о тех, кто прокладывал нам дорогу к победе. Мы не забудем этих годов, которые вырвали из нашей среды десятки тысяч лучших рабочих Петрограда и всей страны. Мы не забудем тяжелых месяцев и лет, когда питерский пролетариат яростно отбивался от врагов, подходивших почти к Путиловскому заводу, когда все живые и наличные силы рабочего класса уходили на фронт, а семьи рабочих оставались голодными, а мать рабочей семьи билась над тем, чтобы как-либо накормить своих детей. Настанет время, товарищи, когда, вспоминая об этих годах, будут призывать будущие поколения: встаньте, мы говорим о питерских рабочих; встаньте, мы говорим о страданиях, которые пережил питерский пролетариат, защищая первый город пролетарской революции.

Будем достойны того времени, которое мы переживали, будем достойны тех великих событий, которые будут еще разыгрываться на наших глазах! Мы готовы пожертвовать всем, что есть у нас лучшего, для полной победы нашего класса, для полной победы мировой революции! (Аплодисменты.)

Власть Советам, — эти простые слова вырвались из груди миллиона людей пять лет тому назад. За эти пять лет пролито море рабочей крови. За эти пять лет мы пережили столько страданий, сколько их не знало человечество в течение целых поколений. Власть Советам! Да разве теперь этот лозунг звучит менее притягательно, менее призывно, чем пять лет тому назад? Нисколько! Власть Советам — эти слова и сейчас являются маяком для рабочих всего мира. Мы видели сегодня лучших вождей ряда рабочих партий мира, товарищей, которые пережили тюрьмы и страдания и не раз смотрели смерти в лицо. Они, эти люди, знают, что пережили мы за пять лет. Они знают, что не розами был устлан путь Советской Республики. И все же они убеждены, как и мы, что нет другой дороги для рабочего класса, нет другого пути для спасения всего человечества от гибели, которую готовят ему капиталисты, помимо того пути, который избрали мы. Тысячу раз прав товарищ из Индии, который говорил о том, что если мы не победим в ближайшие годы буржуазию, то новая всесветная мировая бойня неизбежна. Но мы уверены, что эти пять лет прошли не напрасно, что Коммунистический Интернационал работал недаром. Мы уверены, что мировой рабочий класс не позволит буржуазии устроить новую бойню и что в тот момент, когда она готова будет бросить искру в пороховой погреб, чтобы вызвать новую невиданную войну, в этот момент Коммунистический Интернационал, при поддержке нашей страны, сможет вывести на арену борьбы такие могучие армии, которые положат конец царству капитала. (Бурные аплодисменты.)

Октябрьская революция бессмертна. Что бы ни случилось с каждым из нас, мы знаем, что дело Октябрьской революции бессмертно и нетленно.

Да здравствует Великая Октябрьская Революция! Да здравствует победа рабочих и крестьян!

(Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

БЕССМЕРТНОЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. [1]

В журнале «La Commune», одном из важнейших журналов времен Парижской Коммуны, по поводу восстания парижских коммунаров говорилось, что «в коммуне дело идет не о «республике», но о «революции». Это сказано необычайно метко. Эти слова тем более замечательны, что писались они 31 марта 1871 года, т.-е. всего через две недели после начала восстания. Да, это была не «республика», но—революция! Т.-е. это был не буржуазно-республиканский переворот, но — начало пролетарской революции. Это было движение, которое по своей глубине и историческому смыслу впервые поистине заслужило высокое название: революция.

Если это верно относительно Парижской Коммуны, то вельми паче верно это в приложении к нашей Великой революции в России. Подводя итоги первому пятилетию советской власти, мы с гордостью повторяем в применении к нашей революции слова парижского журнала: и у нас в России дело идет не о «республике, но о «революции».

«Традиция была разрушена. Нечто неожиданное совершилось в мире. В правительстве не было ни одного члена управляющих классов». Так характеризует Парижскую Коммуну Артур Арну.

А П. Л. Лавров в его известной книге «Парижская Коммуна» пишет:

«Революция 1871 года в первый раз в истории решилась с самого начала поставить в своей главе «неизвестных людей» из народа. Парижская Коммуна 1871 года была первою организацией общества, во главе которой стояли Франкели, Варлены, Тэйсы, Пэнди и другие работники физического труда, и при всех ошибках, при всех несовершенствах управления Коммуны, они доказали, что рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чем работники интеллигенции, считавшие до сих пор администрацию своею специальностью...

[1] Напечатано в «Правде» № 252, 7 ноября 1922 г.

Сравнительно с декретами, вышедшими из парламентов и министерств, наполненных тщательно выращенными, выхоленными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли может заслужить какое-либо порицание: переплетчики, слесаря, золотых дел мастера оказались настолько же годными для этого дела, как и воспитанники различных лицеев и специальных школ, выросшие в среде дельцов и политиков. Парижская Коммуна, в свое короткое существование, окончательно уничтожила иллюзию, что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в управлении общественными делами... Великие дни марта 1871 года были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была первая революция пролетариата».

В приведенных словах Арну и П. Л. Лаврова характеризуется то, что было бессмертно в Парижской Коммуне.

Но со сколь большим правом могла бы повторить о себе эти слова наша великая пролетарская революция в России! Разница между Парижской Коммуной и советской властью в России — это разница между дитятей и вполне возмужавшим человеком. Парижская Коммуна просуществовала 72 дня и была потоплена в крови лучших ее сынов. Победоносная революция в России празднует свое первое пятилетие в обстановке, дающей полную гарантию в том, что самые трудные времена остаются позади и что окончательная победа рабочего класса, безусловно, обеспечена.

В Великой русской революции есть не мало и преходящего, случайного, тяжелого. Так, великая река, катя свои волны, выносит к берегам и щепку, и грязный ил, и разложившийся труп. Но в русской пролетарской революции есть и нечто такое, что бесспорно является вечным и бессмертным.

Что же это такое?

Бессмертно в нашей революции прежде всего то, что она переродила народные массы. Наша революция велика прежде всего тем, что она сокрушила вдребезги фетишизм буржуазного государства. Буйные ветры революции развеяли без остатка всю мистику, окружавшую в глазах народных «низов» тайну государственной власти. Трудящиеся массы России воочию увидели, как «делается» государство, как создается правительство. И какие бы тяжелые переживания ни выпадали за эти пять лет на долю наших трудовых масс, одно чувство неизменно оставалось у них живым: массы чувствовали себя творцами своей новой власти, субъектами государственности, а не только ее объектами.

В течение пяти уже лет «неизвестные люди» управляют одной шестой частью земного шара, называемой Россией. «Сле-

саря и переплетчики» держат власть в своих руках на фабриках и заводах, в шахтах и на железных дорогах, в волостях и уездах, в губерниях, из которых иные по территории равны целому государству, и во всей России.

Сколько было зубоскальства по поводу известной фразы тов. Ленина о том, что пролетарская революция научит каждую кухарку управлять государством. Посмотрите вокруг себя, Фомы-неверующие! Разве не оправдалось это предсказание? Разве не «работники физического труда», говоря словами Лаврова, управляют нашим государством теперь? Из кого же состоят наши Советы, как не из людей физического труда?

— Но в России нет Советов, — кричат на всех перекрестках меньшевики и другие сторонники буржуазии. — Ваши Советы только фикция...

Нет Советов? Это они говорят потому, что наши Советы не похожи на буржуазный парламент, а буржуазный парламент это их идеал, его же не прейдеши.

Нет Советов? — это говорят нам к пятому году Советской власти, когда Советы на деле уже стали бытом, когда они вошли в плоть и кровь народа.

Нет Советов! Пусть бы эти господа посмотрели хотя бы на последние выборы Петроградского Совета, когда в великом возрождающемся пролетарском городе не осталось ни одного рабочего и работницы, ни одного труженика, ни одной кухарки, ни одного рабочего подростка, которые так или иначе не принимали бы участия в выборах своего Совета.

Бессмертие в русской революции заключается в том, что народные массы, миллионы и десятки миллионов тружеников из объектов государства превратились в творцов его. Именно этот факт создал новую Россию, пробудил неиссякаемые источники человеческой энергии, создал новое поколение подрастающей молодежи, пробудил у наших пролетариев такую смелость и отвагу, какой еще не знал мир. Троны царей сокрушались не раз и в предыдущих революциях; трон буржуазии «всерьез и надолго» впервые сокрушен у нас в России. Впервые в истории человечества в течение пяти лет на страх врагам стоит, живет и развивается не «республика» (в буржуазном смысле этого слова), но революция — великая пролетарская революция...

Во многих странах передового рабочего движения Европы и Америки рабочие грамотнее, культурнее, чем наши русские рабочие. Но наши русские пролетарии к шестому году советской власти имеют одно преимущество перед своими собратьями, рабочими всего остального мира. Это преимущество заключается в том, что наши рабочие имеют за собой практический опыт первой пролетарской революции. Они не только видели,

«как это делается», они сами это сделали. В этом смысле они выросли по сравнению со всеми остальными рабочими мира на целую голову. Во взгляде глаз самой отсталой русской ткачихи или чернорабочего, самого хрупкого рабочего подростка, еще не вышедшего из стен фабзавуча, вы легко различите, если вы только умеете видеть, особую искорку, какой еще нет и не может быть у пролетариев тех стран, которые еще не сделали своей пролетарской революции. Это «нечто», эта искорка рождена победой пролетарской революции. Это «нечто» выражает собою весь реализм великих годов революции и вместе с тем весь героизм гигантских переживаний этих крестных годов. Они все видели, они все испытали и они победили буржуазию — эти многострадальные русские рабочие и работницы. В этом смысле наши русские рабочие более взрослые, чем рабочие всего буржуазного мира, — что не помешает через некоторое время рабочим более передовых стран, победив свою буржуазию, во многом опередить пролетариат России.

В этом бессмертное в русской революции. Не видеть этого могут только люди, у которых, вместо сердца, заводная машинка.

В конце-концов, этот практический опыт и сделал русский пролетариат авангардом международного движения. Это и дало силу русским рабочим в течение нескольких лет быть руководителями всего Коммунистического Интернационала.

Кто у кого находится на службе: Советская Россия у мировой революции, или мировая революция у Советской России? Советская власть у Коминтерна или Коминтерн у Советской власти? Этим вопросом не перестают интересоваться наши недруги, иные из которых «разрабатывают» эту тему из более или менее сикофантских побуждений, а другие из простого тупоумия. Мудрецы! Что «служит» чему: фундамент дома его крыше или крыша его фундаменту? Подумайте над этой шарадой.

Малый, но по своему великий практический опыт Парижской Коммуны обессмертил восстание парижских коммунаров тем, что впервые показал пример трудящимся всего мира, как свергать буржуазию. Гигантский пятилетний опыт большевистской революции обессмертил восстание русских рабочих в несравненно большей мере. Русская пролетарская революция — что бы там ни говорили скептики и маловеры — живет в сердцах рабочих всего мира, являясь им примером, зовя их к подвигам, служа им надеждой и путеводной звездой.

Чтобы сказать совсем коротко: бессмертное в русской революции состоит в том, что она — начало мировой революции.

1923

РОССИЙСКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ.[1]

Товарищи, мы собрались накануне шестой годовщины Октябрьской революции. Я совершенно уверен, что недалеко то время, когда летосчисление поведется именно с Октября 1917 г. (аплодисменты), и когда лишь для преемственности мы будем в скобках ставить нынешнее летосчисление, ведущееся от Р. Х. Неизбежно так будет, потому что события Октября 1917 года имели совершенно ярко выраженный международный характер и явились началом целой полосы в истории человечества.

Мы отмечаем шестой год существования Советской власти. Каждый год нашего существования является новой исторической зарубкой на том пути, который выбрал рабочий класс нашей страны. Главное содержание истекающего революционного года, на мой взгляд, заключается в том, что он с наибольшей ясностью выявил многие важнейшие международные проблемы. Нынешний год вместе с тем был годом кропотливой повседневной и, в общем, довольно успешной работы на фронтах внутреннего строительства.

За этот год произошли два события решающей важности. Первое событие, это — ультиматум английского правительства нам весною этого года. Тогда буржуазный мир вновь замахнулся на нас. А второе событие несравненно большей исторической важности, это — разыгрывающиеся на наших глазах революционные события в Германии, являющиеся первым актом германской пролетарской революции. Еще год тому назад все мы предполагали, что международное революционное развитие замедляется. Важнейшие партии Коминтерна, наша собственная партия, Исполком Коминтерна — все мы исходили из того, что создавшееся равновесие или полуравновесие в Европе продержится пяток, а то, может быть, и десяток лет. Мы считали, что буржуазия настолько уже укрепилась после Версальского мира, что ей удастся, может быть, на целый десяток лет, по крайней мере, задержать бурный ход развития пролетарской революции в решаю-

[1] Речь на торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября 1923 г.

щих странах Европы. Мы не всегда называли вслух эту цифру, ибо, окруженные врагами со всех сторон, мы вовсе не обязаны были говорить противнику, что мы рассчитываем на 5 — 10 лет сравнительного затишья в международной революционной борьбе. Мы исходили молчаливо, примерно, из такой перспективы, и на основании этого создавали план собственного строительства внутри нашей страны.

Истекающий революционный год показал, что мы брали прицел слишком далекий, когда рассчитывали на десяток или пяток лет сравнительного затишья на арене революционной международной борьбы. Противоречия, разъедающие капиталистический мир, оказались гораздо глубже, чем мы думали. Вторая половина 23-го года была увертюрой начинающейся пролетарской революции в Германии, и не только в Германии.

Посмотрите на события хотя бы самых последних недель: в совершенно различных углах Европы мы видим яркие вспышки революционной борьбы. Возьмите, хотя бы, Болгарию — народ, наиболее близкий нам по духу, по своей социальной структуре, говорящий на языке, родственном нашему. Мы имеем теперь уже совершенно точные сведения относительно тех событий, которые там разыгрались в середине этого месяца. В Болгарии произошло настоящее народное восстание, в котором участвовало поголовно почти все крестьянство страны. Крестьянские подростки, крестьянские женщины выказывали изумительные образцы героизма и энтузиазма в этой борьбе. Рабочие важнейших городов возглавляли движение. Повстанцы захватили ряд городов и держались в них несколько дней. Захваченные в плен повстанцы держались с таким же героизмом, с каким в свое время умирали парижские коммунары или германские спартаковцы. Отдельные из примкнувших к ним борцов из других слоев населения также показали изумительные образцы мужества. Из рассказа тов. Коларова мы знаем, например, что в некоторых наиболее боевых местах к восставшим поголовно крестьянам примыкала даже часть духовенства. Он сам видел, как некоторые из примкнувших к народу представителей духовенства умирали с величайшим героизмом вместе с восставшими крестьянами и рабочими. Победившие белогвардейцы вывешивали трупы этих священников на несколько дней, чтобы запугать потерпевшее поражение крестьянство.

Народное восстание в Болгарии было разбито не без участия контр-революционных сил нашей страны. Врангелевцы, которые имеют пару десятков тысяч превосходно организованных офицеров в Болгарии, сыграли решающую роль в подавлении этого восстания; они были превосходно организованы, они взяли на себя всю службу по шпионажу и выступили в качестве ударных отрядов буржуазии.

Мы знаем еще об одном факте, в высшей степени знаменательном. Он мало замечен и даже, кажется, вовсе не отмечен нашей печатью. Болгария имеет сейчас очень небольшую армию, примерно, в 25 000 человек. Антанта, на основании Версальского мира, предписала ей, равно как и германской буржуазии, разоружение, — она не хотела оставить у противника сколько-нибудь большую вооруженную силу. Этих 25 000 человек было мало даже вместе с врангелевцами для того, чтобы победить начавшееся народное восстание, и вот, в решительную минуту, французский, английский и итальянский послы в Софии разрешили болгарскому белогвардейскому правительству произвести в экстраординарном порядке специальную мобилизацию в нарушение всех пунктов прежнего договора. Эта мобилизация, разумеется, была проведена в таком порядке, чтобы дать правительству Цанкова в руки надежных солдат; это была не поголовная мобилизация, которую мы могли бы только приветствовать, ибо она дала бы винтовки в руки крестьян и рабочих, это была классовая мобилизация буржуазии. Этот факт, несомненно, указывает на то, что, когда гражданская война в какой-либо стране входит в решающую фазу, тогда международная буржуазия очень легко ломает свои собственные прежние договоры и развязывает руки правящему классу той страны, которая должна выступить против своего революционного пролетариата. И несомненно, что в решающую минуту мы можем увидеть нечто подобное и в Германии.

Три тысячи рабочих, убитых и раненых, — в результате болгарского восстания и, тем не менее, никакого упадка в стране нет: крестьяне еще более затаили злобу против нынешнего правительства Цанкова, рабочие преисполнились еще бо̀льшим презрением к меньшевикам, которые в Болгарии играют позорнейшую роль, участвуя в правительстве Цанкова и выполняя наиболее грязные, палаческие функции против рабочих.

Основная беда болгарских рабочих и крестьян заключалась в отсутствии оружия. Голыми руками им приходилось захватывать первые пулеметы. Уже имея некоторые пулеметы, они стали захватывать артиллерию.

Взрослые крестьяне плакали, как дети, от бессильной злобы по поводу того, что в решительный момент они оказались безоружными и не могли нанести сокрушающий удар врагу.

Болгарская коммунистическая партия существует легально около 30 лет; она имеет за собой долгие традиции мирной культурнической пропаганды,—ей было в высшей степени трудно перейти от этой пропаганды, от этой традиции культурничества непосредственно в боевой период. «Мы никогда не дрались, — говорит болгарский товарищ, — нам случалось подраться, и то только с палками в руках во время выборов». Это не есть достаточный боевой опыт. Болгарская партия, возглавляющая не

только рабочих, но и громадное большинство крестьян данной страны, сейчас получила первое боевое крещение. Это, несомненно, одно из таких поражений, которые предшествуют окончательной победе.

Возьмите другой угол Европы—Польшу. Кто из вас, товарищи, всего две-три недели тому назад мог представить себе, что условия для могучего рабочего движения так быстро созреют в Польше? Мне довелось совсем недавно посетить нелегальный съезд польской коммунистической партии, на котором было превосходное представительство лучших революционных рабочих Польши. Они твердо верят в то, что Польша не сможет стать палачом германской революции. Но никто даже из них не представлял себе, что через пару-другую недель в Польше, несмотря на измену социал-предателей, грянет всеобщая забастовка. Не надо строить себе иллюзий. Движение в Польше в основе своей носит еще экономический характер. Но, товарищи, дело в том, что при настоящем положении в Европе, и в частности в Польше, всякое сколько-нибудь заметное экономическое движение там, охватывающее весь рабочий класс, сразу же получает политическую окраску. И понятно, что в Польше, современной Польше, где не перестают раздаваться воинственные речи военных и проч. министров, направленные против нас и германской революции, всеобщая забастовка железнодорожников и целого ряда других категорий труда, несомненно, является политическим событием, которое, как молния, озаряет положение и показывает, насколько подгнил буржуазный строй в этой стране.

Но, само собой разумеется, товарищи, что в центре международной политики сейчас стоит Германия. Когда в августе этого года в Германии грянула политическая забастовка, руководимая коммунистической партией, для многих это событие прозвучало громом с ясного неба. Никто не представлял себе, что там дело зашло так далеко. С этого момента движение распространяется все более и более вглубь и вширь.

Последнее время мы наблюдали отдельные эпизоды гражданской войны германских рабочих, которые иных приводят к пессимизму, другими же трактуются как решающие события. Я решительно предостерегаю товарищей как от излишнего оптимизма, так еще больше — от скороспелого пессимизма. Часто слышишь от товарищей: 1-го октября вы нам говорили, что в Германии революция. Нынче уже 6-ое ноября — где же ваша революция? Даже в нашей прессе встречаешь этакое полупокровительственное отношение к немецкому рабочему: дескать, не умеешь ты как следует революции сделать. Я думаю, товарищи, что нет ничего более легкомысленного, чем такое отношение к германским рабочим.

Не надо забывать разницы в положении, которое было у нас в октябре 1917 года и которое сложилось сейчас в Гер-

мании. В октябре 1917 года наши меньшевики и эс-эры пытались во что бы то ни стало продолжать царскую войну до победного конца. Вы помните, что они призывали к новому наступлению, проводили новую мобилизацию и на этой политике сломали себе шею. Германская буржуазия научилась на этом опыте. Она с первого же момента ноябрьской революции 1918 года пошла на все уступки французским капиталистам, лишь бы прекратить войну. В октябре 1917 года 10 миллионов вооруженных крестьян, которые не хотели войны, чутко прислушивались к нашему голосу, всецело шли за нами. Мы имели готовую армию с огромным количеством артиллерии и пулеметов, которые нам и пригодились в гражданской войне. Шесть лет тому назад, когда в Питере наметился первый удар правительству Керенского, у нас был такой избыток технического вооружения, что мы и сотой доли его не ввели в дело против противника. В Германии положение совершенно иное. Старой армии, созданной на основе всеобщей воинской повинности, там нет; в Германии осталась классовая буржуазная армия, рейхсвер, подобранный человек к человеку, преимущественно из белых офицеров. Количество легального рейхсвера равняется 100 тысячам человек, нелегального — 150 тысячам. Четверть миллиона солдат, которые имеют превосходную внутреннюю организацию! Они базируются на широкой густой сети железных дорог, они имеют превосходный генералитет, разрабатывающий до последней точки все военные планы. Помимо того, Германия имеет в резерве согласие Антанты на новую мобилизацию, когда наступит самый решающий момент. Вот почему, товарищи, надо понимать, что германские товарищи стоят перед гораздо более трудной задачей, чем та, которая была у нас в октябре 1917 года. Для нас захват власти при такой обстановке был делом сравнительно легким, между тем как для немецких товарищей он является задачей колоссальной трудности.

Не надо забывать, что в Германии в течение 40 — 50 лет существует мощная социал-демократия, насчитывавшая до двух миллионов членов, огромное количество чиновничьих профсоюзов. Долгое время германская социал-демократия была осью, вокруг которой вертелась вся политическая жизнь Германии. Германская социал-демократия все силы, которыми она располагала, все свои организационные навыки и традиции, все, что она имела, положила на чашу весов контр-революции. Не забудьте, что буржуазная революция в Германии, низвержение Вильгельма в 1918 году произошли вопреки и против воли германской социал-демократии. Германские с.-д. были даже против буржуазной революции, даже против низвержения Вильгельма. Конечно, если отнестись к ходу событий у нас в России строго объективно, мы имеем тоже полное право сказать, что наши меньшевики всей своей политикой работали против буржуазной рево-

люции, не только против Октября, но и против Февраля. Однако, в момент февральской революции меньшевики на миг вошли в ряды участвовавших в низвержении царизма, в Германии же — наоборот. Германские социал-демократы были той партией, которая последней примкнула к революционному перевороту. Вильгельма низвергали не столько рабочие, сколько солдаты, изверившиеся и отчаявшиеся в результате тяжелых военных поражений на фронте. Германские с.-д. до последнего момента жестоко сопротивлялись перевороту, превосходно понимая, что когда упадет первая глыба, когда будет низвергнут Вильгельм, то назавтра же станет на очередь вопрос о пролетарской революции. Если вы вспомните, что германские с.-д. были в свое время даже против буржуазной революции, то вы легко поймете, что они тем более решительно выступают сейчас против пролетарской революции. Они всю силу своего влияния употребляют для борьбы против рабочих. Германская с.-д. далеко не так сильна, как раньше, в 1918 — 19 гг., даже в 1921 — 22 гг. Она растаяла, она потеряла $^2/_3$ своих членов. Профсоюзы вырываются из-под ее влияния, цвет рабочих покидает ряды с.-д., отряхает меньшевистскую пыль с ног своих, в ее среде остаются только пожилые рабочие. Но германская с.-д. все-таки еще представляет значительную силу, поскольку она находится в блоке, в тесном союзе с буржуазией, с господствующим классом, держащим в своих руках весь мощный аппарат управления. И сейчас она еще представляет большое препятствие на пути революции.

Посмотрите на опыт Саксонии. Этот опыт был не вполне удачным для коммунистической партии Германии. Он был задуман как военный стратегический маневр. Мы представляли себе дело так, что, захватив вместе с левыми с.-д. власть в свои руки в Саксонии, вооружив до 60 000 рабочих, мы двинемся в соответствующий момент дальше. Мы представляли себе, что Саксония сыграет, примерно, ту роль, какую в 1917 году сыграл в нашей стране Кронштадт, когда он представлял собою громадную вооруженную силу, державшую аппарат власти в своих руках. Керенский назначил туда своего комиссара,— не припомню сейчас почтенной фамилии, кажется, Пепеляев, — который приезжал в Кронштадт и потрясал там бумажками от имени Керенского. Комиссар, посланный Керенским, стал смешным персонажем. Он ни на кого не опирался. А Кронштадтский Совет выжидал, пока он сможет примкнуть к общероссийскому движению, возглавляемому Петроградом.

Нечто подобное, казалось нам, возможно в Саксонии. Эберт назначил туда комиссаром генерала Мюллера. Мы думали, что, взявши власть в свои руки, саксонцы либо арестуют его, либо станут с ним обращаться как Кронштадтский Совет с комиссаром Керенского.

Саксонский маневр не удался, и, главным образом, по вине социал-демократов. Как разыгрались там события? Коммунисты пошли в министерство вместе с социал-демократами, хотя с так называемыми «левыми» с.-д., возглавлявшимися Цейгнером. Мы пошли на это для того, чтобы показать с.-д. рабочим, что мы готовы в меньшинстве пойти с ними в революционное правительство, если они поймут элементарную задачу защиты рабочих. Как же разыгрались события? В действительности получилась следующая цепь. Во главе саксонского правительства стоял левый с.-д. Цейгнер; от этого левого с.-д. Цейгнера идет следующее звено — Центральный Комитет с.-д. партии, возглавляемый Вельсом и Шейдеманом; от этих последних идет дальнейшее звено к правым с.-д. — к Эберту, Северингу, Носке и т. д. И от этих последних идет четвертое звено — к генералу Гейслеру, члену правительства Эберта; от генерала Гейслера — к Секту, от Секта — к Стиннесу и т. д.

Левый с.-д. сам по себе в открытом бою был бы не опасен. Он почти наверняка был бы разбит наголову. Но левый с.-д., который опирается на центр с.-д., в свою очередь, опирающийся на правую с.-д., которая протягивает руку Штреземану и т. д. вплоть до Стиннеса, — этот левый с.-д. становится громадной контр-революционной силой, потому что играет на руку буржуазии, имеющей мощный аппарат власти, имеющей в своих руках прессу, обладающей испытанными организационными методами и, наконец, значительной вооруженной силой.

Вот почему германская социал-демократия, ликвидированная, в значительной степени как рабочая партия, она, как фактор политики, как контр-революционный политический фактор, еще не ликвидирована. У нее осталось 650 тысяч членов, по их же собственному подсчету, в том числе — добрая половина мелкого чиновничества, известная часть мертвых душ, известная часть стариков, которые неспособны на активное участие в политической борьбе. Но как фактор, определяющий исход германской революции, она представляет собою значительную величину, поскольку опирается на всю буржуазную махину. Вот отсюда громадные трудности, которые стоят перед германскими рабочими.

Исход восстания в Гамбурге многими товарищами, плохо осведомленными о том, что происходит в Германии, был расценен как поражение чуть ли не решающего характера. А, между тем, Гамбург показал обратное. Мы имеем теперь точные сведения о том, что происходило в Гамбурге. Там восстание было поднято небольшой группой наших боевиков. Непосредственно в боях участвовало 300—400 человек, не больше. Они имели совершенно узкое задание — это была пробная мобилизация. Громадное большинство рабочих Гамбурга сочувствовало этим смельчакам, но по своему беспроволочному телеграфу, который

существует у рабочих масс в решающую минуту, оно прекрасно знало, что это пробная мобилизация, что это не решающий бой, что во всей Германии не происходит восстания. И гамбургские рабочие ограничились платоническим сочувствием этим 300—400 человек, которые показали чудеса храбрости, которые захватили два десятка участков почти голыми руками, с плохенькими револьверчиками в руках. Гамбургские смельчаки взрывали полотно железной дороги там, где это было указано партией; они оттянули к себе значительную часть германской полиции; они дрались как львы. И, надо сказать, товарищи, они встретили громадное сочувствие не только рабочих, но и значительных слоев мелкой буржуазии. Я уже говорил, что одной из отличительных черт германской революции является то, что ряд слоев, которые раньше саботировали нашу революцию, в данное время стоят в Германии на стороне компартии. Сюда относится значительная часть интеллигенции и мелкой германской буржуазии вообще. Мы имеем совершенно точные сообщения участников гамбургских событий, которые рассказывают, что они получали в тот момент, когда сидели на баррикадах, ряд писем от крупнейших представителей местной гамбургской интеллигенции — врачей, профессоров — с изъявлением сочувствия, что им очень щедро оказывали медицинскую помощь, что женщины мелкобуржуазных классов ухаживали за их боевиками, приносили им пищу и проч. Одна группа боевиков пишет, что они никогда не кормились так хорошо, как в эти два-три дня восстания, когда женщины мелкобуржуазных классов делились с ними всем, что у них было.

Гамбургское восстание показало еще раз, насколько назрело восстание в Германии, какие оно имеет резервы, какие громадные симпатии оно приобретает.

Но гамбургское восстание было пробной мобилизацией, небольшим эпизодом, каких в нашей революции мы насчитывали десятки. Главные силы германского пролетариата еще не участвовали в боях — это вы должны запомнить, товарищи. До сих пор там происходили лишь мелкие вспышки; основная масса, тяжелая пехота, многомиллионный класс рабочих все еще создает свое единство снизу, выковывает свои комитеты действия, свои фабзавкомы, которые играют роль Советов рабочих депутатов, свои Красные сотни, которые играют роль Красной гвардии.

Момент для решающего боя, по целому ряду обстоятельств, еще не наступил, более того — может быть, в ближайшие недели мы переживем полосу белого террора в Германии; может быть, фашизм, который распространяется сейчас, как жирное пятно, по всей Германии, овладеет центральной властью и утвердит в стране режим белого террора, но он продержится самое короткое время, потому что Германия — не Италия: Италия — страна распылен-

ного рабочего класса, крестьянская, между тем как Германия — страна с колоссальной промышленностью, огромными рабочими массами, которые прошли тяжелую школу борьбы 1918 года, потерпели поражение в марте 1921 года и которые теперь хотят нанести врагу такой удар, который оказался бы решающим. Вот основная оценка положения в Германии, которая наметилась в германской компартии и Коминтерне в начале октября этого года, — эта основная оценка остается верной.

Все главные революционные факторы во всем мире продолжают действовать, как и раньше. Международное положение буржуазии не улучшилось, а ухудшилось. Шансы революционной борьбы в международном масштабе за этот месяц стали лучше, чем раньше, ибо выяснилось, что ни полякам, ни французам не удается двинуть войска против германской революции. Ныне, 6 ноября 1923 г., мы с бо́льшим основанием, чем месяц тому назад, можем сказать, что польская буржуазия должна десять раз подумать, прежде чем броситься на Германию. Пусть они попробуют броситься на Германию или на нас в тот момент, когда у них всеобщая забастовка железнодорожников, когда большинство рабочих, входящих в ППС, т.-е. партию меньшевиков Польши, требует, вопреки желанию своих вождей, создания единого фронта, т.-е., другими словами, протягивает руку нам и польским коммунистам.

В настоящий момент международные шансы германской революции стали не меньше, а больше. В последнее время внутреннее положение Германии еще более обострилось. Возьмем хотя бы финансовый вопрос. Сегодня курс доллара, если не ошибаюсь, — 1420 миллиардов, сегодня же получено сообщение, что нью-йоркская биржа выводит в тираж немецкую марку, отказываясь ее котировать по какой бы то ни было цене. Это обстоятельство, товарищи, революционизирует положение в Германии в высшей степени.

Все эти большие революционные факторы, которые мобилизуют на борьбу с буржуазным строем десятки миллионов людей, эти колоссальные факторы, повторяю, продолжают действовать попрежнему. Но на пути к победе пред германским пролетариатом стоят еще две задачи. Первая формулируется так: скорейшая ликвидация социал-демократии. Вторая задача — организация революции. Добить социал-демократию — такова сейчас центральная задача дня, потому что социал-демократия опирается на всю буржуазную пирамиду и, не покончив с ней, мы не сможем мобилизовать все 22 миллиона рабочих, которые рвутся в бой. Мы писали уже немецким товарищам: если бы в настоящий момент в Германии волею судеб сидел и работал тов. Ленин, который указал нам дорогу шесть лет тому назад, он сказал бы наверняка, что главный враг германской пролетарской революции,

это—левая социал-демократия, не правая, а именно левая, потому что правая социал-демократия действует настолько предательски, настолько бесстыдно, настолько цинично, что от нее отворачивается все, что есть честного в германском рабочем классе; но левая социал-демократия, которая копирует независимых, левая социал-демократия еще имеет некоторый кредит в рабочих массах, она способна еще, как это случилось в Саксонии, сыграть весьма плохую шутку с германской революцией.

Мы недавно видели, что левые социал-демократы имеют определенный моральный вес и дают кредит всей социал-демократии, и в годы войны наиболее опасными противниками рабочего класса были не открытые социал-предатели, в роде Гвоздева, но прикрытые центристы, как мы их называли, которые занимали среднюю позицию и идейно возглавлялись Каутским. Так и сейчас наиболее опасным врагом германской революции являются именно так называемые «левые социал-демократы», которые «ни вашим, ни нашим», которые служат двум богам, которые сегодня делают глазки рабочему классу для того, чтобы завтра предать его.

Разделение труда у германских социал-демократов на диво совершенное. Они работают с небывалой ловкостью, они выдвигают то правое крыло свое, то левое, то центр, то ЦК своей партии, то профсоюзы. В профсоюзах сидят старые прожженные дельцы социал-демократии. Когда им приходится туго, они созывают всех рабочих — и социал-демократов, и коммунистов — и говорят: товарищи, объединимся, мы вам поможем. Они проделывают этот маневр, чтобы выиграть время и отвести волну. Когда время выиграно, они заявляют рабочим: да, конечно, положение трудное; разве вы не видите, что мы уже разбиты, и дело идет только о том, чтобы предохранить вас от июльской бойни; и притом — что можем сделать мы, профсоюзы? Профсоюзы не занимаются политикой. Наше дело маленькое, и т. д. и т. п. Германская социал-демократия является буржуазной партией. Вот почему важнейшей задачей германского пролетариата и является политическая ликвидация социал-демократии и ее презренных вождей, и особенно левых социал-демократов, которые предали первую революцию 1919 года.

Я мог бы прочитать вам выдержки из воспоминаний Шейдемана о первом Всегерманском съезде Советов (я только не хочу вас задерживать), где он издевается над левыми, которые занимались только тем, что с утра до вечера говорили и говорили, а тем временем правые соединились с генералами, прогнали их и взяли власть в свои руки. Левые, эти, действительно, трижды презренные печальные герои и сейчас играют ту же роль, что и в 1919 году. Германская компартия должна бросить мысль о каких бы то ни было переговорах с социал-демокра-

тами. Тактика единого фронта вошла в новую полосу. Мы завоевали большинство рабочих, нам не о чем больше говорить с Носке и К°, с представителями буржуазии. Либо они нас повесят, на что они твердо надеются, либо германский рабочий класс победит и поступит по всей строгости революционного закона с теми матерыми предателями, которые разбили восстание спартаковцев в январе 1919 года и которые теперь распинают рабочих Германии. Нам не о чем больше толковать с ними. Коминтерн выдвинул новое условие. Он говорит: мы отказываемся от каких бы то ни было переговоров с левыми социал-демократами до тех пор, пока они не наберутся мужества, чтобы порвать с палачами рабочего класса. Мы требуем, чтобы они порвали раз навсегда с теми, кто предал германский рабочий класс и является теперь его злейшим врагом. Таким образом, политическая ликвидация социал-демократии — одно из важнейших условий, которого нам не хватает для окончательной победы.

Второе условие победы германского пролетариата заключается в необходимости организовать революцию. Надо внести в нынешнее движение максимум организованности. Накануне 1905 года, когда мы приближались к первой революции, между большевиками и меньшевиками шел такой спор. Покойный Мартов говорил: наше дело заключается в том, чтобы развязать революцию. Ленин отвечал ему: нет, наше дело заключается не в том, чтобы развязать революцию, а в том, чтобы организовать революцию. Что это значит? Можно ли сделать революцию? Можно ли организовать революцию искусственно? Конечно, нельзя. Если нет основных предпосылок для революции, если массы не рвутся в бой, если трудящиеся массы еще не видят, что иного выхода нет, то нельзя говорить о революции. Но если мы имеем налицо все эти предпосылки, если рабочие массы рвутся в бой, если экономическое и политическое положение делает революцию неизбежной, тогда момент организованности получает колоссальное значение. Тогда действительно нужно найти верную тактику.

Шесть лет тому назад, накануне Октября, все предпосылки для революции, безусловно, были налицо: и питерский гарнизон, и рабочие Питера, и рабочие всей страны, и громадное большинство крестьян хотели переворота. Но если бы не нашелся такой авангард, такая партия, которая взялась бы организовать эти революционные силы, тогда кто знает, как бы пошла история России. При наличии великого революционного подъема необходимо было приступить к организации революции. Если бы в Германии не было налицо могучего революционного брожения, о котором я говорил, тогда было бы авантюрой с нашей стороны все то, что мы предпринимали. В Германии налицо — 20-миллионный рабочий класс, ненавидящий до глубины души

капиталистический строй, ожидающий момента, чтобы взять за горло буржуазию, тяжелое финансовое положение, голод, ряд вспышек и восстаний во многих городах, — в такой момент организовать революцию есть то, чего нам больше всего не хватает. Это и значит совершить Октябрь.

Эти две задачи теперь стоят на очереди перед германской коммунистической партией. Окончательное решение пока отложено, но если даже придется германскому рабочему классу пройти через новые поражения, через белый террор, все равно это будет только временно, но окончательная победа будет на стороне 20-миллионного рабочего класса. Фабзавкомы неуловимы ни для какого фашизма, они неистребимы в буквальном смысле слова, ибо находятся в самой гуще рабочих масс. Красные сотни, эти зачатки Красной гвардии, есть основная база, основной фундамент германской пролетарской революции. Наша партия там загнана сейчас в подполье. Почти вся печать закрыта. Товарищам германским коммунистам приходится работать нелегально, за ними охотятся десятки шпионов. Партия находится сейчас в Германии в таком тяжелом положении, как некогда у нас, после июльских дней. Тем не менее, победа обеспечена. Пусть не удивляют вас отдельные частичные поражения, организационные слабости нашей партии в тех или других местах. Они неизбежны.

Недавно был такой эпизод. В момент существования так называемого рабочего правительства в Саксонии, товарищи обратились к нашему правительству с просьбой помочь им хлебом. Наше правительство немедленно решило продать, на довольно выгодных условиях, необходимое им количество хлеба. Первый пароход был двинут. Был составлен проект договора. Левые с.-д. читали этот договор и находили его недостаточно выгодным. Они ездили к Эберту советоваться, подписывать ли договор. В момент, когда надо было доставить хлеб, один из наших представителей Внешторга в Берлине не выполнил быстро назначения. ЦК партии дал ему головомойку, а он в свое оправдание написал, что в германской коммунистической партии такой хаос, — назначают свидание, потом не являются; мы не можем во-время доставить хлеб. Мы ответили ему следующее: конечно, в германской компартии в настоящее время и не может господствовать образцовый порядок, такой, как в некоторых отделениях нашего Внешторга, и т. д. Но если вы не чиновник, а революционер, то вы должны вспомнить, что накануне Октября и у нас не было образцового порядка, прерывалась часто связь между Петроградом и Москвой, — Москва не знала, восстал ли Питер и т. д., порывалась связь между отдельными районами, были преждевременные выступления, стоившие жизни десяткам наших людей... Кто думает, что восстание в такой стране

как Германия может итти как по книжке, — рассуждает как чиновник, а не как революционер.

Германская компартия в трудном положении. Германская компартия под перекрестным огнем неприятеля. Около ног ее вьются левые социал-демократы, которые вчера брали под ручку, а сегодня изменяют. Положение в высшей степени трудно. Будут отдельные частичные поражения, неудачи. И каждый революционер должен это понять. Такие неудачи неизбежны. Не нужно спешить, не нужно делать преждевременные пессимистические выводы на основании временных неудач. Окончательная победа, безусловно, обеспечена.

Товарищи, настоящая твердость революционера, настоящая его преданность делу, настоящий его революционный характер познаются в момент частичных неудач и поражений. Сейчас германскому пролетариату дорого наше убеждение, что победа не за горами, дорога наша поддержка. Я предостерегаю от легкокрылого пессимизма, от легковерного отношения к делу. Положение германских рабочих в настоящий момент более трудное, чем наше в октябре 1917 года, когда мы брали власть. Шесть лет тому назад, когда мы брали власть в своей столице, против нас стояла жалкая кучка юнкеров и ударниц, главнокомандующим которых был «герой» Керенский. Германские рабочие имеют перед собою несколько сот тысяч вооруженных до зубов людей и международную буржуазию. Их борьба труднее, но зато и благодарнее будет успех, и историческое значение их победы будет больше.

Вспышки и зарево восстания, которые мы видели в Болгарии, Польше и в Германии, — не случайные явления. Конечно, в ряде мест мы будем терпеть поражения. Мы, увы, не заключали договора с победой. Не тот революционер, который идет на восстание и борьбу, когда у него договор с победой находится в кармане. Мы заключили соглашение с победой в историческом смысле слова. Мы знаем, что в конце концов победа будет за нами, победа будет на стороне рабочего класса. Но когда она будет, какой цены она будет стоить, каких жертв потребует — этого никто сказать не может.

Товарищи, заканчивая в этой части свою речь, я хотел бы вам прочитать несколько строк из одной работы тов. Ленина, написанной им в 1918 году. Он ставит вопрос о взаимоотношении России и Германии. Он говорит:

«...История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что р о д и л а к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг после друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия

воплотили в себе в 1918 г. всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

«Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого... цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый...».[1]

Товарищи, та смычка России с Германией, о которой говорил тов. Ленин четыре года тому назад, эта смычка становится теперь в порядок ближайшего очередного дня. До этой смычки большинство присутствующих здесь на заседании, мы надеемся, доживет. Я верю, что Петроградский Совет будет одной из тех организаций, которая подаст руку Германскому Совету. (Аплодисменты.)

Еще несколько слов относительно нашего внутреннего положения.

На шестой год революции невольно напрашивается прежде всего желание подвести итоги нашему внутреннему строительству. Каковы эти итоги? Создался ли у нас чисто коммунистический строй? Конечно, нет. Возобладала ли буржуазия? Тоже нет. Обстановка внутри страны сложилась таким образом: 6 лет тому назад мы произвели величайшую аграрную реформу, какую только знал мир. Мечта, которую лелеяли десятки поколений русских крестьян, мечта лучших русских людей, мечта о черном переделе, о радикальной аграрной реформе, о земельной революции — эта мечта стала фактом. Товарищи, кто из наших врагов скажет, что наша деревня такая же, какой она была 5 — 6 лет тому назад? Нет, она не такая. Правда, местами она еще голодает, коснеет в неграмотности, как и раньше,— это тоже верно,— но в основе своей деревня не та, что раньше. Кто из наших врагов скажет, что наш рабочий такой, каким он был 5 — 6 лет тому назад? Да, революция не обладала достаточным количеством материальных рессурсов, чтобы сразу улучшить условия существования многомиллионных масс и поднять их на достаточно высокий материально-культурный уровень. Этого не было и не могло еще быть. Сносных условий, человечески сносных условий для многомиллионных масс крестьян и рабочих революция не могла так быстро создать, такого чуда она не совершила, но она дала огромное политическое воспитание этим массам, открыла ворота

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 268.

культуре, вывела массы на широкую дорогу строительства новой жизни, — это совершенно бесспорно.

Наша промышленность начинает подниматься. В Петрограде мы двинулись медленно, может быть, пока медленнее, чем в других городах, но все-же государственную промышленность мы увеличили на 33 процента слишком, приблизительно на одну треть. Восьмой Совет, сдавая девятому свои полномочия, может сказать: мы многого не сделали, но нашу промышленность мы подняли за год на одну треть и вам того же желаем. А может быть, — кто знает — вам удастся подвинуть промышленность и не на треть, а на 50, на 75 процентов.

В таких же размерах наше хозяйство подвигается почти везде.

В итоге мы имеем строй пока еще пестрый, пока еще не утрамбованный, которому покамест трудно подыскать название. Мы называем его советским, но не даем ему более точных экономических определений, потому что он все еще находится в развитии, в брожении. Но мы знаем наверняка, что величайшую в мире земельную революцию произвели мы; и мы знаем, что, несмотря на все превратности судьбы, на все гримасы так называемого НЭП'а, мы основной рычаг промышленности держим в своих руках; мы знаем далее, что мы стали, наконец, подымать уровень жизни рабочего класса, понемногу улучшать его заработную плату. Мы уже обогнали некоторые страны по уровню зарплаты рабочего, и мы будем обгонять их дальше еще быстрее. Нам нелегко пришлось в первое пятилетие, когда мы воевали со всем миром, когда буржуазия всех стран объявила нам войну. Пройдет еще пять лет — конечно, это не мало времени, но в историческом смысле немного — и мы обгоним целый ряд стран буржуазной Европы.

Завоевания, сделанные рабочим классом и крестьянством нашей страны, изумительно велики и никаким аршином их измерить нельзя. Конечно, в жизни отдельного человека не так еще все стало хорошо, конечно, отдельные рабочие семьи и сейчас находятся в отчаянно тяжелых условиях, многочисленные углы нашей заброшенной деревни и сейчас коснеют в неграмотности и невежественности. И все же мы говорим, что за эти 6 лет мы сделали величайший шаг вперед. Рабочий класс вырос на целую голову в культурном и политическом отношении; это не тот рабочий, которого мы знали несколько лет тому назад. С величайшим удовлетворением мы отмечаем теперь множество мелких бытовых фактов, очень важных для нас. На беспартийной рабочей конференции в Питере выступало 60 — 80 ораторов. Они говорили не о том, что самому Петрову, Сидорову живется тяжело, но о том, как улучшить хозяйство в Петрограде, как двинуть дело народного образования, как помочь крестьянам, как установить смычку города и деревни, как ответить на ультиматум Керзона и пр.

Товарищи, основное завоевание нашей революции в том, что мы стали не те, какими были раньше, что мы стали гораздо более закаленными, гораздо более дальновидными, гораздо более преданными делу. Мы создали новое октябрьское поколение. Это — новые племена, которых не знало человечество, люди, для которых нет ничего трудного, люди, которые готовы отдать себя целиком на дело революции.

Товарищи, я уверен, что наш Петроградский Совет девятого созыва не ударит лицом в грязь перед своими предшественниками. Мы имеем в нашем новом Совете 200 слишком товарищей беспартийных. Мы зовем их к самому тесному сотрудничеству с нами. Мы счастливы видеть в нашей среде новые слои, которые стояли раньше поодаль. Мы приветствуем в наших стенах группу учителей и все учительство, которое теперь все ближе примыкает к Советской власти и рабочему классу. Мы имеем в нашей среде делегацию от ученых города Петрограда. Мы с величайшей радостью приветствуем и этот новый отряд, который вливается в наши ряды. Они нужны нам для построения новой великой рабоче-крестьянской России.

Мы теперь не одни. Основное ядро рабочего класса вынесло на своих плечах главную тяжесть борьбы в то время, когда многие колебались и не верили в нашу революцию. Рабочий класс выполнил основную работу, и теперь он приветствует всякого, кто идет на помощь ему.

Мы имеем в нашем Совете и многих работниц. Мы должны помнить, что все шесть лет нашей революции питерские работницы стояли не позади, а часто впереди остальных наших отрядов. Это, товарищи, надо помнить. (Аплодисменты.) Питерская работница шла с нами. Без нее невозможна была бы победа над буржуазией, без нее невозможна победа над разрухой. Наше великое счастье заключается в том, что женская часть пролетариата не только не обособилась, но выдвинула из своей среды великолепные по энергии и настойчивости отряды. Мы знаем, что и в то время, когда развернутся великие международные события, питерские работницы покажут себя еще не раз.

Таким образом, товарищи, за исключением маленькой кучки нэпманов, к которым мы питаем вполне определенные чувства, пользуясь взаимностью с их стороны, за исключением этих господ и за исключением тех, кто обслуживает их в смысле материальном и духовном — я не говорю о тех, которые служат поневоле, — за исключением этой кучки, весь остальной трудящийся Петроград, Петроград культурный, Петроград учительский, профессорский, интеллигентский Петроград в лучшей его части — я не говорю уж о рабочих, красноармейцах и матросах — этот Петроград объединяется вокруг своего Совета 9-го созыва.

Да здравствует Петроградский Совет! (Аплодисменты.)

НОВЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕЙ ПАРТИИ. [1]

В каком положении застает шестая годовщина революции рабочий класс нашей страны — тот класс, который составляет фундамент Октября?

Дело пошло во многих отношениях к улучшению. Процесс деклассирования и распыления рабочего класса, несомненно, прекратился. Качественный состав пролетариата улучшился. Состав рабочих становится менее текучим, более постоянным. В главные наши промышленные центры возвращаются тысячи и десятки тысяч рабочих, которые разбрелись в первые годы революции по деревням и кто куда мог, чтобы только как-нибудь пережить наиболее трудное время. На наших фабриках и заводах вновь появляется старый «мастеровой», коренной рабочий, «потомственный» пролетарий. Основное ядро наших промышленных рабочих вновь собирается под крышу наших советских фабрик и заводов. В этом заключается одна из важнейших предпосылок для дальнейшего улучшения нашего хозяйства. И это же явление открывает нам новые широкие политические возможности.

Всякому, умеющему наблюдать молекулярные процессы, происходящие внутри нашего рабочего класса, бросается, далее, в глаза и следующее обстоятельство. Культурный уровень середняка, беспартийного рабочего, вырос за эти годы в очень значительной степени. Иной раз кажется, что шесть лет, истекших с Октябрьской революции, промелькнули, как миг. На самом деле, в течение этих шести лет уже успело сформироваться целое новое поколение рабочей молодежи и успел вырасти на целую голову рабочий-середняк.

Было время (1919—20—21 гг.), когда на наших фабриках и заводах оставались преимущественно более пожилые рабочие и работницы. Весь цвет пролетариата был на фронтах или вообще был рассеян по всем углам России. Возвращающиеся теперь на фабрики и заводы приходят к нам не такими, какими ушли. Каждый пережил в течение этих шести лет столько, сколько иной раз не переживалось в течение целого поколения. Разбросанные по всем углам России — в армии, в деревне, в продовольственном отряде — рабочие учились понимать происходящее. Революция не имела достаточно материальных рессур-

[1] Напечатано в «Правде», № 253, от 7 ноября 1923.

сов, чтобы сразу улучшить положение всей многомиллионной рабочей массы. Но в культурном отношении она всё же подняла рабочую массу на небывалую еще высоту.

Все внимательные наблюдатели рабочей жизни отмечают, например, следующие факты. На беспартийных рабочих конференциях ныне, в отличие от того, что бывало в прежние годы, по каждому вопросу выступает по нескольку десятков ораторов. На губернских съездах профсоюзов, на уездных съездах советов и т. п. господствует совершенно другое настроение, чем это было в предыдущие годы: гораздо больше активности и сознательности, гораздо большее количество беспартийных ораторов и т. п. При этом говорят уже не о своей собственной нужде, как это в большинстве случаев бывало раньше, а об общих вопросах. И говорят толково, со знанием дела.

Культурный уровень рабочих масс вырос. Из этого следует исходить, как из аксиомы. Новые задачи партии будут поставлены правильно лишь в том случае, если мы будем исходить из этого основного факта.

Численный состав наших рабочих ячеек в последние месяцы, несомненно, увеличивается. В Петрограде и в Москве рабочие ячейки за последнее время удвоились в своем составе. Если еще недавно в наши ячейки на фабриках и заводах вступали, главным образом, хуже оплачиваемые рабочие, то за самое последнее время замечается приток также и наиболее квалифицированных рабочих. Нижеследующая табличка дает некоторое представление о количественном соотношении наших ячеек с числом рабочих на некоторых из крупнейших предприятий республики:

№№ по порядку.	Название предприятия.	Рабочих.	Колич. членов и кандидатов.
1	Гужон, Москва	2590	78
2	Бывш. Сытин, Москва	6200	105
3	Серпуховская прядильно-ткацкая ф-ка	5400	40
4	Балтийский судостр. зав., Петроград	3250	174
5	Обуховский зав., Петроград	3600	129
6	Красный Путиловец, Петроград	5200	198
7	Невская текстильная ф-ка	1800	64
8	Окуловская ф-ка, Новгород	2500	32
9	Лысьвенский зав., Пермь	3000	140
10	Златоустинский зав., Челябинск	4250	66
11	Алмазовский рудник, Донбасс	2000	150
12	Платинов. прииски, Екатеринбург	3312	26
13	Республиканск. мануфактура, Сев.-Двинск	2000	27
14	Донгостабфабрика, Ростов	2500	80
15	Красавинская мануфактура, Сев.-Двинск.	2080	27
16	«Экибастус», Семипалатинск	1500	25
17	Гартманский завод, Луганск	3300	148
18	Им. Марти и Бадина, Николаев (судостроит.)	2800	93
19	Ф-ка «Абельман», Владимир (Ковров)	2761	50
20	Сахарный завод, Киевской губ.	5000	137
21	Цех. яч. гильз. м-ских, Тула (Патр. зав.)	1479	14

Конечно, наши ячейки недостаточно сильны еще и в количественном отношении. Но это было бы еще с полбеды. Самая важная задача заключается в том, чтобы улучшить их в качественном отношении.

Нередки случаи, когда на данном заводе найдется вдвое большее количество беспартийных рабочих, которые по своему культурному уровню стоят не ниже, а иногда и выше, нежели члены нашей ячейки на этом заводе. Даже относительно петроградских заводов в ряде случаев это можно считать совершенно доказанным. Если взять, например, Путиловский завод, то на пять слишком тысяч рабочих мы имеем сейчас ячейку в 200 человек. Но на Путиловском заводе, по наблюдениям всех непосредственно работающих там товарищей, найдется не меньше, чем 400 человек беспартийных рабочих, которые в смысле культурного уровня не ниже, а иногда выше рядового члена нашей ячейки. Год-два тому назад это было не так, ибо на заводе оставались, главным образом, старики и женщины, меж тем как цвет старых путиловских рабочих был разбросан по всей стране. А теперь это так.

Разумеется, во многих отношениях рядовые члены нашей комячейки всегда выше беспартийной массы уже просто потому, что члены нашей ячейки, в отличие от беспартийных, действуют организованно. В области чисто-политической члены нашей ячейки почти всегда стоят выше беспартийной массы. Но когда дело заходит о хозяйственных, бытовых, культурных, житейских вопросах, тогда нередко приходится наблюдать и обратное. Один из выдающихся хозяйственных работников говорил нам недавно:

«Когда я отправляюсь делать доклад о своей хозяйственной работе на собрании членов наших парт-ячеек, я иду без особой подготовки. Когда же мне приходится такой же доклад делать на делегатском собрании той или другой фабрики или завода, или на беспартийной районной конференции и т. п., я готовлюсь очень усиленно. Ибо я знаю, что мне будет поставлен целый ряд вопросов, что каждую свою цифру я должен буду суметь защитить, что критика будет серьезная, и т. д.».

Поднявшийся культурный уровень широких кругов беспартийных рабочих может стать источником величайшей силы для нашей партии и для советской власти, но лишь в том случае, если мы во-время учтем это в высшей степени важное явление и сумеем сделать из него организационные выводы. В ином случае этот факт может стать источником многочисленных недоразумений между нами и беспартийными рабочими и может даже, как это ни странно на первый взгляд, создать величайшие трудности для нас.

Культурно выросший рядовой рабочий хочет — и с полным правом — принимать теперь большее участие в хозяй-

ственной жизни своего завода, оказывать большее влияние на свой профсоюз и не на словах, а на деле использовать свои права в Совете рабочих депутатов. Главная задача нашей партии в нынешнюю эпоху в том и заключается, чтобы стать во главе этого движения беспартийных рабочих, суметь вместе с ними найти серьезные, деловые пути для удовлетворения этих законных желаний рабочих, выросших на целую голову.

На крупнейших наших предприятиях фабрично-заводские комитеты состоят на 85—90 процентов из коммунистов. Это хорошо. Однако, средний процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах по всем профсоюзам еще недостаточно высок. Даже в таком центре как Петроград средний процент коммунистов в фабзавкомах всех профсоюзов был на 1-е февраля 1923 г.—18,5, на 1-е сентября 1923 г.—22,8. И даже если выделить 9 индустриальных союзов, то оказывается, что в них процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах равняется лишь 32,5. В других рабочих центрах соотношение, вероятно, менее благоприятное для нашей партии. Порядок постепенности, в котором проходят коммунисты при выборах на фабриках и заводах, примерно таков: 1) в Советы рабочих депутатов коммунистов выбирают легко, 2) в фабзавкомы—уже потрудней, 3) в профуполномоченные—еще трудней, 4) а в расценочно-конфликтную комиссию коммунистам совсем трудно пройти. О чем говорит это обстоятельство? О том, что общеполитическое руководство рабочие массы доверяют коммунистам довольно охотно. Но когда дело идет об организациях, от которых зависит непосредственно зарплата и вся повседневная жизнь рабочих, массы выбирают коммунистов уже не так охотно. В этой области коммунисты на заводах не имеют еще достаточно доверия.

И тут для наших ячеек на фабриках и заводах открывается непочатый край работы. Наши партийные ячейки на фабриках и заводах должны отвыкать решать все хозяйственные вопросы завода только на парт-ячейке. Наша ячейка на заводе должна начать рассматривать себя как коммунистическую фракцию всего завода. Это же относится к коммунистам, являющимся членами фабзавкомов, делегатских собраний и т. п. организаций. Основная задача парт-ячейки—политическая работа в пользу партии. Разумеется, экономику нельзя отделить механически от политики. Наша парт-ячейка, как политическая организация, несомненно, имеет свои партийные интересы и в области «экономики». Но защищать эти интересы надо умеючи. Прежде всего, нельзя забывать, что мы только часть завода. Пора научиться бороться за влияние среди всей рабочей массы систематической творческой работой во всех областях фабрично-заводской жизни. Пора

почувствовать себя как политическую фракцию всего рабочего населения данного предприятия. Пора понять, что беспартийные рабочие выросли, и постараться расти в уровень с ними. «Самодержавие» партколлективов на местах стало уже теперь исключением из правила. Нужно добиться, чтобы такие явления исчезли вовсе.

Из всего этого вытекает, что вопрос о соответственном поднятии культурного уровня рядового члена нашей парт-ячейки стал вопросом жизни и смерти для нашей партии. Ибо, если наша парт-ячейка не стоит головой выше, чем вся остальная масса, она никогда не сможет руководить этой массой, а, стало быть, не сможет и выполнить своего основного назначения. В деле учебы партия достигла значительных успехов за истекшие годы. Но все это еще только слабое начало, капля в море. Политически воспитать всю массу членов партии, поднять ее на высоту, соответствующую выросшему культурному уровню всей рабочей массы, — вот центральная задача.

Выросшие беспартийные рабочие хотят более активно участвовать в производственной, профессиональной и советской жизни. Это есть основной факт, из которого надо исходить. Назад на заводы явились квалифицированные, политически здоровые, очень развитые рабочие. У беспартийных есть отдельные очень крупные фигуры, с которыми сравниться могут только наиболее крупные работники из коммунистов. Нужно найти форму втягивания сначала этих наиболее крупных фигур беспартийных рабочих, а затем и более широких кругов рабочих в производственную, профессиональную, советскую, а затем и партийную жизнь.

Как всегда, когда выдвигается какой-либо крупный вопрос, связанный с настроениями в широких кругах рабочего класса, немедленно же всплывает вновь и вновь вопрос о роли наших профсоюзов. Естественнее всего было бы, конечно, чтобы, прежде всего, наши профсоюзы открыли гостеприимно двери указанным группам беспартийных рабочих. Естественнее всего, чтобы через наши профсоюзы шло вливание новых пролетарских сил в наши хозяйственные, советские и иные аппараты. Эта задача должна быть поставлена перед нашими профсоюзами на практическую ногу. Нужно еще раз внимательно пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между фабзавкомами и парт-ячейками, с одной стороны, между фабзавкомами и профсоюзами — с другой. Профсоюзы принимают слишком мало участия в работе наших хозяйственных органов. Не будем искать виноватого, не будем останавливаться на прошлом. Но для ближайшего будущего профсоюзы должны подойти к производству несомненно ближе,

чем это было до сих пор. Мы можем и должны найти подходящую форму контроля профсоюзов и над трестами. Этот контроль ничего не стоил бы, если бы он принял форму обычного бюрократического контроля. Но ему не будет цены, если этот контроль будет основан на привлечении к работе тех выросших и культурно поднявшихся беспартийных рабочих, о которых мы говорили выше.

В нашей собственной внутрипартийной жизни за последнее время, несомненно, наблюдался чрезмерный штиль, местами даже прямой застой. Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно разрешить намеченные выше задачи, чтобы оказаться на уровне тех международных событий, которые поглощают теперь все наше внимание, нужно, чтобы внутрипартийная жизнь стала гораздо более интенсивной. Нужно, чтобы внутрипартийная рабочая демократия, о которой мы так много говорили, стала в большей степени облекаться плотью и кровью.

Главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предрешенными. Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самодеятельность «низовых» парт-ячеек. Разумеется, в значительной степени это пока неизбежно. Партия наша построена на принципе демократического централизма. Управляющая такой страной, как наша, Российская Коммунистическая Партия не может не быть строго централизованной организацией. Но в очень значительной степени этот факт объясняется и тем, что культурно-политический уровень всей массы членов партии слишком сильно отстал от уровня руководящих слоев ее. Многие лучшие наши работники по постановлению партии целиком заняты хозяйственной или административной работой, не имея, или почти не имея, возможности окунуться в массовую партийную работу среди широких слоев рабочих. Часть товарищей, поставленных исключительно на партийную работу, не всегда оказывается на высоте тех новых громадных требований, которые предъявляют выросшие потребности масс. Партия должна уделить все внимание этим задачам, которые получают сейчас доминирующее значение.

Наши выводы примерно таковы:

1) Необходимо еще больше усилить работу партийного воспитания рядовых членов партии. Ибо основной предпосылкой завоевания на нашу сторону широких масс культурно выросших рабочих является более высокий уровень рядовых членов нашей партии.

2) Необходимо пойти навстречу законному желанию поднявшихся на высшую ступень беспартийных рабочих принять активное участие в производственной жизни своего предприятия, в работе профсоюзов и советов.

3) Необходимо, чтобы профсоюзы подошли ближе к производству, от которого они, вопреки резолюциям партсъездов отрываются. Необходимо обдумать подходящую организационную форму для участия профсоюзов в контроле над трестами.

4) Необходимо заново поставить и разрешить на основе нынешнего состояния рабочего движения вопрос о взаимоотношении фабрично-заводских комитетов с парт-ячейками, с одной стороны, и фабрично-заводских комитетов с профсоюзами — с другой.

5) Необходима систематическая суровая борьба против злоупотреблений отдельных трестовиков и хозяйственников вообще, как и против всех так называемых «излишеств».

6) Необходимо начать систематическую работу по вовлечению в ряды нашей партии тех беспартийных рабочих, которые рвутся к активному участию в общественной жизни и которые, в сущности говоря, очень близки нам по духу.

7) Без излишне громких слов о святости принципов рабочей демократии, необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле — усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам. В особенности привлечь внимание рядовых членов нашей партии к жгучим вопросам производственной жизни.

Пишущий эти строки вполне отдает себе отчет в том, что настоящей статьей вопросы эти только поставлены, но не разрешены. Действительное разрешение эти вопросы получат лишь в результате обмена мнений внутри нашей партии. Подытожив коллективный опыт нашей партии, мы найдем те практические мероприятия, которые приведут нас к цели. А найдя их, мы лучше всего преодолеем те искривления, которые представляет собою идеология «рабочей группы» или «Рабочей Правды».

1924

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ! [1]

Товарищи, в первый раз Союз Советских Социалистических Республик и революционные рабочие всего мира встречают Октябрьскую годовщину без Владимира Ильича. В первый раз наш Совет отмечает эту годовщину, называясь уже не Петроградским, а Ленинградским. К нашему горю, имя тов. Ленина присвоено нашему городу и нашему Совету не в связи с каким-нибудь радостным событием, скажем, с каким-нибудь революционным юбилеем работы Владимира Ильича, а в связи с его смертью. Трудно себе представить Октябрьскую революцию без Владимира Ильича, трудно себе представить нашу партию без Владимира Ильича, как и Владимира Ильича без нашей партии.

Идеи Ленина в эти несколько месяцев, истекших после его смерти, стали еще ближе, еще дороже народным массам всего мира. Семь лет тому назад имя Владимира Ильича было, разумеется, хорошо известно и петроградскому пролетариату, и пролетариату всей нашей страны, и за пределами нашей страны, но за истекшие семь месяцев имя Ленина стало в миллион раз шире известно и ближе народным массам, чем тогда.

Я вспоминаю, товарищи, одно свидание с Владимиром Ильичем, через несколько дней после его ранения в 1918 году. Мне довелось тогда выпустить небольшую книжку, которая представляла собою попытку дать биографию Владимира Ильича. Когда я приехал к нему и подарил ему эту книжку, Владимир Ильич сказал полушутя, полусерьезно, что не стоит отдельным лицам, работникам нашей революции, посвящать целые книжки. С тех пор, в особенности, начиная со смерти Владимира Ильича, написаны сотни, теперь, вероятно, тысячи книг на всех языках мира, посвященные ему, его жизни, борьбе и учению, сотни и тысячи книг, на основании которых когда-нибудь будет написана наипрекраснейшая из книг, посвященная величайшему из гениев между-

---

[1]) Речь на торжественном заседании Ленинградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября 1924 года.

народного рабочего класса. Мы долгие годы будем еще полными пригоршнями черпать из наследства, из заветов, из указаний Владимира Ильича. Многие из нас не раз и не два штудировали сочинения Владимира Ильича, и все-таки каждый раз они читали их как нечто новое. Скажу о себе, товарищи. Десятилетие с 7-го по 17-й год мне довелось работать с Владимиром Ильичем рука об руку, — нечего говорить о том, что это было величайшее счастье, — не только изо дня в день, но из часа в час каждая рукопись проходила через мои руки раньше, чем сдавалась в печать, и прочитывалась мною в корректуре, в газете, в книге, и все же по чести скажу, что, читая снова любое из его произведений, я только теперь постигаю всю глубину содержания, разносторонность, предвидение, заключающиеся в каждой книге. Больше всего поражает именно разносторонность. Те трудности, которые мы с вами, быть может, только теперь начинаем чувствовать, Владимир Ильич не только видел заранее, но давным давно дал на них тот или другой ответ, к которому большею частью, на основании нашего коллективного опыта, мы со временем только в основном подойдем.

Товарищи, обращали ли вы внимание на следующее? Присмотритесь к портретам Владимира Ильича. Хороших не очень много. Недаром сказано поэтом: «века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». Есть все-таки некоторое количество хороших, но ни один не вмещает всего Владимира Ильича, каждый схватывает одну какую-нибудь черту. На одном вы увидите мысль, воплощение мысли Владимира Ильича, на другом вы увидите воплощение силы и твердости пролетариата, на третьем — воплощение скромности Владимира Ильича в жизни и т. д. И только все эти портреты, вместе взятые, дают нам некоторое представление о Владимире Ильиче в целом.

Я думаю, что нет лучшего средства дать себе отчет в тех трудностях, которые стоят перед нашей революцией в тот или иной момент, как постоянно еще и еще раз, и всегда наверняка с пользой для дела, обращаться к великой сокровищнице революционной мысли, заключающейся в бессмертных произведениях Владимира Ильича.

Мы отмечаем седьмую годовщину Октябрьской революции, стоя на перекрестке дороги, стоя еще перед рядом очень сложных и трудных проблем. Больше всего мысль сознательного коммуниста нашей страны и всего мира бьется над вопросом: каков же в конце концов характер нашей революции? Мы называем ее социалистической. Оправдалось ли это название полностью, не совершили ли мы больших отступлений назад, что ожидает нас в ближайшем будущем? Каждый сознательный большевик пытается разрешить эту задачу будущего и нащупать глазами ту дорогу, которая ожидает нас в ближайшие годы.

В статье, посвященной четвертой годовщине Октябрьской революции, т.-е. написанной три года тому назад, в самом начале НЭП'а, Владимир Ильич ставил, примерно, эти же вопросы. Он говорил следующее:

«...Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

«И мы в праве гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая Французская революция свыше 125 лет тому назад...».[1]

Владимир Ильич был, как никто, врагом революционной фразы. Меньше всего он склонен был преувеличивать наши завоевания, меньше всего он любил давать несбыточные обещания.

В 1905 г., в начале революции, он говорит: непосредственная цель нашей революции была буржуазно-демократическая. И только вслед за разрешением буржуазно-демократических задач мы переходим к разрешению задач социалистических. Между той и другой революцией нет никакой непроходимой стены. По мере того, как мы успешно разрешаем задачи буржуазно-демократической революции, мы делаем и первые шаги к социальной революции. И обратно: если удаются первые шаги в области социальной революции, то этим самым мы действительно по-плебейски, по-рабочему кончаем с остатками самодержавия и действительно завершаем буржуазно-демократическую революцию. Одна революция перерастает в другую—учит в той же статье Владимир Ильич. Эту статью, повторяю, он писал как раз в начале НЭП'а, когда сомнения насчет значения НЭП'а были велики. Владимир Ильич указывал:

«...Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм, спачала обще-политический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали—или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы п о д г о т о в и т ь — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 363.

энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции ...»[1].

Так вот, товарищи, на четвертом году той революции, которая справедливо всем миром называется рабочей революцией, называется социальной революцией в том смысле, что она привела к власти рабочий класс, на четвертом году революции Владимир Ильич напоминает нам, что непосредственно цели и задачи революции были буржуазно-демократическими. Нам предстояло почистить Авгиевы конюшни, оставшиеся нам от царского самодержавия. Мы на практике жизни убедились, что с одним энтузиазмом масс подойти к строительству жизни нельзя — необходимы и мостки к социализму. Этими мостками явилась новая экономическая политика. Жизнь научила нас тому, что нет грани между буржуазной революцией и революцией социалистической, ибо одна революция перерастает в другую.

И вот, к седьмому году революции мне кажется уместнее всего поставить этот вопрос: верно ли, что буржуазно-демократическая революция перерастает постепенно в социалистическую? Верно ли, что мы решили те задачи, которые могут назваться буржуазно-демократическими, решили по-рабочему, до конца — уничтожили с корнем монархию, уничтожили с корнем сословия, уничтожили с корнем позор, оставшийся нам в наследство от царского самодержавия? Верно ли, что мы постепенно перерастаем в социализм? Вопрос стоит не так: верно ли, что у нас уже есть социализм? Конечно, у нас нет еще социализма. У нас нет его и еще не может быть по причинам, которые нам достаточно полно разъяснил Владимир Ильич. Тот не большевик, кто подошел к истекшим годам с таким масштабом: есть ли полный социализм в нашей стране к семилетней годовщине?

Но мы можем, товарищи, заявить, что мы действительно перерастаем в социализм! Темп этого перерастания еще недостаточно быстрый. Первые успехи в хозяйственной области, по понятным причинам, были особенно трудны. Есть основания ожидать, что дальнейшие успехи в хозяйственной области будут приходить быстрее, будут нарастать как снежный ком. Нам трудно было остановить падение вниз, а затем добиться первых результатов подъема. Все это уже теперь налицо. Мы смело

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, ст. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», стр. 369.

можем надеяться на то, что в дальнейшем и самый темп перерастания будет становиться все быстрее и быстрее.

Мы отмечаем, я думаю, в первый раз годовщину Октябрьской революции в полном сознании того, что без всякого колебания мы можем сказать: государственная промышленность идет вперед. Мы пережили в нынешнем году такой удар как частичный неурожай, и все-таки подъем нашего хозяйства не остановился, он продолжается.

Мы отмечаем в первый раз Октябрьскую революцию с сознанием того, что денежная реформа удалась. Мы имеем железобетонную базу для нашего хозяйства. Мы видим воочию, как распыление, деклассирование пролетариата прекращается, материальное положение рабочих начинает выправляться и в значительной степени уже выправилось. Мы видим, что валовая продукция нашего хозяйства за год увеличилась на миллиард рублей. Растет число рабочих, занятых в промышленности. Два-три года тому назад в Ленинграде было 30 000 металлистов, затем — 61 000, а в этом году — 76 000. Я думаю, что этот рост более или менее характерен для всей нашей промышленности. Ибо Ленинград, в частности его металлическая промышленность, ни в коем случае не находится в особенно благоприятном положении. Диктатура пролетариата в городах и важнейших центрах нашей промышленности отлилась в четкие организационно-государственные формы, теперь даже слепой видит, что не тоненький слой пролетариата, а именно пролетариат как класс стоит у власти.

Из внутренних проблем нашего быта сейчас получает наибольшее значение вопрос о крестьянстве.

Семь лет тому назад, когда началась революция, после того как нашей партии, во главе с тов. Лениным, удалось завоевать большинство рабочих, вопрос стоял так: а удастся ли этому большинству рабочих повести за собой большинство крестьян? Если удастся, тогда революция непобедима. Если не удастся — тогда рабочий класс, представляющий незначительное меньшинство в стране, не сможет вытянуть этой громадной тяжести.

К седьмой годовщине вопрос о крестьянстве вновь стоит во всей его величине. Минувшие семь лет в этом основном вопросе можно разделить на два периода. Первый период — с 1917 г. по 1921 г. включительно, 4-5 лет — гражданская война вплоть до ее окончания. Мы тогда, несомненно, имели за собой большинство крестьян, несмотря на то, что крестьянство было недовольно военным коммунизмом, и что оно к 21-му году о своем недовольстве заявило рядом восстаний. Почему тогда крестьянство, несмотря ни на что, в громадном большинстве шло за рабочим классом и за нашей партией? — По той причине что рабочий класс стоял не только во главе советской власти но рабочий класс через нашу партию стоял и во главе аграрной

революции, во главе земельной революции такого размаха, которого не видал еще мир. Крестьянство чувствовало, что оно получило землю потому, что в главных центрах — в Ленинграде и в Москве — рабочие сумели вырвать власть у буржуазии. Крестьянство и в дальнейшем ясно сознавало, что довести до конца аграрный переворот можно только в том случае, если в городе будет такая партия, которая способна организовать гражданскую войну против помещиков. Поэтому, когда мы создавали Красную армию и двигали миллионы крестьян против Деникина и К°, крестьянство давало нам своих сыновей и охотно шло в армию, боровшуюся за гегемонию рабочего класса. Крестьяне понимали, что аграрная революция еще не окончена. Не каждый крестьянин сознавал так ясно это положение. Каждый в отдельности думал о своей десятине, а не о великой аграрной революции. Но крестьянство в целом, движимое верным инстинктом, поняло, что происходит невиданная в мире аграрная революция и что головой и вождем этой революции может быть только рабочий класс. Вот почему в первый период революции крестьянство в огромном большинстве шло за нами.

Примерно к 1922 году дело меняется. Гражданская война кончилась. Мы входим в новую полосу. Аграрная революция вчерне проделана. Земельная разборка в основном закончена. Сейчас вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства ставится по-новому. На X, особенно на XI съезде нашей партии Владимир Ильич разъяснял нам это положение со всей наглядностью, когда учил нас: скорее восстанавливайте хозяйство в городах; крестьянин пока-что отпускает вам политический кредит, он говорит вам: вы еще не научились, я подожду, пока вы научитесь. Но помните: этот кредит не бесконечен. Крестьянин не будет ждать десятки лет, он не будет только из чувства благодарности за то, что вы ему помогли в 18-м и 19-м годах отразить натиск помещиков, поддерживать советскую власть. Крестьянин требует теперь другого. Он подходит к вам с новым масштабом, с масштабом хозяйственным; он спрашивает вас теперь уж о том, сумеете ли вы так наладить хозяйство в стране, чтобы дать ему товары по божеской цене, сумеете ли вы создать на местах настоящую, здоровую советскую власть, сумеете ли вы создать сколько-нибудь дешевый государственный аппарат по всей нашей бедной, в большинстве крестьянской, республике, сумеете ли вы в буржуазном окружении вести такую иностранную политику, которая соответствовала бы интересам рабочих и крестьян?

С этим масштабом крестьянин подходит к нам с 1922 года, товарищи, и с этим масштабом он теперь подошел к нам вплотную. Вот почему я говорю: в другой форме и при другой обстановке к седьмой годовщине Октября вопрос об отношениях рабочего

класса и крестьянства стал перед нами во весь рост. Мы не двинемся теперь ни на вершок ни в одной области, если не разрешим правильно эту задачу. Трудностей в деревне у нас много. Возьмем такой вопрос как землеустройство, вопрос, который является больным для целого ряда мест нашей страны. Мы все понимаем, и крестьяне это понимают, что разрешение такого вопроса требует большого времени. Есть ряд вопросов, которые решаются опытом, есть ряд вопросов, которые требуют годов.

Другая проблема, которая также требует много времени, — проблема о ценах. Мне пишут крестьяне из Владимирской губ.: факт, что мы, крестьяне, даем рабочим уже теперь хлеб по довоенным ценам; почему же мы не имеем права потребовать: товарищи рабочие, пожалуйста, дайте нам продукты городской промышленности тоже по довоенным ценам. Пока так говорят отдельные группы крестьян — завтра это скажет все крестьянство. От этой проблемы, товарищи, уйти нельзя. Мы живем теперь не в 1921 году, а в конце 1924 года. Крестьяне ставят нам вопрос именно так и не могут его ставить иначе. Вот почему нам необходимо изо всех сил налечь на промышленность, памятуя, что тут больших отсрочек нам не дано и не может быть дано.

Конечно, мы можем и должны объяснить крестьянину и объясним ему, почему промышленные рабочие не могут еще дать товар по довоенным ценам. Объяснений тут достаточно. Мы напомним ему и блокаду, напомним, что город был разорен гораздо больше, чем деревня, напомним, какой громадный удар был нанесен нашей промышленности войной, напомним, как наш пролетариат рассеялся по всей стране, как он голодал, холодал, мучился и т. д. Мы все эти смягчающие вину обстоятельства приведем в свое оправдание. Правильно. Но вместе с тем мы должны налечь изо всех сил, чтобы эту задачу установления справедливых цен действительно разрешить, потому что здесь ключ к разрешению всех трудностей и политических и экономических.

Есть другая группа вопросов, которая тоже тревожит деревню, но которую разрешить легче. Я имею в виду вопрос о советской власти на местах. Товарищи, у нас в городах существует советская власть, за которую не приходится краснеть. На местах же, поближе к уезду и еще поближе к волости, у нас в целом ряде случаев дело обстоит далеко не так благополучно.

Вы помните, что в 1919—20 гг. у нас в Ленинграде бывали случаи, когда мы, выступая на митингах перед беспартийными рабочими, говорили: товарищи, мы знаем, как много к нам присосалось людей недостойных, как много взяточников в нашей среде, и т. д. и т. п., — мы их почистим, выгоним, советская власть в этом не виновата. Такое время было, когда мы по-

долгу должны были об этом говорить перед беспартийными рабочими. И где? — В Ленинграде, нашем важнейшем пролетарском центре! Теперь приблизительно такое же положение создалось в деревне, в волости, а иногда и в уезде. Мы видим там еще местами неслыханную грубость и произвол; взятки, самодурство, самогон местами являются тремя китами, на которых зиждется ныне наш быт. Слова из песни не выкинешь...

Вы недавно следили за процессом в Дымовке, в связи с убийством там одного селькора, Григория Малиновского. Нарыв там вскрылся огромный. Товарищи, мы должны были призадуматься над тем, не говорит ли этот нарыв о нездоровом состоянии организма.

Нам удалось до конца расследовать Дымовское дело, и пред нами открылась картина неслыханного произвола. В ячейку коммунистов пролезли уголовные типы, которые терроризовали всю деревню, всю бедноту, которые компрометировали советскую власть неслыханным образом, и происходило все это не где-нибудь в глуши, а всего в 50 верстах от г. Николаева, крупного рабочего центра с большими революционными рабочими традициями. Будет правильно, если мы скажем, что Дымовка — не единичный факт. В таких случаях гораздо полезнее преувеличить, чем недооценить.

Товарищи, убитый в Дымовке тов. Малиновский был селькором. Селькор, это — росток новой жизни в деревне, который нам драгоценен; селькоры, это — тот слой людей, который хочет через головы взяточников, мародеров, пьяниц подать руку действительно советской власти. Селькор, это — представитель того нового слоя в деревне, который должен цениться на вес золота. И селькора в деревне забивают, не дают ему хода те пиявки, которые присосались местами к советской власти.

Теперь, товарищи, протекает кампания выборов в Советы. Мы знаем наверняка, что в связи с выборами наблюдается целый ряд ненормальных явлений, таких, о которых в городах и думать забыли, а в деревне сплошь и рядом с ними сталкиваешься. Одним словом, мы не можем еще сказать, что в деревне есть культурная, честная советская власть. Этого еще нет. Если бы у нас вся экономика была хороша, если бы вопрос о ценах не стоял так остро, если бы проблема землеустройства не была так трудна, — было бы еще относительно полбеды. Но, на фоне экономического недовольства (вполне законного и понятного), на фоне неразберихи земельной, которую мы имеем зачастую в деревне, все эти явления, как произвол, взятка, некультурность, неумелое управление, — становятся действительно политически опасными. Это надо сказать определенно.

Мы ни капельки не боимся трудностей. Советская власть и вся партия преодолевали еще бо́льшие трудности. Но для этого

надо открыто сказать о существовании этих трудностей и призвать партию, советскую власть и передовиков-рабочих и крестьян к их преодолению.

Недавний пленум ЦК нашей партии был посвящен целиком вопросу о деревне. Партия берет решительный курс в этом направлении. Но, конечно, не абсолютно новый курс. Это — ленинский курс, которому тов. Ленин нас учил еще давно, но который практически мы не могли выполнить, и теперь должны во что бы то ни стало осуществить.

Рабочие, в частности и беспартийные рабочие, должны помочь нам довести до сведения деревни о том, что сейчас наша партия, наша советская власть приняла решения величайшей для нее важности. Довести об этом до сведения деревни задача нелегкая, ибо связь с деревней у нас еще плоха. Мы имеем еженедельную «Крестьянскую Газету» в Москве, которая расходится в 500 тысяч экземпляров. Это, конечно, капля в море на сто миллионов крестьян. Мы не имеем ни одной крестьянской книжки в каких-нибудь 16 страниц, которая бы в количестве 2—3 миллионов экземпляров дошла до деревни. Наши издательства занимаются баловством — издают, правда, интересные иногда вещи, но утонченные, важные и ценные для 20 тысяч читателей. Масштаб работы у нас должен быть миллионный.

Ленин учил нас, что полная связь рабочего класса с крестьянством решает все. К седьмой годовщине советской власти вопрос о крестьянстве становится центральной задачей всей жизни страны.

Дело с государственной промышленностью, с организацией жизни рабочих более или менее, можно сказать, находится на мази, начинает поправляться. Нам удалось одолеть здесь первые трудности. Не так давно, товарищи, я побывал в кооперативе Госзнака в Ленинграде. Я пережил счастливых полчаса, когда увидел, что есть уже такие кооперативы. Там продали 300 пудов мяса за один субботний день (это была суббота). Лежат груды сливочного масла, рабочий по телефону заказывает картошку и т. д. Вот действительные зачатки кое-какой пролетарской культуры в настоящем смысле слова. Рабочий у нас стал все-таки более сносно питаться. Госзнак, вероятно, не исключение в Ленинграде и республике вообще. У нас в Москве и Ленинграде мы открыли ночные санатории для рабочих. Рабочий, нуждающийся в отдыхе, идет с завода не домой, в сырую квартиру, а заходит в этот санаторий, где получает тепло, уют, пищу. Конечно, огромное счастье для каждого революционера — видеть, как эти крупицы социализма начинают даваться нам в руки.

Но, товарищи, обернемся лицом к деревне. Надо помнить, что там найдутся кулаки, враждебно настроенные к нам, которые на эти санатории взглянут другими глазами и скажут,

что это неслыханное баловство: рабочему — санаторий, а мы в деревне знаем только налоги. Крестьяне пишут нам: у вас, мы слышали, работница во время родов имеет три месяца отдыха. у нас же в деревне крестьянка чуть ли не назавтра после родов выходит работать. В 1924 году в деревне нарождается новое настроение, представляющее своего рода ревность к рабочим, ревность, которую раздувает враждебный нам в деревне элемент, передающий россказни о том, что рабочий у нас живет нивесть как хорошо. Это настроение и есть то новое в политике, о чем мы должны помнить.

Наша страна состоит теперь из двух классов, или, как мне довелось говорить, из двух классов с дробью, с половинкой. Эта половинка—бывшая буржуазия, новая буржуазия, остатки прежних буржуазных классов, часть буржуазной интеллигенции, часть городского мещанства. Вот вам нынешний социальный переплет страны: рабочий класс и крестьянство — два основных класса. и этот ублюдок, половинка класса. У нас иногда больше всего боятся этого ублюдка. Три года тому назад остатки буржуазии думали только о том, как бы завести печку-буржуйку, чтобы согреться. А теперь они местами поговаривают о том, чтобы дать им свободную газету, свободный театр, о том, что слишком-мол заметно торчит повсюду коммунизм. На мой взгляд, опасность со стороны этой буржуазии очень маленькая, пустяковая. Эта половинка класса подождет, и с газетой подождет и с разными своими требованиями подождет до лучших времен, лучших не для них, а для нас, потому что время работает на нас. Эта проблема не важная. У нас есть важная проблема, это взаимоотношение двух основных классов: рабочего класса и крестьянства. Это—жгучая проблема, такая жгучая, которая не ждет. От разрешения ее действительно зависят судьбы всей нашей страны.

Мы не раз повторяли вслед за Владимиром Ильичем, что не тот большевик и настоящий коммунист, который говорит: я—рабочий, и поэтому меня не интересует деревня или деревенщина. Такая точка зрения представляет собой цеховщину, узость кругозора, мещанство, трэд-юнионизм. Настоящий большевик. ученик Ленина — тот, который говорит: я — рабочий, я — член рабочего класса и составляю часть господствующего класса, и поэтому я должен думать не только о себе, не только о том, чтобы улучшить собственную жизнь, но я должен подумать и о крестьянстве. Мой класс осуществляет диктатуру в крестьянской стране. А диктатура эта должна быть умной. Она должна показать крестьянам, что рабочий класс лучший хозяин страны, чем буржуазия.

К седьмой годовщине Октябрьской революции вопрос о крестьянстве ставит перед нами новые задачи. Если мы хотим остаться верными и учению Ленина и нашей партии, то все мы —

и коммунисты, и комсомольцы, и директора на заводах, и передовики-рабочие — должны понять, что вопрос о крестьянстве является для нас теперь основной политической задачей. Помните о деревне, помните не только в плакатах, в брошюрах, в листках, но и в таких больших вопросах, как вопрос о ценах, вопрос о землеустройстве, вопрос о создании культурной, честной, трезвой советской власти на местах. Если мы разрешим эту большую задачу, если начнем ее правильно разрешать, тогда, товарищи, мы будем поистине непобедимы.

Позвольте еще вкратце, товарищи, остановиться на нашем международном положении. Истекающий год принес нам признание Советского Союза со стороны целого ряда государств. Наиболее важным было признание нас Англией. Наш Союз ССР теперь признан почти во всей Европе. Вы знаете, что недавно нас признала и контр-революционная Венгрия.— И она вынуждена была пойти на этот шаг. И, наконец, дело завершилось недавним признанием со стороны буржуазной Франции. Мы видим тут определенный итог: западный фронт нашей иностранной политики выровнялся, стал короче, стал безопаснее, а западный фронт всегда был для нас наиболее опасным, потому что там живет самая богатая, самая организованная и самая умная буржуазия. На этом фронте у нас сейчас сокращены линии. Конечно, прорыв фронта еще возможен. Об этом свидетельствуют недавние выборы в Англии. Но во всяком случае мы добились на этом фронте таких успехов, которые убеждают не только рабочий класс, но и крестьянство нашей страны в том, что международную политику мы ведем, несомненно, правильно.

Однако, товарищи, в самые последние дни вырисовывается в области международных отношений и нечто новое. Еще во времена V Конгресса Коминтерна мы все говорили, что началась новая эра, новая полоса, которую мы характеризовали как демократическую, пацифистскую, мирную со стороны буржуазии. Буржуазия делала ставку на социал-демократию, на буржуазную демократию, на Макдональда, на Эррио, на розовый цвет. События последних дней показывают, что буржуазия делает вновь ставку на черный цвет. Та короткая пора, когда международные политики поиграли на желто-розовый цвет, кончилась, теперь они играют на черный. В Америке, как вам известно, на выборах победил Куллидж, ставленник так называемой «республиканской» партии, самый оголтелый представитель мировой империалистической реакции, с ненавистью относящийся к СССР. В Англии победили консерваторы, черносотенно-помещичья партия зубров, которые также решительно выступают против рабочего класса. Звезда Эррио во Франции также явно находится на закате. Вероятно, недалеко время, когда и во Франции буржуазия, вместо розового, начнет ставить на черный цвет.

Полоса, которую мы характеризовали как демократически-пацифистскую эру, отцвела, не успевши расцвесть. Буржуазия попробовала, поиграла с простачками, взяла то, что ей нужно, а сейчас она идет своим путем — она пытается опять повести старую, дореформенную, довоенную, девяносто шестой пробы черносотенную политику. Это обстоятельство, товарищи, имеет громадное значение. У нас на этот счет не должно быть никаких обманных надежд, никаких иллюзий.

Переход от пацифизма к черносотенству и наоборот проходит недаром для народных масс. Массы все-таки задумываются: каким образом и отчего постепенно происходит раскачка основ буржуазных республик даже в такой богатой стране как Англия? К власти идут Куллидж, Болдуин и, как говорят, во Франции — Бриан или кто-нибудь почище, вернее — погрязнее, но уж для праздника скажем: почище. (Смех.) Вот те фигуры, которые в ближайшее время будут определять мировую политику. Мы имеем сейчас новую полосу самой черной мировой реакции. В попытках наступательной политики против нас недостатка не будет. Присмотримся несколько попристальнее к этим странам.

Возьмем Англию. Англия, как вы знаете, богатейшая страна в Европе. Что мы видим там в самое последнее время? Прежде всего — разгром либералов. Там долгое время были две партии: консерваторы и либералы — два крыла господствующего класса. Они в течение многих лет мирно сменяли друг друга у власти. Но вот, постепенно вышла на сцену Рабочая Партия, хотя и с меньшевистским руководством. Рабочая Партия стала представлять известную силу, третью партию. Мы видели недавно, как все эти три силы выступили в игре — консерваторы, либералы и меньшевики, в лице Рабочей Партии. Последние выборы дали совершенно новый результат: вторая буржуазная партия, либералы, теперь уничтожена, остались только консерваторы и Рабочая Партия. Теперь мы в Англии видим, в сущности, одну буржуазную партию, консерваторов, вместе с перебежавшими к ним либералами, и другую партию — Рабочую Партию, все еще с меньшевистским руководством, и только на горизонте виднеется новая третья партия, которой действительно принадлежит будущее, — молодая Компартия. (Бурные аплодисменты.) Таково положение сейчас в Англии.

Не случайность, товарищи, что буржуазия пустила, хотя бы на несколько месяцев, Макдональда к власти. Теперь она решила, что скрывать нечего, и стала рассказывать, почему это случилось. Асквит недавно разоткровенничался: Мы всегда успокаивали пугливых и говорили им, что рабочее правительство будет испробовано и должно быть испробовано при наиболее подходящих условиях. Значит, они считали условия чрезвычайно подходящими, чтобы поиграть, как кошка с мышкой, с этим мень-

шевистским правительством. Они с ним и поиграли. Ллойд-Джордж говорил в своей избирательной речи:

«Господин Макдональд заявил, что он социалист, что он поможет безработным, что он даст им хлеба, и т. д. и т. д. Но, несмотря на это хвастовство, ничего нового не было сделано, и рабочее правительство во всем продолжало работу существовавших до него правительств, копируя их со всеми недостатками. Они не более оригинальны, чем китайский портной, который копирует даже заплаты на костюме. Они говорят: прислушайтесь к Сноудену, он имеет новые идеи.

«Представим себе, что приходит депутация к премьеру. Лансбэри ему говорит: — Безработица сильна, господин премьер, все еще 1 200 000 безработных. Что вы думаете для нас предпринять? Мы нуждаемся в работе.— Премьер отвечает: — Имеется постройка дорог. — Но это мысль либералов! — Облегчение торговли... — Но это было еще при коалиции! — Электрификация... — Но вы это заимствовали из копеечной брошюры. Есть ли у вас что-нибудь свежее, чтобы накормить голодных рабочих? — И Филипп Сноуден говорит: — Да, свекла...

«Во время голода в 40-х годах был один, кажется, герцог, который предложил умирающим от голода попробовать кусочки соли, чтобы заглушить муки голода. Филипп Сноуден варьирует, он говорит: «попробуйте свеклу» [1].

Вы видите, товарищи, Ллойд-Джордж — парень остроумный. Вы знаете, что у нас в 1919 году, в самую голодную пору, в Ленинграде свекла не была в ходу, а теперь вот, в 1924 году, в богатейшей Англии предлагают рабочим свеклу. Над этим смеется и Ллойд-Джордж. И, действительно, в подобном положении оказалось почтенное правительство Макдональда.

Небезынтересна и речь лорда Керзона, который особенно хорошо известен нам. Керзон не пришел в Англии к власти — сочли зазорным, к власти пришел Болдуин. И вот этот самый Керзон выступал 21 октября пред избирателями не Выборгского района, а Сити, т.-е. района, где расположены банки, где находятся святая святых буржуазии. Анализируя международное положение, Керзон заявил, что, по его мнению, горизонт не совсем ясен: в Ирландии положение неустойчивое; в Египте многие вопросы не разрешены; хотя формально существует мир с Турцией, на самом деле Англия накануне войны с ней; арабский вопрос страшно запутан; Индия далека от спокойствия. Но он не обвиняет Макдональда, так как тот не имел достаточно времени для разрешения многих из этих проблем; Керзон добавил, что при разрешении некоторых вопросов, хотя бы, например, египетского, Макдональд всегда был «лойялен» в отношении своих

[1] «Таймс», 15 октября 1924 г.

предшественников. Макдональд делал то, что на его месте делали бы и они.

Признания Керзона важны во многих отношениях. Итак, в Ирландии положение неустойчивое, в Египте многие вопросы не решены, арабский вопрос запутан и т. д. и т. п. Спрашивается: где же у них не запутано? Где же, в самом деле, устойчивое положение? В Англии, в самой Англии, 44 миллиона жителей, а 405 миллионов, по последней переписи, живет в подчиненных ей колониях. Если, по их признанию, в колониях оказывается неблагополучно, то почему же они недовольны Коминтерном, когда он указывает на то же самое?

Наконец, не знаю, как назвать — комедией или трагедией, или трагикомедией историю с этим «письмом Зиновьева». Макдональд, бывший не так давно еще одним из видных дипломатов, говорит: результат выборов в значительной степени зависел от этого самого письма. Миллион голосов было подано не за нас, а за консерваторов, потому что избирателей напугали этим письмом. Таково признание Макдональда. Выходит, что я, раб божий, виноват в том, что в Англии случилась такая история. Во всяком случае, Макдональд прав в том, что около миллиона голосов это письмо ему стоило. Посмотрите, как вел себя почтенный Макдональд. Теперь картина ясна, как на ладони. 10 октября ему представили пресловутое письмо. Оно прошло по входящим, исходящим... Я, — говорит Макдональд, — посмотрел на него и не особенно поверил, но на всякий случай велел заготовить ноту Советскому правительству. (На всякий случай!) Ноту послал, но надеялся, что назад пришлют на подпись. А в министерстве взяли да и трахнули: эту ноту опубликовали. — Теперь, как бы то ни было, Макдональда побили. Его собственная партия видит, что он сам виноват — вел дряблую политику. Он хотел получить голоса тех, кто за советскую власть. Но как умный меньшевик (меньшевики, как вы знаете, хотят быть именинниками и на Антона и на Онуфрия), он хотел заручиться симпатиями тех избирателей, которые против Советской России. Для этого он и разыграл всю историю с письмом, и на ней прогорел.

Но вот выборы закончены. Макдональду остается реабилитировать себя. Как он это сделал? Он назначил правительственную комиссию, чтобы она разобрала дело. Что же оказывается? Комиссия не успевает довести дело до конца, а он уходит в отставку, хотя мог бы остаться до созыва парламента. Правительственная комиссия разобрала дело и убедилась, что ни одно из правительственных учреждений не видело подлинника письма. Весьма существенное обстоятельство! Письмо якобы было, а никто не видел никакого подлинника, видели только копию, при чем никто не заверял копии. Любую бумажку могли показать и сказать, что это — письмо Зиновьева. К сожалению, — гласит сообщение, — короткий

срок, который был в распоряжении комиссии, не дал возможности как следует заняться этим делом. Спрашивается: кто мешал им заняться этим делом дольше? Оказалось невозможным получить новые данные, которые разъяснили бы это дело. И, как они сами теперь заявляют, подлинника письма никто не видел. Мы бы — говорят они — рассказали, быть может, как перехвачена копия, но это связано с тайнами некоторых других государств и, возможно, будет стоить жизни тому или другому должностному лицу за границей. И наконец кто-то из них остроумно нашел лучший выход: неважно, было ли письмо настоящим или нет; достаточно известно, что Зиновьев — враг Англии.

Товарищи, вся эта история больше похожа на комедию. Подумайте: богатейшая страна в мире, Англия, которая гордится своей культурностью, консерваторы, «просвещенные» лорды занимаются проделками мелких шулеров! Ясно, что от хорошей жизни этим не займешься. Заметьте, как разыгрались события: письмо, которое они приписывают революционеру, завзятому большевику, вдруг сыграло решающую роль в избирательной кампании и правительственных комбинациях богатейшей страны в мире — Англии! Представьте, Керзон написал бы десять подлинных писем, — неужели это могло бы сыграть большую роль в нашей избирательной кампании? (Смех. Аплодисменты.) Конечно, всякому, кто прочел письмо, ясно видно, что я не мог его написать — как раз к моменту выборов в Англии, как раз то, что нужно английской буржуазии. Однако, письмо принесло значительную пользу. Оно сделало бешеную, неслыханную рекламу Коминтерну. Например, во всей английской печати был поставлен вопрос о партийных ячейках на фабриках. Я должен сказать, товарищи, что для нас с вами вопрос о ячейках является элементарным. В английской же империи, где преобладает меньшевизм, рабочая аристократия, оппортунизм, там очень часто не знают, что такое ячейки, с чем кушают это блюдо. Там есть только один коммунистический еженедельник, выходящий в 50 тысячах экземпляров... А теперь все английские газеты—их несколько десятков тысяч—кричат об ячейках. Я думаю, что десятки тысяч рабочих в первый раз узнали, что такое ячейка, они в словарях будут рыться, чтобы перевести это слово, они убедятся, что ячейки вовсе не такая плохая штука — ни для рабочих, ни для солдат, ни для матросов. Едва ли Керзон, Болдуин и К° теперь думают, что им долго можно будет обойтись без подлинных ячеек во флоте и армии.

Таким образом, товарищи, мы видим, что все-таки в «царстве датском» — или английском — «что-то гнило», не все благополучно. От хорошей жизни чопорные образованные английские лорды не стали бы прибегать к такой уголовщине и рекламировать Коминтерн. Они пишут: Коминтерн — держава еще более могуще-

ственная, чем Союз Советских Социалистических Республик. Так сказано в ноте министерства иностранных дел Англии, т.-е., иначе говоря, они нашли наши же слова. Вспомните слова «Коммунистического Манифеста»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»

Такова, товарищи, картина последних шумных выборов в Англии. В результате этих выборов пришли к власти консерваторы. Увеличилось несколько и число голосов Рабочей Партии. Но случилось еще одно важное обстоятельство: почти сошла с исторической арены партия либералов. В парламенте две сильных партии — консерваторы и Рабочая Партия — очутились лицом к лицу, класс против класса. Когда Макдональд стоял у власти, он и все меньшевики уверяли, что теперь они покажут, как нужно строить социализм, не так, как делал, по-варварски, Ленин, с кровью, с гражданской войной — они, видите ли, вырежут мозоль буржуазии как опытные мозольные операторы, без всякой боли, они сделают настоящую мирную революцию, они покажут, как можно уничтожить или, по крайней мере, смягчить классовую борьбу. Похозяйничали они 9 месяцев, а что вышло? В Англии никогда не было такой острой классовой борьбы, никогда народ так не кипел, никогда там так не грохотало, как теперь. На выборах рабочие с кулаками лезли к лордам и очень желали иногда кое-где внести «поправки» к их физиономиям. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: пройдет несколько лет — и Рабочая Партия будет иметь большинство. И внутри этой партии будет происходить то, что мы называем «большевизацией». Попросту говоря, рабочий будет становиться сознательнее и пойдет по тому пути, который ему указывал не Макдональд, а Ленин. Исторический смысл всего происшедшего в Англии — в том, что классовая борьба там обостряется, что идея советской власти становится там решающей, ибо может врываться в избирательные кампании, что Коминтерн становится там все сильнее, и сильнее и что его идеи проникают всюду. Либералы теперь перетерты между двумя жерновами классовой борьбы. Попытка мудрых меньшевиков показать, как они смягчают классовую борьбу, закончилась смеха достойным фарсом. Рабочий думает свою думушку, у рабочего явился аппетит к власти, рабочий становится на ту стезю, которая была предуказана ему Лениным.

Несколько слов о Франции. Вы знаете, что буржуазная Франция стояла во главе интервенции против нас. Это был самый злопыхательный, самый коварный наш враг. Французская буржуазия устраивала против нас всевозможные заговоры, строила различные козни, а теперь она вынуждена признать Советское правительство. Особенно любопытно, товарищи, посмотреть, как завертелась в связи с этим наша буржуазная эмиграция в Париже. Весь цвет ее там живет. И в последнее время, когда факт при-

знания нас Францией стал особенно близким, осязательным, белая эмиграция дошла буквально до бешенства, до исступления. Вот вам выступление одного из них, поэта Бальмонта. Бальмонт считается благоухашым цветком русской буржуазной поэзии, он живет в каком-то надзвездном мире, кажется, ничто человеческое не интересует его. Посмотрите, как его ужалило, чем занимается этот почтенный поэт. В порыве умоисступления он дошел до того, что стал подбирать разные варианты на инициалы СССР. Он изощряется, чтобы придумать что-либо поядовитее. СССР означает: смейтесь, собачьи сыны, расплачетесь; или — союз совершенно свирепых разбойников, или — скверная слипшаяся слюна разодравшихся. Я думаю, что совершенно достаточно этих образчиков буржуазной литературы. Признаюсь, что это выступление надзвездного поэта напомнило мне слюноистечение тех собак, над которыми работает наш академик Павлов. Павлов, как вы знаете, открыл теорию «условных рефлексов». Попробуйте, — говорит он, — показать собаке кусок хлеба, — она начнет испускать слюну. Вот, мне кажется, что статья Бальмонта и является подобного рода «условным рефлексом». (Аплодисменты.) Если хотите у верных псов буржуазии вызвать чувство ярости, — покажите им красное знамя: у них потечет слюна, как у собаки... (Смех. Аплодисменты.)

Милюков пишет: если верить «Чикаго Трибюн», в Москве опубликован декрет, запрещающий поцелуи, как обычай опасный, и т. д. Товарищи, уж если на то пошло, то надо сказать, что у нас на этот счет обстоит совсем наоборот. (Смех.) Белые газеты, начиная от милюковских «Последних Новостей» и кончая любой бульварной газетой, изрыгают необычайную ложь и клевету по нашему адресу. И все-таки дело о признании нас со стороны Франции — факт совершившийся. И что важнее всего, даже Болдуин, хотя и ставит на «черное», все-таки уйти назад от признания Советского Союза не может. Он прекрасно знает, что соотношение сил за это время изменилось в нашу пользу. Все наши враги знают, что мы сами плюс рабочие в их собственных государствах, которые сочувствуют нам, — огромная сила. Они знают, что не могут повести против нас войну, не могут отказаться от торговли с нами; они знают, что наше дело идет вперед, что наш фронт выровнялся, и взять назад признание Советской страны они не посмеют.

Поэтому, подводя итоги международной политики, мы можем сказать, что они не плохи. Рабочий класс медленно, но верно революционизируется. Коминтерн за этот год проиграл несколько сражений. Это верно: мы потерпели некоторые поражения в Болгарии, Германии, Польше. Но эти поражения чреваты победами. Сколько сражений проиграл наш собственный рабочий класс раньше, чем он выиграл основное сражение! Лиха беда начало.

Важно было перевести пролетариат с рельс мирной тактики революции на новые рельсы борьбы. Первые бои начались. Кое-где мы имеем поражения, но, повторяю, они чреваты победами. Иные думают, что если дело идет не так быстро, значит, мы не на верном пути. Опять-таки напомню слова тов. Ленина, который говорил, что настоящий революционер не тот, который стоит за революцию, когда все движется вверх; тогда можно иметь много попутчиков и из мелкобуржуазной среды. Действительный революционер тот, который умеет быть таковым и в самые тяжелые минуты, когда бывают те или иные заминки. Да, конечно, Коминтерн имел несколько проигранных сражений. Но наш класс выходит на верную дорогу. После нескольких лет империалистической войны он показал решимость к борьбе. Он взял правильный курс.

Возвращаясь к вопросу, затронутому мною в начале доклада, я должен сказать, товарищи, что наша основная задача — подойти поближе к крестьянству. Ленинградский пролетариат, можно сказать, сделал здесь очень многое. Я был горд услышать в ЦК заявление одного из товарищей, который сказал, что все-таки в области работы в деревне Ленинградская организация оказалась первой или одной из первых. Хотя она и мало связана с деревней, но здоровое политическое чутье ленинградских рабочих подсказало им во-время, что вопрос о крестьянстве есть решающая политическая задача дня. Я уверен, что Ленинградский пролетариат с честью будет выполнять эту великую революционную задачу.

Товарищи, мы первый год отмечаем Октябрьскую годовщину без Ильича. Испытаний в этом году было не мало. До сих пор, как вы знаете, мы проходили через огонь и медные трубы, а в этом году — и через воду, ибо пережили наводнение. Испытаний, вероятно, и будет не мало. Но основная историческая роль Ленинграда в революции остается непоколебимой. Ленинград был зачинщиком революции, он был и останется основным резервуаром работников для партии и всей Советской страны. Он является основной школой по партийной, профсоюзной, советской, хозяйственной, культурной, просветительной и кооперативной работе. Много трудностей еще на его пути, но Ленинград останется тем, чем он был — первым величайшим центром пролетарской революции не только нашей страны, но и всего мира. (Бурные аплодисменты.)

СЕМЬ ЛЕТ.[1]

Первая годовщина Октября без Ильича.

1. Итог в международном положении.

Как раз к седьмой годовщине Октября история подвела итог в международном положении Советского Союза. Признание СССР со стороны французской буржуазной республики кладет некую грань, заканчивает главу международной политики. Сравните международное положение Советской республики семь лет назад и теперь! Как далеко остались позади времена Нуланса и Бьюкенена! Каким далеким прошлым кажется теперь эпоха блокады! На территории СССР нет уже Нуланса, но зато у нас гостит Марти, которого успели вырвать из стен каторжной тюрьмы французские рабочие, всей душой сочувствующие его и нашему делу...

Семь лет назад международное положение первой победоносной рабочей революции, казалось, висело на волоске. В двух шагах от главного очага революционного движения, Красного Петрограда, находились войска кровавого германского империализма. А представители держав Антанты шныряли в Петрограде, Москве, Вологде, Одессе, Баку, намереваясь захлестнуть петлю на шее русской революции при помощи эс-эров и меньшевиков, «готовых к услугам». В воспоминаниях Бьюкенена можно подробно прочитать, как Авксентьевы и Рудневы, назавтра после 25 октября, подняв воротник, ходили на нелегальные свидания к английскому послу, чтобы вместе с ним обсудить меры против «варваров-большевиков».

К седьмому году Союз Советских Социалистических Республик признан почти всей Европой и в том числе главными империалистическими державами ее — Англией и Францией. Это — итог; это — законченная глава.

Не в том дело, чтобы погасла ненависть со стороны империалистов Запада к советской революции. О, на это жаловаться мы не можем. Но дело в том, что изменилось соотношение сил. Дело в том, что СССР плюс те силы, которые являются нашими

[1] Напечатана в «Правде» № 255, 7 ноября 1924 г.

союзниками внутри буржуазных государств Европы (рабочий класс), составляют величину, которую европейский империализм победить не может. «Принципиально» господа империалисты не отказались бы от блокады и теперь. Но руки коротки.

В области международной политики наша революция знает два главных фронта — западный и восточный. Западный фронт был и остается опасным для пролетарской революции. Он — мы говорим о Западе буржуазной Европы — был опасным, ибо там буржуазия самая богатая, самая сильная и, вместе с тем, территориально самая близкая к нашему Союзу. Империалистическая буржуазия Запада была наиболее реальной угрозой первой победоносной пролетарской революции; была и до известной степени еще и остается.

Да, пришедшие опять к власти в Англии Болдуины и Черчилли не прочь, конечно, сделать все против СССР. Но «возможности» их все же ограничены. Антагонизмы между Англией и Францией вновь усилятся. «Единый фронт» буржуазии удастся еще меньше. Сознательность и классовая солидарность английского рабочего класса возрастут.

Сорвалась «демократически-пацифистская» эра? Но СССР в ее долговечность и не верил и на ней своих надежд не строил. Реальное же соотношение сил меняется — хотя и медленно — в сторону международного пролетариата.

Линия нашего западного фронта теперь значительно выпрямилась и сильно сократилась. Попытки нового прорыва линии нашего фронта с Запада еще возможны. Победа консерваторов в Англии говорит об этом достаточно красноречиво. И тем не менее, к седьмому году на западном фронте — громадное облегчение.

На восточном фронте — мы говорим о Ближнем и Дальнем Востоке, о Персии, Турции, Китае, Японии, Индии и т. д.—к седьмой годовщине нашей революции сделан значительный шаг вперед. Признание СССР со стороны Китая и те взаимоотношения, которые устанавливаются между Советским Союзом и Китаем, имеют поистине всемирно-историческое значение. Великое значение этого события было недооценено нами самими. Оно только еще начинает вырисовываться. Владимир Ильич, особенно в последние годы своей жизни, настойчиво напоминал нам не раз о том, что судьбы мировой революции окончательно решатся именно на Востоке, где живут сотни миллионов людей, составляющих большинство человечества и угнетаемых зверским империализмом, неизбежно вызывающим революционное движение на Востоке. Смысл событий, происходящих в последнее время на Востоке, следующий: первая из освобожденных от ига капитализма стомиллионная армия человечества — Союз Советских Социалистических Республик — начинает входить в живое соприкосновение с армиями человечества Ближнего и Дальнего Востока. Между

народами СССР и народами Ближнего и Дальнего Востока начинает устанавливаться живая связь. Быстро приближается время, когда к первой сотне миллионов освобожденного человечества присоединятся новые сотни миллионов. События последнего времени в Китае являются как бы историческим намеком (он уже облекается плотью и кровью) на то, что судьбы основных глыб человечества будут развиваться именно в том направлении, как это предсказывал тов. Ленин.

Отсюда ясен итог в области международной политики:

а) значительное улучшение на западном фронте; сокращение и выпрямление его линий;

б) на Востоке многообещающее начало: соприкосновение между народами СССР и теми сотнями миллионов трудящегося человечества Востока, которые определят судьбы нашей планеты в ближайшую эпоху.

2. Коминтерн.

Семь лет назад началась мировая революция. Что завершение ее потребует несколько десятилетий, это теперь уже совершенно ясно. Ясно также и то, что не только в рамках всей этой эпохи мировой революции, но и в рамках каждого из десятилетий, которые составят эту эпоху, неизбежны приливы и отливы. Недаром Владимир Ильич не раз говорил о переходных периодах в переходном периоде.

Как оформленная организация, Коминтерн существует пять лет с небольшим. Чтобы выполнить свою историческую миссию и даже только чтобы одержать свои первые решающие победы, Коминтерну понадобится гораздо больше времени, чем все мы думали в начале его работы.

Без большевистской партии нет пролетарской революции. Эта аксиома неоспорима. А между тем Коминтерну приходится только теперь приступать к настоящей серьезной большевизации партий. Даже такая сравнительно простая вещь, как переход наших партий к организации их на основе фабрично-заводских ячеек, потребовала годов.

Бурно пролетели первые годы после великого Октября: ряд буржуазных революций в центре Европы; несколько корон, снесенных ураганом народных движений с венценосных голов европейских монархов; затем начало великих массовых чисто пролетарских движений — восстание спартаковцев, революционное движение итальянских рабочих, могучая стачечная волна невиданной силы, охватившая всю Европу, новое восстание германских рабочих в марте 1921 г.; затем два года сравнительного затишья. И в 1923 г. — первые революционные зарницы назревающего нового подъема; события в Болгарии, Польше, Германии.

Так называемая «демократически-пацифистская эра» отцветает, не успев расцвесть. Классовые противоречия обостряются, а не наоборот. Американский «ультра-империализм» не замирит этих противоречий, а обострит их. Еще Каутский в свое время наговорил немало вздора о чудодейственных свойствах американского «ультра-империализма». Но он оказался плохим пророком. Напрасно вторят ему маловеры.

Знахари Второго Интернационала, обещавшие мирным путем разрешить «социальный кризис», который мучит Европу, паки и паки разоблачены. Второй Интернационал потерял для своих «мирных» опытов Англию (падение Макдональда) и выиграл пока только... Швецию (приход к власти Брантинга). Это — символ. В течение девяти месяцев «рабочего» правительства в Англии вся фальшь реформизма была разоблачена с достаточной наглядностью. Сторонники «конструктивного социализма» обещали «смягчить» классовую борьбу, если не уничтожить ее вовсе. А вышло то, что классовая борьба в Англии только усилилась. Английский «опыт» пойдет на пользу рабочему классу Англии и всей Европы.

Английский рабочий класс постепенно революционизируется. Медленно, но верно взрыхляется почва для создания подлинно-массовой коммунистической партии в Англии. Как ни мала еще британская компартия, а ей обеспечено великое будущее. Расслоение в лагере самой рабочей партии теперь неизбежно. Недовольство правыми вождями будет расти. Не так далеко время, когда британская компартия поведет за своим знаменем значительные силы из лагеря английского профдвижения. Имена пары карьеристов и ренегатов, убежавших из английской компартии из-за того, что она не может еще предоставить им сейчас парламентских мандатов, будут забыты всеми. А историческая миссия той британской компартии, которая сейчас многим маловерам кажется не стоящей внимания величиной, свершится неизбежно. Создание массовой компартии в Англии — важнейшая очередная задача Коминтерна.

Есть порода «революционеров», которые считают, что если темп развития международной революции потерпел замедление, то, значит, Коминтерн неправ и нужно заняться «критикой» его, хныкать о «кризисе», а, пожалуй, на всякий случай, начать подумывать о пристанище в другом лагере. Избави нас судьба от таких «революционеров»! Этим людям, которые по недоразумению иногда называют себя коммунистами и даже «большевиками», и невдомек, что именно в ту пору, когда развитие революционных событий замедляется, особенно важно остаться большевиками. Многие в наш век хотят называться ленинцами, но им и невдомек, что обвинения по адресу нынешней политики Коминтерна в «сектантстве, круж-

ковщине» проистекают из того же источника, что и аналогичные обвинения со стороны русских меньшевиков (и не только меньшевиков, но некоторых «левых») по адресу В. И. Ленина в эпоху между двумя русскими революциями.

Предоставь «критикам» и маловерам говорить, что им угодно, и иди своим путем—путем подлинного ленинизма—вот политика Коминтерна. Последние годы не балуют нас значительными победами, эффектными успехами. В ряде случаев мы имеем за собой проигранные сражения. Тяжелая, но великая и благодарная работа создания подлинно большевистских партий во всем мире—на очереди. Коминтерн, засучив рукава, работает над этим делом. Настоящие большевики — а они существуют уже теперь почти во всем мире — помогут этой работе, не хныкая по поводу того, что дело развивается медленно. Когда будни вновь сменятся бесспорным революционным подъемом, около Коминтерна окажется опять много охотников помочь...

Путь Коминтерна верен. Решения пятого конгресса подтверждаются каждым новым крупным событием в области мировой политики и международного рабочего движения, ибо путь Коминтерна—путь ленинизма.

3. Рабочий класс и крестьянство.

К седьмой годовщине Октября никто уже не сомневается в том, что хозяйственное положение СССР пошло вверх, что наша промышленность систематически растет, что денежная реформа удалась, что финансовое положение окрепло, что постепенно консолидируется рабочий класс, что начинает прекращаться деклассирование пролетариата, что медленно, но верно улучшается материальное положение рабочих, что растет, хотя и недостаточно быстро, благосостояние деревни, что, одним словом, хозяйственная жизнь Союза оздоровляется. Первые значительные улучшения в хозяйственной области достигнуты.

Хозяйственные успехи еще невелики, но они вне всякого сомнения. Это главный итог прожитого времени. Сознание того, что в этой решающей области дело бесспорно продвинулось вперед, является основным в настроении страны, рабочего класса, партии. Лед тронулся.

Вся жизнь нашего государства определяется взаимоотношением двух классов — пролетариата и крестьянства. Свое значение, разумеется, имеют и остальные слои: интеллигенция, мелкое мещанство, новая буржуазия, остатки и зачатки третьего класса. Недовольство всех этих элементов, конечно, необходимо так или иначе учитывать. Но основы нашей политики и устойчивость ее определяются не этими, все же второстепенными, факторами.

Только нарушение равновесия в области взаимоотношений *двух основных классов* нашего государства чревато серьезными потрясениями и, как указывал тов. Ленин, при неблагоприятных условиях, даже гибелью. Вот о чем мы не должны забывать ни на минуту.

Когда семь лет назад наша партия завоевала большинство пролетариата, основным вопросом революции было: удастся ли пролетариату, возглавляемому нашей партией, повести за собою крестьянство? Это удалось, и революция победила. Ныне, к началу восьмого года революции, пред нами, в сущности говоря, стоит тот же основной вопрос, только в новой форме. *Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства и сейчас является решающим вопросом всей революции.*

В течение пяти лет шла гражданская война. Не только рабочие в массе своей понимали, что борьба идет за то, чтобы фабрики остались в руках пролетариата, но и крестьянские массы отлично сознавали в эти годы, что гражданская война идет из-за того, чтобы земля осталась в их руках. Компартия, возглавлявшая рабочий класс, одновременно возглавляла аграрную революцию и являлась в глазах крестьянства той партией, которая руководит крестьянами против помещиков в борьбе за землю.

Примерно с 1922 года начинается другой период. Аграрная революция вчерне закончена, гражданская война завершена. Жизнь начинает входить в хозяйственную полосу не только в городах, но и в деревне. Крестьянство по горло погрузилось в хозяйственные заботы.

Это обстоятельство создало новые взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством, на которые не раз указывал в своих речах и статьях тов. Ленин. Теперь перед партией, возглавляющей рабочий класс, встает задача: доказать крестьянину, что именно она лучше всякой другой поможет ему восстановить хозяйство, обеспечит дешевый ситец, установит цены на необходимые товары соответственно ценам на хлеб, создаст хорошую народную школу и честный, дешевый советский аппарат на местах.

«Советская власть хороша, да мануфактура дорога», — так зачастую характеризуют положение в современной деревне. А в других местах, где советский аппарат в уезде, в волости недоброкачествен, где наши деревенские ячейки еще хромают, где процветают взятки, пьянство и произвол, можно слышать отзывы и похуже...

«Рабочий сейчас у крестьянина может покупать хлеб по довоенным ценам. Спрашивается: почему крестьяне не могут купить товара по довоенным ценам?»—так спрашивает одно крестьянское письмо из Владимирской губернии. Этот вопрос неизбежно задаст все крестьянство. Нужно скорее поднимать и укре-

плять нашу крупную и среднюю промышленность. Еще и еще больше внимания сюда! Ибо здесь — база. Пролетарий, гегемон революции, помни об этой основной задаче. Иначе руководящая роль рабочего класса в революции неизбежно уплывет из твоих рук.

Не будем скрывать от себя: положение в деревне зачастую очень незавидное. Некоторые черты недавних грузинских событий (где преобладали местные мотивы, но имели, несомненно, некоторое значение и общие мотивы, характерные не только для Грузии), процесс убийц Малиновского, эпидемия гонений на селькоров достаточно ясно говорят о том, что партии надо приложить внимательное ухо к земле и крепко задуматься над сложившейся обстановкой в деревне.

Дело не только в том, чтобы объявить беспощадную войну трем бичам современной деревни — взятка, пьянство и произвол — но в том, чтобы сделать все возможное для более скорого хозяйственного подъема деревни, для обеспечения ее необходимыми продуктами городской промышленности, для создания в деревне, в селе, в волости и в уезде подлинной, т.-е. честной и культурной советской власти.

По мере роста благосостояния деревни эта последняя задача будет выдвигаться с особой остротой. Ибо растет и будет расти требовательность деревни во всех областях. Растет ее потребность организоваться. Мы должны и тут быть в первых рядах...

Недавно закончившийся пленум центрального комитета нашей партии поставил этот вопрос во весь его рост. Центральная политическая проблема к началу восьмого года революции заключается в том, чтобы обеспечить действительно здоровые нормальные взаимоотношения пролетариата и крестьянства в СССР. Не на словах, а на деле оживить советы на местах. Связаться с беспартийными крестьянами: в частности — дать большее представительство беспартийным крестьянам в волостных, уездных, губернских советах, а также во всех наших всесоюзных центральных органах. В течение месяцев и годов работать над тем, чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу и к нашей партии. Продвинуть в деревню в массовом количестве хорошую книжку. (В скобках сказать, это позор, что столь разросшиеся наши издательства печатают все, что угодно, только не массовую популярную книжку, которая в миллионах экземпляров дошла бы действительно до деревни.) Вот задача всех задач.

Помни о крестьянстве! Лицом к деревне! Работай над созданием и упрочением действительно правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством — по Ленину. Центральный узловой вопрос, основное «звено», за которое надо теперь ухватиться — работа в крестьянстве. К седьмой годовщине революции запомним это особенно крепко.

*

4. Партия.

Год назад наша статья, посвященная шестой годовщине, почти целиком трактовала о болезненных явлениях в нашей партии. За истекший год партия пережила дискуссионную лихорадку, трепавшую ее одно время неистово. Враги пророчили распад или, по крайней мере, раскол партии. А она вышла из дискуссии выздоровевшей и окрепшей, и ленинский призыв влил в ее жилы свежую, здоровую кровь.

Мы не должны впадать в казенный оптимизм. Мы вовсе не хотим сказать, что у нас уже все обстоит абсолютно благополучно. Было бы иллюзией думать, что мелкобуржуазная оппозиция, побежденная во время дискуссии, окончательно сдалась. Некоторые литературные произведения последних дней достаточно убедительно говорят о том, что это не так. Было бы еще большей иллюзией думать, что в нашей стране с громадным преобладанием мелкой буржуазии исчезли условия, порождающие мелкобуржуазные уклоны. Опасности перерождения, несомненно, существуют, они заложены во всей обстановке нэпа. И только рост социалистических элементов хозяйства, только увеличение удельного веса крупной промышленности, а стало быть и промышленных рабочих, в стране служит надежным противоядием против этих опасностей.

Осуществление диктатуры пролетариата в нашей стране при современной обстановке чревато двумя главными опасностями. Первая: опасность мелкобуржуазного обволакивания, оседлание коммунистов буржуазно-«беспартийными» элементами, зачастую господствующими в советском аппарате, проповедь «эмансипации Советов от партии», отталкивание партии на позицию чистой пропаганды и агитации, отделение партии от подлинного руководства всей хозяйственной жизнью страны, — словом, то, что у нас в шутку называли «отделением церкви от государства»; вторая: отрыв партии от масс в результате неправильного проведения диктатуры и упростительства при ее осуществлении, неуменье подойти к беспартийным массам, в особенности, к крестьянским, попытки заменить Советы партией.

Ленинская партия ясно видит обе опасности, из которых первая, несомненно, является главной. В каждый данный момент партия сосредоточивает свое внимание на той из опасностей, которая, в силу стечения обстоятельств, становится наиболее угрожающей на данном «участке фронта».

Надо сказать всю правду: большевизация компартии необходима не только в Западной Европе. Даже наша собственная партия, РКП, в ее нынешнем состоянии еще не вполне большевизирована. У нас есть значительное число коммунистов из

числа крестьян, из числа учащихся, над которыми партия должна еще работать и работать. 200 000 новых членов партии, рабочих, влившихся в наши ряды, несомненно, являются прекрасными работниками, надеждой партии, но законченными большевиками, действительными ленинцами они станут только через некоторое время, после накопления настоящего практического опыта в парторганизациях, в профсоюзах, в советах, после серьезной учебы в рядах партии.

Прорех — немало, работы — непочатый край. Дело учебы начинает у нас развиваться недурно, но дело практического участия рядовых членов партии во всех делах партии, советских и хозяйственных органах, развивается медленно и туго. Здесь можно еще пожелать многого.

И все-таки за протекший год достигнуто многое. К седьмой годовщине партия наша более сильна, более сплоченна, более Ленинская партия, чем она была к шестой годовщине.

Нет худа без добра. И истекшая дискуссия принесла свою пользу. Однако, задача партии сейчас заключается в том, чтобы не только не дать возникнуть новой дискуссии подобного типа, но и окончательно ликвидировать остатки истекшей. Непримиримых оппозиционеров и фракционеров нужно оставить генералами без армии. Товарищей же, которые раньше делали ошибки, а теперь добросовестно принимают решения XIII партийного съезда, необходимо, во что бы то ни стало, полностью привлечь к работе. Настойчивая пропаганда ленинизма дала уже свои плоды и в среде учащейся молодежи, где по понятным причинам колебания одно время были значительны.

Окончательная большевизация нашей партии; неустанная работа над свежими слоями рабочих для того, чтобы сделать из них настоящих ленинцев; подлинное большевистское единство партии, т.-е. единство на почве принципов ленинизма, — с этими задачами входит наша партия в восьмой год революции.

5. Первый Октябрь без Ильича.

Первый Октябрь без Владимира Ильича, без творца Октября, без признанного учителя и вождя рабочих всего мира!

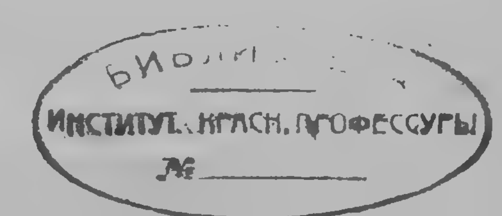
Можно ли представить события октября 1917 г. без тов. Ленина? Можно ли представить нашу партию без Ильича и Ильича без нашей партии?

Год назад Владимир Ильич был еще жив. В его болезни как раз наступило некоторое облегчение. И вся рабоче-крестьянская страна, и все революционно мыслящие рабочие всего мира ждали с замиранием сердца дальнейших улучшений. Ждали и надеялись.

Горечь утраты с особенной остротой чувствуется в эти дни, когда каждый сознательный большевик обозревает пройденный путь и пытается приподнять завесу будущего, дабы нащупать дальнейшую дорогу мирового пролетариата.

Самые отвлеченные идеи превращаются в крупную силу, когда они становятся достоянием масс. А тем более такие идеи как идеи Ленина. Все глубже и глубже проникают в многомиллионные массы идеи ленинизма. Все шире, ярче и разностороннее подтверждаются великие предвидения Ленина. У мавзолея Ильича в Октябрьскую годовщину мысленно собираются коммунисты всего мира. Со знаменем Ленина всемирная партия ленинизма победит.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 75 к.

